

Art Logos

(искусство слова)

№ 1 (22), 2023

Art Logos (The Art of Word)
scientific journal, issue 1 (22), 2023

Art Logos

(искусство слова)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

№ 1 (22), 2023

Учредитель, издатель: Ленинградский
государственный университет имени
А. С. Пушкина

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи и мас-
совых коммуникаций 3 февраля 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77-68617

Журнал издается с 2017 года
Периодичность 4 раза в год

Главный редактор

Т. В. Мальцева, д-р филол. наук, профессор, Россия

Редакционная коллегия

С. Л. Слободнюк, д-р филол. наук, д-р филос. наук, профессор, Россия

О. Ю. Осьмухина, д-р филол. наук, профессор, Россия

Т. И. Рожкова, д-р филол. наук, профессор, Россия

А. А. Карпов, д-р филол. наук, профессор, Россия

С. Г. Гренье, канд. филол. наук, профессор, США

М. Яхьяпур, канд. филол. наук, профессор, Иран

В. В. Волков, д-р филол. наук, профессор, Россия

К. П. Сидоренко, д-р филол. наук, профессор, Россия

Е. В. Купчик, д-р филол. наук, доцент, Россия

О. А. Мешерякова, д-р филол. наук, доцент, Россия

З. И. Резанова, д-р филол. наук, профессор, Россия

С. В. Иванова, д-р филол. наук, профессор, Россия

Art Logos

(The Art of Word)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

issue 1 (22), 2022

Founder, publisher: Pushkin Leningrad
State University

The journal is registered by The Federal
Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
February 03, 2017

**The certificate of the mass media
registration** ПИ № ФС 77-68617

The journal is issued since 2017
Quarterly, 4 issues per year

Chief editor

T. V. Maltseva, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

Editorial Board

S. L. Slobodnyuk, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

O. Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

T. I. Rozhkova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

S. G. Grenier, Doctor of Philology, Professor, USA

M. Yahyapour, Doctor of Philology, Professor, Iran

V. V. Volkov, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

K. P. Sidorenko, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

E. V. Kupchik, Doctor of Philology, Associate Professor, Russia

O. A. Meshcheryakova, Doctor of Philology, Associate Professor, Russia

Z. I. Rezanova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

S. V. Ivanova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПЕРСОНАЛИИ

А. Г. Гродецкая «Жалкие слова» в полемическом арсенале Фета-публициста	10
К. С. Оверина «Драма на охоте» А. П. Чехова: проблема восприятия	18
А. А. Чевтаев «Ангел-хранитель» как стихотворение-пролог в поэтической книге Н. С. Гумилева «Чужое небо»	28
А. О. Большев Мотив утраты как обретения в романе А. Битова «Пушкинский дом»	50
И. Б. Ничипоров Проба пера: о романе Екатерины Манойло «Отец смотрит на запад»	56
С. М. Коновалов Роман о состоянии нации в творчестве современных британских писателей (на материале произведений Джонатана Коу)	66
Моради Марзие Сказки «Тальхун», «Ах» и «Аленький цветочек» (сравнительный анализ)	76

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

О. С. Орлова Языковые и культурные подсказки в загадках (на материале русских народных загадок о животных и птицах)	90
---	----

О. Б. Абакумова	
Семантика цвета в русских и английских фразеологизмах и пословицах с колоративами	97
Л. Б. Кацюба	
Актуализация духовно-нравственного потенциала религиозного аспекта веры в русских паремиях	109

ДИСКУССИЯ

О. А. Мещерякова	
Язык религиозной сферы как объект изучения современной лингвистики	128
Е. А. Цуканов	
Краткий курс пневматологии в романе Федора Достоевского «Идиот»	145

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. К. Данилова	
XXI век об «Анне Карениной»	160
О. А. Мещерякова	
«Человек в языке»: о словаре собственных имен М. Л. Ковшовой	167
Сведения об авторах	176

Contents

LITERARY STUDIES AND HISTORY OF LITERATURE. PERSONALITIES

Anna G. Grodetskaya

"Pathetic Words" in the Polemical Arsenal
of Fet the Publicist 10

Ksenia S. Overina

A. P. Chekhov's "The Shooting Party":
The Problem of Perception 18

Arkady A. Chevtaev

"Guardian Angel" as a Prologue Poem
in the Poetic Book of N. S. Gumilyov "Alien Sky" 28

Aleksandr O. Bolshev

The Motif of Loss as Gain in Andrei Bitov's "Pushkin House" 50

Ilya B. Nichiporov

Pen Test: about Ekaterina Manoilo's Novel "Father Looks
to the West" 56

Sergey M. Konovalov

A Novel about the State of the Nation in the Work
of Contemporary British Writers 66
(Based on the Works of Jonathan Coe)

Marzieh Moradi

Fairy Tales "Talhun", "Ah" and "Scarlet Flower"
(Comparative Analysis) 76

LINGUISTICS. LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION

Olga S. Orlova

Linguistic and Cultural Clues in Riddles 90
(Based on Russian Folk Riddles about Animals and Birds)

Olga B. Abakumova
Semantics of Colour in Russian and English
Phraseological Units and Proverbs 97

Larisa B. Katsyuba
Actualization of Spiritual and Moral Potential
Religious Aspect of Faith in Russian Proverbs 109

DEBATE

Olga A. Meshcheryakova
The Language of the Religious Sphere
as an Object of Study of Modern Linguistics 128

Evgeny A. Tsukanov
A Short Course in Pneumatology in Fyodor Dostoevsky's
Novel «The Idiot» 145

REVIEWS

Natalya K. Danilova
XXI century about "Anna Karenina" 160

Olga A. Meshcheryakova
"A Man in the Language": about the Dictionary
of Proper Names by M. L. Kovshova 167

About Authors 176

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЕРСОНАЛИИ

А. Г. Гродецкая

«Жалкие слова» в полемическом арсенале Фета-публициста

В статье рассматриваются как содержательные аспекты, так и ряд полемических приемов в не опубликованной ранее статье А. А. Фета «По вопросу о личном найме» (1876), занимающей не последнее место в его публицистике. В статье отмечено, что данный текст отразил не только многолетний опыт фермерства и судебской практики автора, но и его общемировоззренческую позицию. Острая полемика, которую Фет ведет с публицистом либеральных взглядов А. А. Головачевым, потребовала использования своеобразных полемических приемов, направленных на дискредитацию идей оппонента. Среди последних – многочисленные цитаты, включая и цитату из «Обломова».

Ключевые слова: публицистика А. А. Фета, Крестьянская реформа, полемические приемы, роман «Обломов», И. А. Гончаров.

Для цитирования: Гродецкая А. Г. «Жалкие слова» в полемическом арсенале Фета-публициста // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 10–17. DOI 10.35231/25419803_2023_1_10

Обширная, 34-страничная статья Фета «По вопросу о личном найме», напечатанная в 1876 году в «Русском вестнике» [9] и не вошедшая в сборник собранных воедино и впервые переизданных статей «Наши корни» [8], занимает в его публицистике не последнее место. Это страстный полемический монолог, направленный не просто на оспаривание, но на полную дискредитацию идей оппонента, которым в данном случае стал известный общественный деятель и публицист либеральных взглядов А. А. Головачев,

автор напечатанной в 1875 году в «Отечественных записках» статьи «Проект положения о найме рабочих и прислуги» [1]. На эту работу, в которой рассматривается конкретный законодательный проект, и откликается Фет, последовательно, подробно, педантично цитируя и разбирая аргументы представителя, по его словам, «прогрессивной (читай: регрессивной. – А. Г.) партии». Прогрессисты в целом, а не только г-н Головачев, выступают в статье Фета объектом сокрушительной авторской иронии. Не прогресс как таковой оспаривает Фет, но призывает в решении каждого вопроса считаться со сложившимися традициями. Рассуждая о насущных задачах «закладки здания» законотворчества в области наемного труда в сельском хозяйстве, он пишет: «При закладке здания необходимо было иметь в виду два мира, не имеющие, кроме общечеловеческих понятий о нравственности, ничего общего. Здесь не место указывать на резкую противоположность двух слоев, чисто-народного и народно-европейского, одного внизу, другого вверху здания. Если, с одной стороны, никакие измышления не в силах задержать естественного хода вещей, по которому всё растет кверху, по той простой причине, что в житейских делах идти назад невыгодно; то с другой стороны, безрассудно спускаться в целый мир самобытных преданий, привычек и естественных условий времени с заранее готовыми идеалами и шаблонами, к какому бы высокому миросозерцанию они ни принадлежали» [9, с. 434]. Одним из итогов полемики становится приговор Фета: «Если же вы запустите вашу европейски-юридическую руку в своеобразный крестьянский быт, то вместо пользы и добра внесете в него вопиющую неправду, разорительный произвол и путаницу, достойную желтого дома» [9, с. 435].

Материалы и методы

Статья Фета интересна во многих отношениях. Вступая в полемику, он демонстрирует глубокое знание пореформенного законодательства, в данном случае – законов, касающихся наемного труда, то есть труда свободного, освобожденного от крепостной зависимости, что не раз подчеркнуто. В статье, по сути, дискутируется Крестьянская реформа и ее следствия, и частные вопросы становятся по-

водом для суждений широких и общих – о проблемах экономических, производственных, социально-бытовых. Рассматривая конкретные ситуации найма рабочих для сезонных сельскохозяйственных работ, Фет постоянно ссылается на собственный опыт мирового судьи – общественного деятеля с девятилетним (!) стажем, что им дважды в тексте отмечено. Напомним, что мировым судьей в Мценском уезде Орловской губернии Фет служил на протяжении 11 лет, с 1867 по 1877 год, посвятив этой своей деятельности несколько публицистических статей и значительную часть «Моих воспоминаний» (1890–1891). В Мценском уезде в 1860 году Фет купил имение Степановку, став фермером и превратив имение за годы упорных трудов в образцовое хозяйство. В полной мере отразился в статье и этот его опыт создания и поддержания «русского нерасхитительного хозяйства» [9, с. 411], «рационального» хозяйства (это определение Фет повторяет семь раз. – А. Г.), формы и принципы которого представляются ему не только жизненно необходимыми в России, но и вполне достижимыми.

Результаты

Статья насыщена специальной лексикой, статистическими данными, ссылками на газетную и журнальную хронику, в ней множество цифр, подсчетов выгод и невыгод, расходов и доходов. Наблюдения и размышления автора подчеркнута хозяйственно-деловые, прозаические. Со знанием дела, с видимым увлечением Фет пишет о самых насущных сельских заботах – о севе, покосе, пахоте («...напахано сохой, без огрехов, три борозды в аршине, глубиною в два вершка...» [9, с. 433], об оплате труда наемных рабочих («...рабочим в месяц отпускается по два пуда муки и двойная, против солдатского пайка, порция круп, в размере трех гарнцев, с приварком в виде солонины, сала, конопляного масла, картофеля, молока и т. п....» [9, с. 433]).

Позиция Фета гораздо шире полемических задач. Подлинным пафосом проникнуты его суждения «с точки зрения государственных интересов» [9, с. 432] о путях преодоления разного рода общественного зла.

Сами же полемические приемы Фета весьма разнообразны. Здесь, как и в целом в его публицистических и мемуарных

текстах многочисленны латинизмы (и отсылки к античным авторам), германизмы, устойчивые речения и фразеологизмы, поговорки и пословицы, как русские, так и европейские. Не раз обращается Фет и к литературным текстам, цитируя Пушкина и Лермонтова, продолжая привычную полемику с «новыми» идеями «новых людей», иронизируя, например, над «алюминиевыми фаланстерами» в романе «Что делать?» и т. д. Цитатное «чужое» слово здесь, как и в большинстве прозаических текстов Фета, как правило, выделяется курсивом.

В литературный ряд в статье «По вопросу о личном найме» попадает и Гончаров, не столь легко узнаваемый, как Чернышевский, однако закурсивленное словосочетание «жалкие слова», несомненно, отсылает к тексту «Обломова».

Своего оппонента (достаточно авторитетного публициста, стоит отметить) Фет не щадит и не упускает случая, чтобы саркастически не отметить в его «афоризмах» «эфемерность, туманность и противоречивость» [9, с. 408], терминология г-на Головачева, по его словам, «не представляет, при ближайшем рассмотрении, никакого содержания» [9, с. 410], а аргументация его сводится к «подтасовке нейдущих к делу обстоятельств и замене известного значения слов неизвестным» [9, с. 423].

Среди целого ряда уничижительных определений звучит и следующее: «Следя до сих пор за общими соображениями г-на Головачева, мы удивлялись их произвольной постановке и призрачности его афоризмов. Это какой-то дым, в котором мелькают клочки бумаги с жестокими словами: “Эксплуатация, дешевый работник, все барыши на долю предпринимателя”, и всё это в виде аргументов. Потрудимся поймать любое из этих жалких слов и присмотреться к действительному его значению» [9, с. 418].

Едва ли современный читатель вспомнит «жалкие слова» Ильи Ильича Обломова, но современникам Фета авторский курсив, несомненно, указывал на их узнаваемый литературный источник.

Выражение «жалкие слова» звучит уже в 1-й главе романа в реплике Захара (об Обломове): «...ты только мастер говорить мудреные да жалкие слова, а до пыли и до паутины тебе и дела нет» [2, с. 12]. В домашнем театре представление

с «жалкими словами» повторяется с неизменной периодичностью. Патетические монологи, вобравшие в себя обиды и страхи Ильи Ильича, предполагают наличие сценического партнера – слуги Захара, который и становится жертвой риторической стратегии барина. Именно пафоса, красноречия, звучащего как иностранная речь, и возвышенно-проникновенных слов Захар не переносит: «Захару брань ничего, только бы “жалких слов” не говорил барин» [2, с. 215]. Собственные импровизации вызывают у Обломова чувство растроганности и жалости к себе, одновременно он испытывает специфическое удовольствие, мучая Захара и видя его растерянность. С нарастанием ораторского пафоса Обломова «патетические сцены» между барином и слугой приобретают все более комически абсурдный характер: «Чем меньше понимал он (Захар. – А. Г.), что говорил ему в патетической речи Илья Ильич, тем грустнее становилось ему. <...> Оба они перестали понимать друг друга, а наконец, каждый и себя» [2, с. 93]. «Да полно вам, батюшка, томить-то меня жалкими словами!» [2, с. 92] – взывает к Обломову со слезами Захар в разгар «патетической речи» и уже за сценой произносит: «Мастер жалкие-то слова говорить: так по сердцу точно ножом и режет...» [2, с. 94]. В дальнейшем он, «чуть начинали проскакивать в речи Обломова “жалкие слова”, предлагал ему позвать Анисью» [2, с. 215].

Формула «жалкие слова», одна из лейтмотивных в романе, объединяет и обыгрывает оба значения слова «жалкий» – вызывающий жалость, сострадание (бьющий на жалость) и – пустой, ничтожный, соответственно подразумевая: 1) особую речевую стратегию, рассчитанную на эффект сочувствия, 2) обесмысливающую высказывание пустую риторику.

Обсуждение и выводы

Выражение из текста «Обломова» вошло как в повседневную речь, так и в литературные произведения современников Гончарова [4, с. 288].

Заемствование из «Обломова» неоднократно использовал Достоевский, тем самым демонстрируя психологическую органичность «жалких слов» для монологов собственных персонажей, отмечая, как правило, цитатный характер формулы

и актуализируя в ней единственное значение: для него «жалкие» – слова, располагающие к жалости, предполагающие сострадание. Формула введена им в «Записки из подполья» (1864), где ее использует «подпольный» писатель и критик [3, V, с. 173, 176] и где она обретает новый, «подпольный» статус [6, с. 174–178]. Выражение вошло также в роман «Идиот» (1867), где его произносит генерал Епанчин, обращаясь к Ипполиту [3, VIII, с. 243]. В «Братьях Карамазовых» (1880) о «жалких словах» вспоминает Алеша у гроба старца Зосимы: «Ну... жалкие слова надо прощать, непременно. Жалкие слова тешат душу... без них горе было бы слишком тяжело у людей» [3, XIV, с. 326]. Ту же формулу использует и Дмитрий Карамазов, во время допроса вспоминающий сцену со слугой Григорием [3, XIV, с. 430]. Пояснение к этой сцене дано Достоевским в письме к Е. Н. Лебедевой от 8 ноября 1879 г. [3, XXXI с. 123] Еще раз формула возникает в «Дневнике писателя» за 1877 г. (Декабрь. Гл. 2) в ряду размышлений Достоевского о национальных свойствах «народа русского»: «Фальшь тоже всегда разглядит, какими бы жалкими словами вы ни соблазнили его» [3, XXVI, с. 115].

М. Е. Салтыков-Щедрин выражение «жалкие слова» обыгрывал в сатирическом цикле «В среде умеренности и аккуратности» (1881; раздел II: «Отголоски»; гл. 4: «Дворянские мелодии»): «Об чем мы разговариваем? – да обо всем. О пользе стыда, о том, что мы ничего не знаем, ничего не можем, о том, что жить опасно, а пожалуй, и довольно – это ли не безгранично растяжимые темы? <...> Мы способны лишь волноваться, да и не волноваться, в строгом смысле слова, а только жалкие слова говорить. Но ведь это, наконец, и постыдно, и надоело» [5, с. 257–258].

И. С. Тургенев в «Предисловии к романам» (1880), полемизируя с литературной исповедью Гончарова «Лучше поздно, чем никогда» (1879), собственные гончаровские суждения о природе художественного творчества относит к разряду «жалких слов»: «Не могу кстати не высказать своего мнения о “бессознательном и сознательном творчестве”, о “предвзятых идеях и тенденциях”, о “пользе объективности, непосредственности и наивности” – обо всех этих “жалких” словах, которые, из каких бы авторитетных уст они ни исходили, всегда

казались мне общими местами, ходячей риторической монетой, которая потому только не считается за фальшивую, что ее слишком многие принимают за настоящую» [7, с. 395].

Эвфемистическую емкость и популярность «жалких слов» подтверждает в своей публицистике и Фет.

Список литературы

1. Головачев А. Проект положения о найме рабочих и прислуги // Отечественные записки. – 1875. – № 6. – Совр. обозрение. – С. 193–230.
2. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – СПб.: Наука, 1998. – Т. 4. – 495 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
4. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. – М.: Русские словари, 1994. – Т. 1. – 781 с.
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений и писем: в 20 т. – М.: Худож. лит., 1971. – Т. 12. – 755 с.
6. Туниманов В. А. «Жалкие слова»: («Обломов» Гончарова и «Записки из подполья» Достоевского) // Pro memoria: Памяти акад. Г. М. Фридендера (1915–1995). – СПб.: Наука, 2003. – С. 168–178.
7. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – 2-е изд., испр. и доп. // Сочинения: в 12 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 9. – 575 с.
8. Фет А. А. Наши корни: Публицистика. – М.; СПб.: Содружество «Посев»; Ростов, 2013. – 480 с.
9. Фет А. По вопросу о личном найме. Проект положения о найме рабочих и прислуги. А. Головачева // Русский вестник. – 1876. – Т. 121. – Кн. 1. – С. 408–441.

Anna G. Grodetzkaya

«Pathetic Words» in the Polemical Arsenal of Fet the Publicist

The article considers both substantive aspects and a number of polemical techniques in the previously unpublished article by A. A. Fet «On the issue of personal hiring» (1876), which occupies not the last place in his journalism. The article notes that this text reflects not only the author's many years of experience in farming and judicial practice, but also his worldview position. The acute controversy, which Fet conducts with the publicist of liberal views A. A. Golovachev, demanded the use of peculiar polemical techniques, aimed at discrediting the opponent's ideas. Among the latter are numerous quotes, including a quote from «Obломov».

Key words: journalism of A. A. Fet, Peasant reform, polemical techniques, Goncharov, novel «Oblomov».

For citation: Grodet'skaya, A. G. (2023) «Zhalkie slova» v arsenele Feta-publi-tsista [«Pathetic Words» in the Polemical Arsenal of Fet the Publicist]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 10–17. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_10

References

1. Golovachev, A. (1875) *Proekt polozheniya o najme rabochih i prislugi* [Draft regulation on employment of workers and servants] *Otechestvennye zapiski – Notes of the Fatherland*. № 6. Pp. 193–230. (In Russian).
2. Goncharov, I. A. (1998) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 4. (In Russian).
3. Dostoevskij, F. M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
4. Mihel'son, M. I. (1994) *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznyh slov i inoskazanij: v 2 t.* [Russian thought and speech. Yours and others'. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and allegories: in 2 vols]. Moscow: Russkie slovari Publ. Vol. 1. (In Russian).
5. Saltykov-Shedrin, M. E. (1971) *Sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Works and letters: in 20 vols]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 12. (In Russian).
6. Tunimanov, V. A. (2003) «Zhalkie slova»: («Oblomov» Goncharova i «Zapiski iz pod-pol'ya» Dostoevskogo) [«Pathetic words»: (Goncharov's «Oblomov» and Dostoevsky's «Notes from the Underground») *Pro memoria: Pamyati akad. G. M. Fridlendera (1915–1995)* [Pro memoria: In memory of acad. G. M. Friedlander (1915–1995)]. St. Petersburg: Nauka Publ. Pp. 168–178. (In Russian).
7. Turgenev, I. S. (1982) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. 2-e izd., ispr. i dop.* [Complete works and letters: in 30 vol. 2nd edition, revised and enlarged] *Sochinenija: v 12 t.* [Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 9. (In Russian).
8. Fet, A. A. (2013) *Nashi korni: Publicistika* [Our roots: Journalism]. Moscow; St. Petersburg: Sodruzhestvo «Posev»; Rostok Publ. (In Russian).
9. Fet, A. (1876) *Po voprosu o lichnom najme. Proekt polozheniya o najme rabochih i prislugi.* A. Golovacheva [On the issue of personal hiring. Draft regulation on the employment of workers and servants. A. Golovacheva] *Russkij vestnik – Russian Herald*. Vol. 121. Kn. 1. Pp. 408–441. (In Russian).

дата получения: 20.12.2022
дата принятия: 18.01.2023
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 20 December 2022
date of acceptance: 18 January 2023
date of publication: 30 March 2023

Ksenia S. Overina

A. P. Chekhov's "The Shooting Party": The Problem of Perception

The Shooting Party represents one of the most interesting texts in Chekhov's early oeuvre in terms of structure and genre. On the one hand, this work is constructed in accordance with the formula of the criminal novel genre popular in 19th -century Russia, but on the other hand, the peculiarities of its narrative (the framework composition, the unity of the narrator and the criminal hero, which is revealed at the end, the absence of punishment for the guilty) make it impossible to give an unequivocal assessment of the status of this work. Despite the fact that Russian criminal prose of the late 19th century included a wide variety of works in terms of plot and construction and was generally open to authorial experimentation, its belonging to the field of popular literature created the need to leave the reader with a sense of calm and satisfaction after reading it. In the case of *The Shooting Party*, however, the reader, inevitably identified with the primary narrator, is likely to experience a difficult experience. This article offers an attempt to answer the question of what structural features of Chekhov's text account for such an effect.

Key words: A. P. Chekhov, narrative, reception, criminal prose, popular fiction.

For citation: Overina, K. S. (2023) «Drama na ohote» A. P. Chekhova: problema vospriyatiya [A. P. Chekhov's "The Shooting Party": The Problem of Perception] *Art Logos – The Art of Word.* – 2023. – № 1. – Pp. 18–27. DOI 10.35231/25419803_2023_1_18

The Shooting Party may be called one of the most obscure Chekhov's stories. Some critics say that it travesties basic principles of the Russian 19th century detective stories [4; 6]; the others suggest it to be one of the serious Chekhov's masterpieces (for example: [1, p. 53; 2, p. 217]). If we consider the fact that Chekhov didn't include this story in his published collected works and didn't ever mention it, so that we don't know what

his own opinion about *The Shooting Party* was, it will increase the challenge to define adequately this text. Nevertheless, the variety of interpretations proves that although this text uses many literary formulas, it has a structure, which is more complicated than that of the stories and novels, which formed popular fiction back in the 19th century¹.

The Shooting Party is a frame narrative, representing the situation of reading when the narrator (the character named “the editor”) reads a book written by another character – Kamyshev, who claims that his novel is based on a true story. In the embedded text Kamyshev describes his relationship with the woman he fell in love with (her name is Olga Skvortsova, later – Olga Urbenina, and the name of Kamyshev’s autobiographic character is Zinoviev) and about her tragic death at the shooting party. As Zinoviev is a local investigator, he has to find the murderer, and he accuses Olga’s husband Urbenin of committing this crime. The editor, reading the manuscript, understands that Kamyshev (or Zinoviev) is the real criminal, who killed Olga², so the editor blames him for it and Kamyshev doesn’t even try to deny the charge, but says that he wrote the novel intending to tell everybody about his secret, as he wants everybody to know that he isn’t an ordinary person, but man of a strong will.

It is obvious, that Chekhov’s story imitates the structure of the Russian popular crime story of the 19th century³, but it manages to break reader’s expectations, which were earlier formed by this genre, and this is why we face the problem of perception and interpretation.

As Svetlana Bakhanek states: «Чехов выстраивает стратегию истины, а именно ее незаданность. Он приглашает читателя в лабораторию построения смысла, построения текста, причем текста нового типа, применительно к концу XIX века. <...> Такой подход Чехова усложняет для читателя процедуру толкования и вместе с тем, допуская оригинальное прочтение, повышает статус текста» [1, с. 53].

¹ We should mention that Chekhov knew these formulas very well, as he used it in his detective parody short story *The Swedish Match*. See: [3].

² So we can say that the narrative structure of the Chekhov’s *The Shooting Party* prefigures one of the most significant criminal novels ever written – *The Murder of Roger Ackroyd* by Agatha Christie.

³ One of the main characters Kamyshev says: “Когда я писал, я брал в соображение уровень среднего читателя” /“When I was writing, it took the average reader’s level of intelligence into consideration” [10, p. 414]; in this article we use the translation made by Ronald Wilks [12].

Materials and methods

The very first thing that forms reader's expectations is the title of the book. The title *The Shooting Party*, which was typical for the Russian 19th century popular fiction, appears twice in the text: it is not only the title of the whole Chekhov's story, but also the title of the novel, written by Kamyshev, as if Chekhov wanted to stress the fact that his own intention was to write an ordinary crime story.

In his article *Crime fiction and the Russian Reader* Abram Reitblat claims that in the 19th century detective fiction was considered to be a scorned genre. Therefore the authors, who wrote detective stories, tried to represent them as non-fiction [5, pp. 294–306]. So, we face an unusual situation: trying to retrieve the status of their works, writers intentionally create the “non-fiction/fiction” opposition, where non-fiction is thought to be more valuable. However, every story or novel, which they try to represent as “non-fiction” is based on the popular fiction's principles thus forming a watertight strategy of reading and perception. Consequently, the created opposition breaks up, because in this context “fiction” and “non-fiction” become unequal and incommensurable things. “Fiction” in this case means the whole literature, and “non-fiction” turns out to be a kind of literary device. So, the opposition appears to be a literary convention, which doesn't help to distinguish between popular and classic literature, but combine them in one concept.

Nevertheless, this fact doesn't contravene our assertion about the conflict between the Chekhov's text and reader's expectation. Chekhov's subtitles (“A True Event” and “From the Memoirs of an Investigating Magistrate”) confirm that *The Shooting Party* is an ordinary crime story, but many of the popular fiction's principles are broken in this text (for example, it is almost impossible for a detective story to come up with a situation where a narrator turns out to be the murderer). This fact suggests why *The Shooting Party* is often considered to be a travesty text.

One of the main features that distinguishes the Russian 19th century crime fiction from the western one, is a type of the main character. In the European and American novels the attention is concentrated on the investigator or detective and everything that happens to him. As for the Russian 19th century crime fic-

tion, the main character is a criminal, and most attention is paid to his story and his repentance. As Jeffrey Brooks mentions in his book *When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917*, criminals in Russian fiction symbolized freedom and rebellion, but they had to return to the community to survive, so the redemption was the only way for them. Brooks writes:

All popular fiction is the stuff of daydreams, but Russian daydreams are held in check by rules that do not govern French, English, or American popular literature. The constraints on individual rebellion and initiative, as expressed in the literature of banditry and crime in the late imperial period, were great. Individuals were restrained in the imagination of popular writers of both lubok fiction and newspaper serials by certainty that they were weaker than the political authority and the social order of their communities. Freedom lay outside that order, but it was a doomed freedom. The strong individual was inspired to sample that freedom, but in order to survive he had to return to the community [10, p. 207].

Results

Russian literary tradition of redemption originates from hagiography and forms one of the main themes in popular fiction as well as in the Russian classic literature and in such a way it becomes yet another intersection of these two literary trends. But as opposed to the popular fiction classic literature authors doubt that the society (and all the more the authority) has the right to shape destiny of a person. According to Brooks, «the paths of acceptable behavior were much narrower in popular literature than in belles lettres» [10, p. 212].

Criminals in the Russian fiction of the 19th century bore little resemblance to the ones described in the European and American prose. Russian bandits were very far removed from the image of generous criminals like Robin Hood and innocent people often became their victims. It is very likely to think that readers' affection for such kind of character may appear because they were almost equal socially and it was easy for the reader to identify with the criminal character. What is more, bandits were very often represented as brave people with forceful personalities. And it is clear that one of the primary intentions of the popular fiction is to create an image of the ideal character

and let the reader identify with him. This is what provides reader's satisfaction from this kind of stories, and that's why popular fiction's characters are as a rule stronger and luckier than we are (John Cawelti writes about this function of popular fiction in his book *Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture* [11]).

At the end of the Russian detective stories the criminal character is always punished, and his redemption is thought to be a positive moment and represents the bandit coming back from chaos to order. We also should take into account, that “chaos” and “order” don't form an opposition, because both of them have negative and positive traits. Affection for the criminal doesn't reflect reader's wish to rebel, but more likely his wish to find an opportunity to break the vicious circle, created by any of these concepts. We also should remember that this wish combines with the sympathy for contrite sinner, originated from hagiographic tradition.

Usually popular fiction characters commit their crimes being led by circumstances or in the heat of passion¹. It's more difficult to analyze texts, where characters do it intentionally. These kinds of plots are often represented in classic literature, for example in Dostoyevsky's novels. Speaking about perception of these texts, we should admit, that such characters mustn't create a feeling of sympathy, because unlike the ordinary bandits, who try to break up the hierarchy, the conscious villain establishes his own hierarchy, where he occupies the top position. Nevertheless, readers feel affection for such criminals, because at the end of Dostoyevsky's novel they admit their guilt one way or another and show repentance for what they've done, although in classic literature this problem is more difficult to solve, than in popular fiction. So, these two types of literature become closer when they address the tradition of penitent's story. Chekhov's *The Shooting Party* follows this literary tradition: Kamyshev tells the editor about his motives for committing the crime, but we can hardly consider his words as repentance, because he doesn't feel any regret for what he's

¹ Although we should admit that sometimes there were characters, who were proud of themselves for what they'd done. For example, in a short story by Alexander Shklyarevsky (his detective stories were extremely popular among Russian readers of the 19th century) *Омчезо он убил их?* (Why did he killed them?) a murderer can be described as very vauntful person, and his self-exaltation disgusts an investigator [9, p. 135].

done. Even more, talking to the editor, Kamyshev mocks him as if his interlocutor was an incompetent detective, who tried to interrogate a wise villain. But at the same time Kamyshev is afraid of somebody's hearing his confession (he makes sure, that editor's study door is closed tight).

Speaking of Kamyshev's novel, there is no room for suggestion that it can be read as a kind of confession, because in his story he accuses an innocent person of the murder. Another point that supports our theory is that this character is proud of what he's done, and his novel can be seen as his attempt to show everybody his superiority¹.

Looking at Olga at one moment, he almost can't keep his anger:

Гнев овладел всем моим существом. И этот гнев был так же силен, как та любовь, которая начинала когда-то зарождаться во мне к девушке в красном... Да и кто бы, какой камень остался бы равнодушен? Я видел перед собою красоту, брошенную немилосердной судьбою в грязь. Не были пощажены ни молодость, ни красота, ни грация... Теперь, когда эта женщина казалась мне прекрасней, чем когда-либо, я чувствовал, какую потерю в лице ее понесла природа, и мучительная злость на несправедливость судьбы, на порядок вещей наполняла мою душу... [7, с. 359]

(Anger gripped my whole being – and this anger was as strong as the love that had once begun to stir within me for the girl in red. After all, what person, what stone would have remained indifferent? Before me I saw beauty that had been cast by merciless fate into the mire. Neither youth, beauty nor grace had been spared. And now, when that woman struck me as more beautiful than ever, I felt what a great loss Nature had sustained in her – and an agonizing feeling of rage at the injustice of fate and the order of things filled my heart).

He gets furious when finds out than Olga has her own wish- and will and doesn't want to play his game. His ego is hurt, and we can see it, although he tries to conceal it appealing to nature and morality.

When the narrator blames him of committing the crime, he speaks in the tone that is appropriate to that of Dostoyevsky characters:

¹ In another work By Alexander Shklyarevsky *Рассказ судебного следователя* (*Investigating Magistrate's Story*) one of the heroines (Alexandra) kills her sister (Nastasya) claiming that Nastasya sank into vice and hit the bottom, so murdering her was the only way to save her [8].

Мучило же меня другое: всё время мне казалось странным, что люди глядят на меня, как на обыкновенного человека; ни одна живая душа ни разу за все восемь лет пытливо не взглянула на меня; мне казалось странным, что мне не нужно прятаться; во мне сидит страшная тайна, и вдруг я хожу по улицам, бываю на обедах, любезничаю с женщинами! Для человека преступного такое положение неестественно и мучительно. Я не мучился бы, если бы мне приходилось прятаться и скрытничать. Психоз, батенька! В конце концов на меня напал какой-то задор... Мне вдруг захотелось излиться чем-нибудь: начхать всем на головы, выпалить во всех своей тайной... сделать что-нибудь этакое... особенное... [7, с. 413–414]

(However, something else was tormenting me: all that time I thought it strange that people should look upon me as an ordinary individual. Throughout those entire eight years not once has a single soul ever given me a questioning look. I thought it strange that I didn't need to hide away. There was a terrible secret lurking within me – and suddenly there I was, walking down the street, attending dinners, parties, flirting with women! For one guilty of a crime such a situation is unnatural and distressing. I wouldn't have suffered so much if I'd simply had to hide and dissemble. Mine is a psychosis, old man! Finally, I was gripped by a kind of passion... I suddenly wanted to unburden myself somehow – to sneeze on everyone's head, to blurt out my secret to everyone, to do something of that sort, something special).

Consequently, Chekhov's story does not contain the traditional situation of villain's repentance. It's worthy of note that leaving it out from the plot, Chekhov excludes the element, which connects popular and classic literature, and this action leads to relieving the process of perception, which in its own turn determines the only possible reading strategy and either qualifies this text as popular fiction or high art, or pre-determine negative reader response to this text. But neither of the situations or possible perceptive strategies found their way into the story, so *The Shooting Party* still remains a very disputable Chekhov's work.

The absence of a criminal's confession not only contradicts the conventional Russian detective plot, but also prevents this text from performing one of the main popular fiction functions. As Cawelti notes, formula stories illustrate the process of conflicts harmonization. In Russian crime fiction this harmonization takes place when bandit comes back from chaos to order, and his redemption plays an integral role in it. The tragedy

must be lived through the text and eliminated at the end of it. The similar effect of literature was described by Sigmund Freud in his article *Creative Writers and Daydreaming*, where he claimed that a poet, who turns his fantasy into a story or a novel, gives us, meaning his readers, not only aesthetic enjoyment but also an opportunity to enjoy our own fantasies without feeling ashamed. In *The Shooting Party* the reverse situation is represented. The embedded story and the frame are written in the same genre, so the final scene of the former should harmonize the described conflict as well as the reader's emotional state. However, when the editor uncovers Kamyshev's secret, the embedded story becomes non-fiction and this idea is traumatic for the narrator, not only because of the Kamyshev's cruelty, but because the editor finds himself involved in the situation where fiction becomes reality:

Камышев кивнул головой и быстро вышел. Я сел за стол и предался горьким думам. Мне было душно [7, с. 416].

(Kamyshev nodded and hurried out of the room. I sat at the table and gave myself up to bitter thoughts. I felt suffocated).

Discussion and Conclusion

As a result, the real readers (especially those, trying to read this Chekhov's work as a detective story) may be depressed or shocked, and experience a feeling close to one that the reading narrator feels at the end of *The Shooting Party*. Reader's empathy is intensified by the fact that Chekhov gives the editor his own initials ("A. C."). This action creates an illusion that literature encroaches real life, as it happens in *The Shooting Party*. It turns the reader into the main character of the story, because the main event – appearance of the shocking feeling – happens to him, as if he was the narrator's alter ego (as the editor is up to a certain point Chekhov's alter ego). So, the only conclusion must be that the Chekhov's work is not only a story about a crime; neither it is a story merely about literature. Primarily *The Shooting Party* is a story about reading.

References

1. Bahanek, S. N. (2005) «Drama na ohote» A. P. Chekhova: sledovatel' v poiskah ponimaniya [Chekhov's "The Shooting Party": an investigator in search of understanding] *Hudozhestvennaya literatura, kritika i publicistika v sisteme duhovnoj kul'tury*. Vyp. 6 [Literature, criticism, and journalism in the system of spiritual culture. Pt. 6]. Tyumen. Tyumen State University Publ. Pp. 49–53. (In Russian).
2. Vukolov, L. I. (1974) Chekhov i gazetnyj roman («Drama na ohote») [Chekhov and feuilleton ("The Shooting Party")] *V tvorcheskoj laboratorii Chekhova* [In Chekhov's creative laboratory]. Moscow: Gorky Institute of World Literature; AS of the USSR Publ. Pp. 208–217. (In Russian).
3. Kudina, E. P. (1989) «Shvedskaya spichka» A. P. Chekhova kak parodiya na strukturu detektivnogo zhanra [Chekhov's "The Swedish Match" as a parody of the structure of the detective genre] *Celostnoe izuchenie hudozhestvennogo proizvedeniya v vuze i shkole* [A holistic study of a work of fiction in high school and college]. Saratov: SGPI Publ. Pp. 65–69. (In Russian).
4. Ohotina, G. (1959) *Literaturnye parodii A. P. Chekhova* [Literary parodies of A. P. Chekhov] *Don – Don*. № 11. Pp. 150–154. (In Russian).
5. Reitblat, A. I. (2009) *Ot Bova k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoj sociologii russkoj literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: NLO Publ. (In Russian).
6. Rozov, A. V. (1997) «Drama na ohote» i «kontekst detektiva» 80-h godov XIX veka [“The Shooting Party” and the “detective context” of the 1980s] *Hudozhestvennaya literatura, kritika i publicistika v sisteme duhovnoj kul'tury*. Vyp. 3 [Literature, criticism, and journalism in the system of spiritual culture. Pt. 3]. Tyumen: Tyumen State University Publ. Pp. 36–38.
7. Chekhov, A. P. (1975) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*. V 30 t. *Sochineniya*. V 18 t. [Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 18 vols.]. Moscow: Nauka Publ. T. 3 [Vol. 3]. (In Russian).
8. Shklyarevskij, A. A. (1992) *Rasskaz sudebnogo sledovatelya* [Investigating Magistrate's Story] *Russkij ugolovnyj roman* [Russian criminal fiction]. Moscow: IRDASH; H.G.S. Publ. Pp. 30–77. (In Russian).
9. Shklyarevskij, A. A. (1872) *Povesti i rasskazy* [Stories and Tales]. Moscow: Bakhmetiev Publ. (In Russian).
10. Brooks, J. (1985) *When Russia learned to read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. New Jersey: Princeton University Press.
11. Cawelti, J. G. (1976) *Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture*. Chicago: The University of Chicago Press.
12. Chekhov, A. (2004) *The Shooting Party*. Trans. by Ronald Wilks. London: Penguin UK.

K. С. Оверина

«Драма на охоте» А. П. Чехова: проблема восприятия

«Драма на охоте» представляет собой один из самых интересных с точки зрения структуры и жанра текстов в раннем творчестве Чехова. С одной стороны, это произведение построено в соответствии с формулой популярного в России XIX века жанра уголовного романа, но, с другой стороны, особенности его повествования (рамочная композиция, единство рассказчика и героя-преступника, вскрывающееся в конце, отсутствие наказания виновного) приводят к тому, что невозможно дать однознач-

ную оценку статусу этого произведения. Несмотря на то, что русская уголовная проза конца XIX века включала в себя самые разные по сюжету и построению произведения и в целом была открыта для авторского эксперимента, ее принадлежность к полю популярной литературы создавала необходимость оставить у читателя чувство спокойствия и удовлетворения после прочтения. Однако в случае с «Драмой на охоте» читатель, неизбежно отождествляющийся с первичным нарратором, скорее всего, испытает тяжелое переживание. В данной статье предлагается попытка ответить на вопрос, какие структурные особенности чеховского текста обуславливают такой эффект.

Ключевые слова: А. П. Чехов, повествование, рецепция, уголовная проза, популярная литература.

Для цитирования: Оверина К. С. А. P. Chekhov's "The Shooting Party": the Problem of Perception // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 18–27. DOI 10.35231/25419803_2023_1_18 (In English).

Список литературы

1. Баханек С. Н. «Драма на охоте» А. П. Чехова: следователь в поисках понимания // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры: сб. научн. ст. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – Вып. 6. – С. 49–53.
2. Вуколов Л. И. Чехов и газетный роман («Драма на охоте») // В творческой лаборатории Чехова: сб. научн. ст. – М.: АН СССР; ИМЛИ им. А. М. Горького, 1974. – С. 208–217.
3. Кудинова Е. П. «Шведская спичка» А. П. Чехова как пародия на структуру детективного жанра // Целостное изучение художественного произведения в вузе и школе: межвузовский сб. научн. тр. – Саратов: СГПИ, 1989. – С. 65–69.
4. Охотина Г. Литературные пародии А. П. Чехова // Дон. – 1959. – № 11. – С. 150–154.
5. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. – М.: НЛО, 2009. – 448 с.
6. Розов А. В. «Драма на охоте» и «контекст детектива» 80-х годов XIX века // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры: сб. научн. работ. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1997. – Вып. 3. – С. 36–38.
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. – М.: Наука, 1975. – Т. 3. – 624 с.
8. Шклярский А. А. Рассказ судебного следователя // Русский уголовный роман: сб. – М.: ИРДАШ; Х.Г.С., 1992. – С. 30–77.
9. Шклярский А. А. Повести и рассказы. – М.: тип. Бахметьева на Сретенке, д. Карлони, 1872. – 265 с.
10. Brooks J. When Russia learned to read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. – New Jersey: Princeton University Press, 1985. – 450 p.
11. Cawelti J. G. Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture. – Chicago: The University of Chicago Press, 1976. – 335 p.
12. Chekhov A. The Shooting Party. – London: Penguin UK, 2004. – 240 p.

дата получения: 24.12.2022
дата принятия: 21.01.2023
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 24 December 2022
date of acceptance: 21 January 2023
date of publication: 30 March 2023

А. А. Чевтаев

«Ангел-хранитель» как стихотворение-пролог в поэтической книге Н. С. Гумилева «Чужое небо»

В статье рассматривается художественная концепция четвертой книги стихов Н. С. Гумилева «Чужое небо» (1912). В этом сборнике поэт уходит от символистских стратегий творчества и создает новый мирообраз как основу акмеистического миропонимания. Здесь проходит «водораздел» между гумилевским «я» в прошлом и в настоящем, в земном и иномиром. Определенные «ключи» к постижению антиномий гумилевского мировидения дает осмысление пролога к сборнику – стихотворения «Ангел-хранитель». В стихотворении противопоставлены влекущие героя бытийные горизонты мира и интимный мир женщины. Они задают два магистральных вектора поэтической рефлексии и онтологической конфликтологии в лирическом сборнике. Антиномии земного и иномирного воплощаются в одинаково желанных образах «морья» и «госпожи». В них раскрывается центральная коллизия гумилевского поэтического самоопределения: необходимость выбора между экстенсивно-героическим утверждением «я» в земном мире и интенсивно-драматическим приобщением к «вечной женственности». При этом в поэтической концепции «Чужого неба» воплощаются два антиномичных женских образа: страсть и непорочность. Лирический герой осознает раздвоение жизненных целей, конфликт между которыми оказывается принципиально неразрешимым. Это знание инициирует создание нового лирического «я». Лирический герой книги не экстенсивно преодолевает антиномии бытия, а интенсивно их проживает с целью онтологического преображения поэтического «я». Предполагается, что это и есть формула зарождающегося гумилевского акмеизма.

Ключевые слова: Н. С. Гумилев, символизм, акмеизм, лирический герой.

Для цитирования: Чевтаев А. А. «Ангел-хранитель» как стихотворение-пролог в поэтической книге Н. С. Гумилева «Чужое небо» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 28–49. DOI 10.35231/25419803_2023_1_28

В художественной концепции четвертой книги стихов Н. С. Гумилева «Чужое небо», изданной в 1912 году, как известно, наблюдаются отчетливый уход поэта от символистских стратегий творчества и построение нового мирообраза, который впоследствии будет определяться в качестве акмеистического миропонимания. Формально-поэтические и ценностно-смысловые изменения гумилевской поэтики, явленные в стихотворениях и поэмах данной книги, конеч-

но, очевидно, что было отмечено литературной критикой. Так, В. Ф. Ходасевич в критической статье 1914 года «Русская поэзия. Обзор» отмечал явную оригинальность и художественную уникальность гумилевского «Чужого неба», свидетельствующие о «преодолении символизма»: «<...> последняя книга Н. Гумилева «Чужое небо» выше всех предыдущих. И в “Пути конквистадоров”, и в “Романтических цветах”, и в “Жемчугах” было слов гораздо больше, чем содержания, ученических подражаний Брюсову – чем самостоятельного творчества. В “Чужом небе” Гумилев как бы снимает наконец маску. <...> В движении стиха его есть уверенность, в образах – содержательность, в эпитетах – зоркость. В каждом стихотворении Гумилев ставит себе ту или иную задачу и всегда разрешает ее умело. Он уже не холоден, а лишь сдержан, и под этой сдержанностью угадывается крепкий поэтический темперамент» [28, с. 414–415]. Такое суждение о гумилевской поэтике, в целом не бесспорное, характеризует улавливаемое современниками явное смещение поэтического мировидения Н. Гумилева от символистских представлений о бытии к новой («заземленной») концепции творчества и его воплощениям в поэзии. «Сдержанный» темперамент лирического «я», сопряженный со стоическим принятием земной жизни во всем ее многообразии, впоследствии становится одним из смысловых маркеров акмеизма.

Безусловно, в книге «Чужое небо» поэт демонстрирует попытки освобождения от неоромантической «идеальности» миропредставления, свойственной его предшествующей книге стихов «Жемчуга» (1910). В художественном миромоделировании Н. Гумилева 1910–1912 гг. «вещественность» слова и причастность лирического субъекта «посюсторонней» действительности оказываются предельно ощутимыми и уже отчетливо противопоставляются мистической эфемерности и мифопоэтическим абстракциям символизма, на которые ориентировано раннее творчество поэта. Однако эти поэтологические качества его творческой работы не означают отказа от рефлексии над потусторонними измерениями бытия, которые впоследствии, в акмеистической статье-манифесте 1913 года «Наследие символизма и акмеизм», будут Н. Гумилевым декларативно «отменяться» (ср.: «Всег-

да помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма. Это не значит, чтобы он отвергал для себя право изображать душу в те моменты, когда она дрожит, приближаясь к иному, но тогда она должна только содрогаться» [10, с. 149]).

В поэтике «Чужого неба», вопреки сложившимся представлениям о ее акмеистической «посюсторонности», Н. Гумилев не порывает ценностно-смысловых связей с потусторонним миром и продолжает «всматриваться» в инобытие. При этом, конечно, художественное воплощение и концептуализация иномирия в его творческой практике трансформируются. Представляется, что гумилевская «потусторонность» периода «Чужого неба» раскрывается в предельном лирическом напряжении взаимодействия субъектного микрокосма и вселенского макрокосма. В этом отношении суждение В. М. Жирмунского о том, что Н. Гумилев «избегает лирики любви и лирики природы, слишком индивидуальных признаний и слишком тяжелого самоуглубления» [12, с. 396], видится принципиально неверным, так как именно в области любовных и универсально-природных свершений гумилевский лирический субъект обретает и раскрывает свою бытийную индивидуальность. Как ранний символизм, так и зрелый акмеизм в творчестве поэта являют онтологическую антиномичность человеческого самоопределения в универсуме. Как справедливо отметит А. А. Асоян, «особенность мировосприятия Гумилева заключается <...> в том, что он чрезвычайно чуток к роковой дихотомии бытия и воспринимает ее как непреложный удел» [1, с. 310]. Двойственность и конфликтность бытийных потенций и свершений «посюстороннего» «я» является константой творческого мира поэта и специфически раскрывается в поэтике «Чужого неба».

Думается, что определенные «ключи» к постижению антиномий гумилевского мировидения, воплощаемых в структуре «Чужого неба», может дать осмысление инициальной точки развертывания данной книги стихов, то есть открывающее ее стихотворение. Таковым является «Ангел-хранитель», написанный Н. Гумилевым в 1911 году. В этом исходном для концептуального сюжетостроения книги тексте

просматриваются те ценностно-смысловые параметры гумилевского поэтического сознания, которые далее – в последующих стихотворениях и поэмах, включенных в «Чужое небо», – получают конвергентную или дивергентную, положительную или отрицательную реализацию.

Материалы и методы

В современном литературоведческом представлении книга стихов являет собой «сложное концептуальное и архитектурное единство, которое создается, прежде всего, благодаря наличию сквозного метасюжета, развивающегося через взаимодействие тем, образов, лейтмотивов» [2, с. 34]. При этом «открывающий ее (книгу. – А. Ч.) текст, как правило, играет роль стихотворения-пролога» [2, с. 34], которое определяет или исходную точку лирического сознания, или смысловые векторы развертывания утверждаемой в книге стихов концепции бытия. Представляется, что в структурно-семантической организации гумилевского «Чужого неба» инициальное стихотворение предстает именно своеобразным «прологом» к онтологическому самоопределению лирического «я» Н. Гумилева, многомерно и разветвленно эксплицируемому в архитектурной и аксиологической целостности книги. Также отметим, что гумилевский «Ангел-хранитель» в сверхсюжете «Чужого неба» может восприниматься в качестве «стихотворения-завязки», которое «обозначает лирическую коллизию всей книги, будь то ситуация, нуждающаяся в разрешении, или “вечный вопрос”, требующий проекции на личные, социальные, исторические обстоятельства» [17, с. 65]. Актуализация «коллизии» или антиномичности ценностных парадигм в исходном стихотворении свидетельствуют о свойственном символистской и постсимволистской поэтике «развитии антропоморфных топосов книги», при котором «книга предстает как воплощение человеческой личности, как воплощение человеческого “я”» [11, с. 187]. В этом отношении думается, что инициальное стихотворение «Чужого неба» эксплицирует ментальное состояние гумилевского лирического субъекта, свидетельствующее о переживании внутренних противоречий в ситуации выбора онтологического пути в миропорядке.

Отметим, что стихотворение «Ангел-хранитель» остается практически не востребованным в современной рецепции творчества поэта и до сих пор не попадало в фокус исследовательского внимания. В качестве причин такого «гумилеведческого» пренебрежения этим произведением видятся, во-первых, его внешняя «простота», «прозрачность» сюжетной коллизии, а во-вторых, недостаточная «акмеистичность» в соположении с акмеистическими установками книги «Чужое небо» в целом. Нам же представляется, что «Ангел-хранитель», напротив, является принципиально значимым стихотворением для понимания той мифопоэтической модели мира Н. Гумилева, которая репрезентируется в «Чужом небе», а потому нуждается в аналитическом рассмотрении его поэтики как смыслового «ключа» к концепции данной книги стихов.

В предлагаемой статье мы сосредоточим внимание на структурно-семантической организации стихотворения «Ангел-хранитель» в аспекте его контекстуальных функций и инициальных для книги «Чужое небо» ценностно-смысловых ориентиров. Символический потенциал данного поэтического текста, с одной стороны, свидетельствует о том, что Н. Гумилев, «преодолевая символизм», отнюдь не порывает с его ценностной парадигмой, а с другой – акмеистическое «выпрямление» бытийной самоактуализации своего лирического «я» насыщает явной и трудноразрешимой конфликтностью.

Результаты

Надо указать, что вопреки суждениям В. М. Жирмунского о внеэмоциональном преодолении символизма и редукции лиризма в поэзии Н. Гумилева, именно в «Ангеле-хранителе» видел воплощение подлинного лиризма один из первых концептуализаторов гумилевского творчества Ю. Н. Верховский, усматривавший в этом стихотворении влияние ранней ахматовской лирики в аспекте музыкальности и мелодичности стиха [7, с. 519]. Думается, что этот текст связан не столько с творческими открытиями А. А. Ахматовой (ставшей к моменту написания стихотворения женой поэта), сколько с переживанием Н. Гумилевым их сложных личностных от-

ношений, и этот биографический контекст опосредованно определяет ценностные векторы развертывания смысла, направленные от «Ангела-хранителя» к другим стихотворениям «Чужого неба».

Итак, семантика заглавия данного текста маркирует нацеленность лирической рефлексии на инобытие, которое явлено существом, причастным высшему (божественному) измерению универсума. «Ангел» как Божий посланник в человеческом мире предстает «медиатором» между небесной и земной сферами мироздания и тем самым онтологически возвышается над человеком. Сверхъестественная природа ангельского существа указывает на приобщение гумилевского лирического субъекта к иномирию. Вероятно, в обращении Н. Гумилева к образу ангела имплицитно содержится диалогическая реакция на символистское постулирование «ангельской» сущности инобытия в лирике В. Я. Брюсова, «ученичество» у которого в начале 1910-х годов поэтом явно преодолевается. В брюсовской поэтике «ангел» предстает или чуждым человеческому «я» (ср.: «Ангел бледный, утомленный / Слишком ярким светом дня, / Ты стоишь в тени зеленой, / Ты не знаешь про меня» («Ангел бледный», 1896) [6, с. 119]), или, напротив, мыслится всецело надмирным наставником лирического героя (ср. «Ангел благого молчания, / Властно уста загради / В час, когда силой страдания / Сердце трепещет в груди» («Ангел благого молчания», 1908) [6, с. 469]). Н. Гумилев же, как показывает заглавие стихотворения, актуализирует «охранительную» ипостась ангельского существа, то есть его принципиальную причастность к переживаниям и свершениям человека в «посюстороннем», земном мире.

Согласно христианской традиции, «к отдельным людям приставлены ангелы-хранители, ведающие образованием их тел в чреве матери <...>, а затем сопровождающие их на всех путях жизни» [18, с. 77]. В XIX столетии в обыденном сознании именно «охранительная» функция ангелов оказывается первостепенной и во многом определяющей взаимоотношения человека и земного миропорядка [3, с. 18]. Соответственно, эксплицируя защитную роль представителя божественного мира, Н. Гумилев помещает инициальный

текст «Чужого неба» – и вместе с ним всю книгу – в смысловом контексте христианства. Однако при этом акцентирование христианских коннотаций в образе «ангела-хранителя» не следует рассматривать в качестве основы смыслообразования, так как «охранительный» характер инобытийного персонажа здесь сопрягается не столько с религиозными, сколько с жизнестроительными установками гумилевского поэтического сознания.

В первой строфе стихотворения, представляющего собой обрамленную речью лирического героя монолог «ангела-хранителя», изображается коммуникативный контакт субъектного «я» и его небесного покровителя и тем самым сюжетно репрезентируется система персонажей:

Он мне шепчет: «Своевольный,
 Что ты так уныл?
 Иль о жизни прежней, вольной,
 Тайно загрустил? [9, с. 65]

Как видно, «шепот» «ангела», обращающегося к своему земному «подопечному», здесь раскрывает сущностные черты микрокосма лирического героя. Вопросы инобытийного существа, с одной стороны, акцентируют внимание на эмоционально-психологическом состоянии героя-человека («унынии» и «грусти»), а с другой – подчеркивают его характерологические черты. «Своеволие» предстает в качестве основы личности гумилевского лирического «я», знание которой, по конвенции моделируемого мира, имманентно присуще его «ангельскому» покровителю. В свою очередь, напоминание о «жизни прежней, вольной» актуализирует бытийные ипостаси лирического героя и связанные с ними свершения, определявшие сюжетостроение и смыслообразование в поэтике первых трех поэтических книг Н. Гумилева: «Путь конквистадоров», «Романтические цветы» и «Жемчуга». Именно в раннем символистском творчестве поэта оформляются и концептуализируются ключевые лирические маски и персонажные воплощения его субъектного «я»: воитель, путешественник, жрец, маг, любовник, которые в той или иной степени сопрягаются

с волевым и свободным столкновением микрокосма с макрокосмом. Предполагаемая «ангелом» тоска героя по своему «вольному» (героическому) прошлому маркирует его иное положение в репрезентируемом настоящем: теперь он очевидно связан некими обязательствами, которые ограничивают его жажду великих деяний. Соответственно, в начальной точке лирического сюжета проводится онтологический «водораздел» между гумилевским «я» в прошлом и в настоящем, что проясняет помещение данного текста в инициальную позицию «Чужого неба» – книги, в которой поэт выстраивает новую концепцию мира и трансформирует принципы ее художественного изображения.

Система вопросов «ангела-хранителя», адресованных лирическому герою, образующая лирический сюжет стихотворения, во второй строфе эксплицирует ключевую антитему в бытийном самоопределении лирического субъекта:

Полно! Разве всплески, речи
Сумрачных морей
Стоят самой краткой встречи
С госпожой твоей?" [9, с. 65]

В речи «ангела-хранителя» здесь устанавливается оппозиция «сумрачных морей» и «госпожи», обозначающих нацеленность гумилевского лирического «я» на постижение, с одной стороны, пространственных пределов универсума, а с другой – женского начала. Именно противопоставление влекущих героя бытийных горизонтов мира и его интимно-любовной привязанности к миру женщины-«госпожи» задает два магистральных вектора поэтической рефлексии и онтологической конфликтологии в структуре книги «Чужое небо»: стремление к волевому освоению эмпирических пространств, постижению «чужих небес» и эмоционально напряженное соприкосновение с женским «я». Концепция книги и сюжетная динамика составляющих ее стихотворений и поэм определяется чередованием и соотношением пространственно-географических и любовно-психологических мотивов, посредством которых раскрывается центральная коллизия гумилевского поэтического самоопределения: необходимость выбора между

экстенсивно-героическим утверждением «я» в земном мире и интенсивно-драматическим приобщением к «вечной женственности». При этом важно, что антиномичность сознания лирического героя в «Ангеле-хранителе» обозначена образами «морей» и «госпожи».

Универсальная символика «моря» традиционно сопряжена с представлениями о его лиминальной природе: оно предстает «промежуточным и переходным посредником между <...> жизнью и смертью» и понимается «не только как источник жизни, но также и как цель» [15, с. 277]. Эта двойственность морского пространства продуцирует его соотнесение с «потусторонней» областью мира. Так, по наблюдениям А. Ханзен-Лёве, в поэтике русского символизма «море» предстает как «визионерская, магическая область мистической тоски и апокалиптического ужаса, где ожидающего исполнения сроков настаивает “зов” из потустороннего мира – или манит к себе образ Софии в виде морской девы» [26, с. 687]. В гумилевском миропонимании, вырастающем из символистской концепции мироздания, «море» утрачивает присущие ему мистические коннотации и мыслится пространственно-географической областью земного бытия, с которой необходимо вступить в противоборство, чтобы постичь глубинную сущность универсума. Для Н. Гумилева «морские» пространства в их безграничности связаны прежде всего с идеей движения и «посюстороннего» утверждения человеческой воли. Как показывает А. В. Филатов, «в “Чужом небе” движение является лейтмотивом, связывающим произведения в целостное метатекстовое образование», причем «мотив движения <...> выполняет аксиологическую функцию, т.к. включает в себя основные онтологические ценности аксиосферы поэта (категории движения, Другого и цели)» [24, с. 125]. Соответственно, «море» суммарно воплощает экстенсивный аспект онтологического пути лирического субъекта в земном миропорядке. В структуре «Чужого неба» это прямо эксплицируется в таких стихотворениях, как «На море» (1912) (ср.: «Но весел в море бирюзовом / С латинским парусом челнок» [9, с. 106]), «Сонет» (1912) (ср.: «Молчу, томлюсь, и отступают стены – / Вот океан, весь в клочьях белой пены» [9, с. 105]), «Ослепительное» (1910) (ср.: «И от египетской земли / Опять уходят ко-

рабли / В великолепную Бассору» [9, с. 10]), «Паломник» (1911) (ср.: «Поднимутся узорные дворцы / И Красное пылающее Море / Пред ним свои расстелет багрецы, / Волшебство синих и зеленых мелей» [9, с. 89]), а также в поэме «Открытие Америки» (1910) (ср.: «Двадцать дней, как плыли каравеллы, / Встречных волн проламывая грудь; / Двадцать дней, как компасные стрелы / Вместо карт указывали путь, / И как самый бодрый, самый смелый / Без тревожных снов не мог заснуть» [9, с. 23]). Иначе говоря, «моря» в понимании Н. Гумилева – это земная область странствий, освоение которой способствует обретению человеком своей подлинной бытийной сущности.

Однако и женское начало в гумилевской картине мира обладает предельным онтологическим статусом. В художественном универсуме поэта столкновение маскулинного и фемининного «я» предстает в качестве любовной борьбы, в которой первое терпит поражение от второго, оказывается ему подвластным, так как женский микрокосм таинственно и фатально непроницаем для мужчины, то есть воплощает собой потустороннее измерение бытия. Такое видение гендерной онтологии многомерно и разветвленно реализуется в символистской поэтике Н. Гумилева 1900-х годов и углубляется в его акмеистическом и постакмеистическом творчестве. В «Чужом небе» противоречия между мужским и женским «взглядами» друг на друга и на мироздание в целом, предельно обостряясь, проецируются одновременно и в психологическую, и в мифопоэтическую области миропонимания. При этом женское начало сохраняет свое доминирующее положение относительно мужского, что акцентируется представлением в рассматриваемом стихотворении возлюбленной лирического героя в качестве его «госпожи».

Заданная коллизия земных странствий и любовной причастности женскому «я» усиливается в вопрошающей речи «ангела-хранителя» в третьей строфе:

Так ли с сердца бремя снимет
Голубой простор,
Как она, когда поднимет
На тебя свой взор? [9, с. 65]

Смысловый акцент здесь перемещается на ментальное состояние лирического героя: психологический знак «сердца бремя» обозначает земную тяжесть его существования и желание преодолеть бытийное расподобление собственного «я». Как видно, антиномии, формулируемые «ангелом», нацелены на отвращение героя от нового этапа волевого освоения земной эмпирики и раскрытие ценности «ближнего» (любовного), а не «дальнего» (географического) миров. «Самая краткая встреча» и «взор» «госпожи»-возлюбленной предстают в качестве аксиологической вершины, суть которой пытается объяснить лирическому герою его инобытийный «опекун». Противопоставление пространственной безграничности (макромира) и женского взгляда (микромира), заостренное сильной позицией рифменных созвучий («простор» – «взор»), явно профанирует первую и сакрализует вторую: «взгляд» «госпожи» – это то, что с «ангельской» «точки зрения» способно гармонизировать микрокосм лирического «я».

Очевидно, что героиня стихотворения («госпожа», образ которой раскрывается в речи «ангела»), во-первых, обладает любовной властью над лирическим героем, а во-вторых, эксплицирует куртуазный характер взаимоотношений мужчины и женщины. «Краткость» встречи и мимолетность «взора», указывающие на чувственное подчинение мужского начала женскому, в четвертой строфе преобразуются в открыто явленную модель возвышенного служения возлюбленной:

Ты волен предаться гневу,
Коль она молчит,
Но покинуть королеву
Для вассала – стыд [9, с. 65].

«Королева» и «вассал» как ипостаси женского и мужского «я» эксплицируют рыцарственный аспект их взаимоотношения, восходящий к идеологии и практике куртуазной любви европейского Средневековья. Соответственно, лирический герой здесь обнаруживает свою рыцарскую ипостась, которая эксплицируется Н. Гумилевым на всех

этапах творческого пути. Конечно, тема рыцарства и ее образно-мотивные реализации в художественном мире поэта, очевидно не сводимые к модернистской неоромантической условности и укорененные в концептуальные основания гумилевского мировидения, в современном «гумилевоведении» часто становятся предметом научного осмысления [13, с. 25–26; 14, с. 33–36; 16; 19, с. 95–97; 20]. Исследователи справедливо акцентируют внимание на духовном измерении рыцарской символики и образа рыцаря в творчестве поэта, однако куртуазность и размыкание рыцарских мотивов в любовно-лирическую область самоактуализации лирического «я», чаще всего, остается на периферии постижения рыцарства в поэтическом мире Н. Гумилева. В стихотворении «Ангел-хранитель», как видно, на первый план выдвигается именно куртуазная семантика «рыцаря», редуцирующая его воинскую ипостась и актуализирующая любовное самоопределение в мире.

Отметим, что интерес поэта к рыцарской культуре средневековой Европы складывается в ранний период его творческого пути. Так, в письме из Парижа В. Брюсову от 14.02.1907 г. Н. Гумилев пишет: «Как раз в это время я работаю над старинными французскими хрониками и рыцарскими романами и собираюсь написать модернизированную повесть в стиле XIII или XIV века» [23, с. 147]. В художественной прозе этот замысел воплощается в рассказы «Золотой рыцарь» (1908) и «Дочери Каина» (1908), в поэтике которых на первый план выходит не куртуазный, а религиозно-мифологический аспект рыцарского жизненного самоосуществления. Однако изучение Н. Гумилевым средневековых источников продуцирует рефлексивное постижение куртуазного поведения, преломляющееся в поэтическом творчестве.

Как известно, сформировавшаяся и утвердившаяся в европейском Средневековье концепция куртуазной любви как подлинного любовного чувства постулировала «идею рыцарского служения влюбленного своей возлюбленной даме» [22, с. 253], при этом «одним из важнейших качеств» такого служения «является верность, а предательство рассматривается как то, что принадлежит “лже-любви”» [22, с. 254]. Идеальным проявлением куртуазной любви мыслится пре-

дельная редукция плотского начала и усиление возвышенно-духовных смыслов любовной страсти. Согласно изысканиям Й. Хейзинги, в средневековой культуре, ценностно регламентирующей отношения рыцаря и его возлюбленной дамы, «проявление и удовлетворение желания, кажущиеся недостижимыми, замещаются и возвышаются подвигом во имя любви» [27, с. 94]. Соответственно, рыцарские подвиги предстают своеобразной сублимацией телесно-чувственных стремлений «я», и эротизм здесь из области плоти преобразуется в сферу духа. Осмысление любви как восхождения к духовным высотам человеческого самополагания в миропорядке во многом обусловлено средневековым религиозным символизмом представлений о «рыцаре» и «рыцарстве», в которых акцентируются «изменения в мире желаний путем аскетического отрицания плотского (а также почти мистический культ возлюбленной)» [15, с. 377]. Культивируемые куртуазной культурой «посюсторонний» аскетизм и потусторонняя «идеальность» в проявлении любовного чувства символически наделяют его статусом онтологического акта на пути приобщения к сокровенным тайнам универсума.

В поэтическом мире Н. Гумилева ценностно-смысловые взаимоотношения мужчины и женщины, конечно, ни в коей мере не сводятся к куртуазной модели любовного поведения. Женское начало в творчестве поэта предстает многоликим и многомерным и персонифицируется в образах «женщины-идеала», «женщины-тайны», «женщины-игрушки», «женщины-ребенка» [5, с. 22], что, в свою очередь, обуславливает и множественность вариантов ее восприятия гумилевским лирическим героем. Однако куртуазные коннотации, среди которых на первый план выдвигаются высокое любовное служение и верность «вечно женственному» идеалу, обнаруживаются во многих символистских произведениях поэта (ср.: «Я молчал, ее покорный кличу, / Я лежал, ее окован знаком, / И достался, как шакал, в добычу / Набежавшим яростным собакам» («Ягуар», 1907) [8, с. 120–121]; «На руке прикосновенье / Тонких пальцев милых рук, / И как слух мой помнит пень, / Так хранит их впечатленье / Эластичная перчатка, верный друг» («Перчатка», 1907) [8, с. 132]). В стихотворении «Он поклялся в строгом храме...» (1910),

контаминирующем «донжуанские» и «рыцарские» значения в образе героя, декларируется куртуазный идеал служения Деве Марии, который восходит и к средневековой практике и к ее рецепции в стихотворении А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829): «Но, печальный и упрямый, / Он припал к ногам Мадонны: / “Я нигде не встретил дамы, / Той, чьи взоры непреклонны”» [8, с. 265].

Истоками представлений об «идеальной» любви и рыцарском служении «вечной женственности» в поэтике Н. Гумилева, помимо собственно средневековой культуры и пушкинского претекста, оказываются и религиозно-мистические и мифотворческие представления о женском начале, концептуализируемые в поэтической практике русского символизма, в контексте которого идет становление собственного гумилевского мирообраза. При этом мистико-эротические коннотации культа Прекрасной Дамы в поэзии младосимволистов (А. А. Блока, С. М. Соловьева, Эллиса) оказываются чуждыми гумилевскому лирическому «я». Во-первых, потому что в художественном универсуме Н. Гумилева женское начало не трансцендируется в сферы идеального бытия, а постулируется в земном мире, хотя и мыслится представителем мира потустороннего. Гумилевский лирический герой не столько жаждет духовной встречи с Прекрасной Дамой, сколько переживает опыт соприкосновения с ее ипостасями в «посюсторонней» реальности. Если в ранней лирике А. Блока «вечная женственность» является онтологическим ориентиром для субъектного «я» (ср.: «Предчувствую тебя. Года проходят мимо – / Всё в облике одном предчувствую Тебя» [4, с. 60]; «Но и ночью нет ответа, / Ты уйдешь в речной камыш, / Унося источник света, / Снова издали манишь» [4, с. 63]; «Прозрачные, неведомые тени / К тебе плывут, и с ними Ты плывешь, / В объятия лазурных сновидений, / Невнятных нам, – Себя Ты отдаешь» [4, с. 66]; «Вхожу я в темные храмы, / Совершаю бедный обряд. / Там жду я Прекрасной Дамы / В мерцании красных лампад» [4, с. 128]), то у Н. Гумилева она предстает в своих земных ипостасях, с которыми он вступает в бытийный поединок. Во-вторых, служение женскому началу в творчестве поэта чаще всего оказывается амбивалентным деянием, так

как в сознании его лирического героя неизбывна одновременная жажда приобщиться миру «вечной женственности» и вступить с ним в роковую борьбу. Это ментальное противоречие обуславливает присущее гумилевской поэтике отклонение, как от религиозно-мистического культа Прекрасной Дамы, так и от безоговорочно куртуазного восприятия земной любви к ней.

Как отмечает М. В. Смелова, в поэтической концепции «Чужого неба» воплощаются два антиномичных женских образа: первый воплощает «“земную любовь” и страсть», а второй – «непорочную далекую деву» [21, с. 61]. При этом поэт сознает «невозможность в реальной жизни соединить эти два противоположных образа в один: невозможно соединить в одном лице “чистоту” и “страстность”» [21, с. 62]. В целом это утверждение видится верным, так как в структуре книги наблюдается явная поляризация земных воплощений «вечной женственности» и большинство женских персонажей в той или иной степени тяготеют или к порочно-страстному, или к добродетельно-кроткому полюсу представлений о женском «я», символически заданным во втором стихотворении «Чужого неба» «Две розы» (1911): «Одна так нежно розовеет, / Как дева, милым смущена, / Другая, пурпурная, рдеет, / Огнем любви обожжена» [9, с. 70]). Однако здесь нужно внести одну поправку: именно в «Ангеле-хранителе» – первом стихотворении книги – наблюдается опыт совмещения в образе героини обеих сторон фемининного начала.

Определяемая в качестве «королевы», прежде всего – в куртуазном значении этой ипостаси женского «я», героиня предстает носителем той потусторонней власти, которая в гумилевском мире сопрягается с онтологической жестокостью женщины относительно мужского «я». Такой образ «вечной женственности» в структуре книги эксплицируется в стихотворениях «Константинополь» (1911), «Она» (1912), «Из логова змиева» (1911), «Жестокой» (1911), «Отравленный» (1912), «У камина» (1910), «Маргарита» (1910). Однако куртуазная возвышенность «госпожи», обозначенные «краткостью встречи» с ней, ее «взором» и «молчанием», указывают на присущую возлюбленной лирического героя непорочность и одухотворенность, что находит реа-

лизацию в женских образах стихотворений «Девушке» (1911), «Сомнение» (1911), «Сон» (1911), «Однажды вечером» (1911), «Я верил, я думал...» (1911). Соответственно, героиня «Ангела-хранителя» совмещает в себе черты противоположных инвариантов женского «я», которые в концепции «Чужого неба» сначала подвергаются образно-символической дивергенции (в стихотворении «Две розы»), а затем раскрываются в различных сюжетно-событийных версиях соприкосновения мужского и женского начал.

В свою очередь, «вассальная» ипостась лирического героя, явленная «ангельской» «точкой зрения», продуцирует идеологему духовно-рыцарской аскезы, посредством которой возможно достичь бытийного равновесия. Как видно, «ангел-хранитель» стремится наложить на «я» лирического субъекта этические и онтологические ограничения, при которых «гневная» реакция на целомудренную холодность возлюбленной («Ты волен предаться гневу, / Коль она молчит») не должна обращаться в волевое действие (уход, разлуку, поиск иных смыслов бытия): «Но покинуть королеву / Для вассала – стыд». Эта формула, очевидно, не совпадает с куртуазной идеей странствий и подвигов во славу Прекрасной Дамы, а, наоборот, замыкает героя-«рыцаря» в ситуацию неизбывной духовной близости с женским идеалом.

Это этическое «предписание» божественного существа своему земному подопечному пуантирует монолог «ангела», и в пятой (финальной) строфе стихотворения лирический герой резюмирует сущность «ангельского» воззвания к его «я»:

Так и ночью молчаливой,
Днем и поутру
Он стоит, красноречивый,
За свою сестру [9, с. 65].

Как видно, в этой итоговой точке сюжетного развертывания текста репрезентированы все три персонажа стихотворения: лирический герой как субъект высказывания (и объект «ангельской» речи), «ангел-хранитель» («он») и героиня-«госпожа» («сестра»). Именно здесь латентно

обнаруживает магистральный конфликт бытийного самоопределения гумилевского лирического сознания. С одной стороны, повторяемость и постоянство воззваний «ангела-хранителя» («и ночью молчаливой», «днем и поутру») указывают на осознанность и глубину рефлексивных размышлений лирического героя над перспективами своего дальнейшего жизненного пути. В этом отношении «ангел» предстает своеобразным божественным alter ego субъектного «я», его внутренним голосом, напоминающим о любовном служении возлюбленной «королеве». С другой стороны, «ангел-хранитель» как представитель иномира сопрягается с женским «я» героини, которая в качестве «ангельской» «сестры» сама наделяется статусом потустороннего существа, причастного не земному, а небесному измерению универсума. Здесь наблюдается семантическая инверсия: «ангел-хранитель» лирического героя, по сути, предстает блюстителем покоя и ценностей его возлюбленной, то есть «охранителем» не мужского, а женского начала.

Обсуждение и выводы

Финал стихотворения, постулируя конфликтное состояние лирического субъекта, не предлагает вариантов его разрешения. Сюжетным итогом здесь оказывается именно проблематизация бытийных перспектив гумилевского героя, а не выход из антиномий его самосознания. Подобное завершение стихотворения позволяет воспринимать его в качестве своеобразного пролога к дальнейшему ценностно-смысловому разворачиванию книги «Чужое небо», обозначающего исходную конфликтность поэтического «я» Н. Гумилева, предопределяющую версии и варианты ее преодоления.

Здесь возникает вопрос: что выбирает в конечном итоге гумилевский лирический субъект, ментально разрываясь между «речами сумрачных морей» и «краткой встречей с госпожой»? Внешне может показаться, что «голубой простор» оказывается сильнее «взора» возлюбленной, так как сверхсюжет книги «Чужого неба» развивается по направлению от интимного-личного самополагания «я» в мире к пространственно-универсальной безграничности. В гумилевской мифопоэтике путь лирического героя нацелен на преобра-

жение бытия, и его «деятельность <...> направлена на гармонизацию опасного земного пространства и уподобление его райскому локусу» [25, с. 165]. В структуре «Чужого неба» пуантирующие и завершающие логику ее концептуального развития произведения («Абиссинские песни», переводы «Из Теофиля Готье», поэмы «Блудный сын» и «Открытие Америки», а также пьеса «Дон Жуан в Египте»), казалось бы, указывают на избрание поэтом в качестве онтологического поводыря «Музы Дальних Странствий», а значит, и волевого освоения земных горизонтов универсума. Однако женственная природа такого бытийного ориентира, эксплицированная в финале поэмы «Открытие Америки» (ср.: «Как любовник, для игры иной, / Он покинут Музой Дальних Странствий...» [9, с. 28]), свидетельствует, что в гумилевском поэтическом сознании конфликт между стремлением к интимной сущности женского «я» и жаждой витального постижения мироздания во всей его полноте и многомерности, оказывается принципиально не разрешимым. Представляется справедливым суждение А. А. Асояна о том, что «лирический герой Гумилева воплощает собой контрапункт противоположных начал, и эволюция лирического сознания поэта заключается не в движении к какому-либо итоговому результату, предполагающему линейное развитие по прямой или кривой линии, а стяжение периферии к центру» [1, с. 311]. В поэтике «Чужого неба», ценностно-смысловые векторы которой задаются инициальным текстом, обнаруживается именно такой характер мифологизации пути лирического «я»: не экстенсивное преодоление антиномий бытия, а интенсивное проживание их сущности с целью онтологического преображения поэтического «я». Возможно, что это и есть формула зарождающегося гумилевского акмеизма.

Итак, в поэтике стихотворения Н. Гумилева «Ангел-хранитель» наблюдается явная проблематизация бытийного самоопределения лирического героя, которая продуцирует множественные версии и варианты осмысления глубинного онтологического конфликта в последующих стихотворениях и поэмах «Чужого неба». «Ангел-хранитель» в полной мере может восприниматься в качестве ценностно-смыслового пролога в структурно-семантической организации данной

книги. Сознваемое лирическим героем раздвоение витальных стремлений, предстающее как желание и сохранить интимную близость с «вечно женственным» началом в его микрокосме, и освоить собственной волей пространственно-географические пределы земного макрокосма, оформляет концептуальный каркас книги «Чужое небо». При этом раскрытие антиномичности лирического «я» посредством чужой (инобытийно-ангельской) «точки зрения» указывает на усложнение художественной картины мира в творчестве поэта, в которой обнаруживается лирическая «полифония» и многомерность видения противоречий бытия. Актуализируя куртуазные коннотации взаимоотношения мужского и женского начал, Н. Гумилев в данном стихотворении намечает векторы постижения фемининности в перспективе «близкого» (интимно-личностного) схождения с «вечной женственностью» и «дальнего» (пространственно-географического) ухода от нее. При этом «чужие небеса» в художественном универсуме «Чужого неба» постоянно – эксплицитно или имплицитно – напоминают гумилевскому лирическому субъекту о неизбывном присутствии женского начала в мироздании.

Список литературы

1. Асоян А. А. Семантика антитезы в поэтическом мире Николая Гумилева // Асоян А. А. Семиотика и метафорика художественных форм. – СПб.: Алетейя, 2019. – С. 307–313.
2. Барковская Н. В., Верина У. Ю., Гутрина Л. Д., Жибуль В. Ю. Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – 674 с.
3. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
4. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20-ти томах. – М.: Наука, 1997. – Т. 1. Стихотворения. Книга первая (1898–1904). – 640 с.
5. Бобрицких Л. Я. Женские образы в лирике Н. Гумилева: опыт типологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 4. – С. 19–23.
6. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7-ми томах. – М.: Худ. литература, 1973. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. – 672 с.
7. Верховский Ю. Н. Путь поэта. О поэзии Н. С. Гумилева // Н. С. Гумилев: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 505–550.
8. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. – М.: Воскресенье, 1998. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). – 501 с.
9. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. – М.: Воскресенье, 1998. – Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). – 344 с.
10. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. – М.: Воскресенье, 2006. – Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. – 552 с.

11. Дарвин М. Н. Поэтический мир лирического цикла: Автор и текст. – М.: РГГУ, 2018. – 288 с.
12. Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – С. 364–404.
13. Жукова А. А. Архетипы и их образные реализации в ранней лирике Н. С. Гумилева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1 (55): в 2-х частях. Ч. 1. – С. 23–27.
14. Зобнин Ю. В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н. С. Гумилева) // Н. С. Гумилев: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 5–52.
15. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. – М.: Центрполиграф, 2010. – 525 с.
16. Матрусова А. Н. Легенды Артуровского цикла в поэзии Серебряного века // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 2. – С. 89–95.
17. Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. – Омск: ОмГУ, 2004. – 339 с.
18. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х томах. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 671 с.
19. Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева. – М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. – 224 с.
20. Раскина Е. Ю., Сорокина Е. Р. Тема рыцарства и образы рыцарей в творчестве Н. С. Гумилёва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія Філологія. Соціальні комунікації. – Київ, 2017. – Т. 28 (67). – № 2. Український Гумільовський збірник (Випуск 1). – С. 76–80.
21. Смелова М. В. Онтологические проблемы в творчестве Н. С. Гумилева. – Тверь: ТГУ, 2004. – 126 с.
22. Смолицкая О. В. Куртуазная любовь // Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 253–255.
23. Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия. 1886–1921. – М.: Азбуковник, 2019. – Т. 1. – 864 с.
24. Филатов А. В. Аксиологический подход к изучению книги стихов: онтологические ценности в «Чужом небе» Н. С. Гумилева // Новый филологический вестник. – 2016. – № 1 (36). – С. 119–129.
25. Филатов А. В. Аксиология пространства и времени в адамическом мифе Н. С. Гумилева // Соловьёвские исследования. – 2019. – Выпуск 3 (63). – С. 162–171.
26. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. – СПб.: Академический проект, 2003. – 816 с.
27. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 544 с.
28. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4-х томах. – М.: Согласие, 1996. – Т. 1. Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. – 592 с.

Arkady A. Chevtayev

"Guardian Angel" as a Prologue Poem in the Poetic Book of N. S. Gumilev "Alien Sky"

The article deals with the artistic conception of the fourth book of poems by N. S. Gumilev "Alien Sky" (1912). In this collection, the poet leaves the symbolist strategies of creativity and creates a new world image as the basis of the acmeist worldview. Here there is a "watershed" between Gumilev's "I" in the past and in the present, in the earthly and the other world. Certain "keys" to comprehending the antinomies of Gumilev's worldview are given by understanding the prologue to the collection - the poem "Guardian Angel". The poem

contrasts the existential horizons of the world that attract a hero and the intimate world of a woman. They set two main vectors of poetic reflection and ontological conflictology in lyrical collection. The antinomies of the earthly and the other world are embodied in equally desirable images of "the sea" and "the lady". Lyrical hero is aware of the bifurcation of life goals, conflict between which turns out to be fundamentally insoluble. This knowledge initiates creation of a new lyrical "I". The lyrical hero of the collection does not extensively overcome the antinomies of being, but intensively lives them with the aim of ontological transformation of the poetic "I". It is assumed that this is the formula of the emerging acmeism.

Key words: N. S. Gumilev, symbolism, acmeism, lyrical hero.

For citation: Chevtaev, A. A. «Angel-hranitel'» kak stihotvorenije-prolog v poeticheskoj knige N. S. Gumileva «Chuzhoe nebo» ["Guardian Angel" as a Prologue Poem in the Poetic Book of N. S. Gumilyov "Alien Sky"] *Art Logos – The Art of Word.* – 2023. – № 1. – Pp. 28–49. DOI 10.35231/25419803_2023_1_28

References

1. Asojan, A. A. (2019) *Semantika antitezy v pojeticheskom mire Nikolaja Gumileva* [Semantics of Antithesis in the poetic World of Nikolai Gumilev]. Asojan A. A. *Semiotika i metaforika hudozhestvennyh form* [Semiotics and metaphors of artistic forms]. St. Petersburg: Aletejja Publ. Pp. 307–313. (In Russian).
2. Barkovskaja, N. V., Verina, U. Ju., Gutrina, L. D., Zhibul', V. Ju. (2016) *Kniga stihov kak fenomen kul'tury Rossii i Belarusi* [The Book of Poems as a cultural phenomenon of Russia and Belarus]. Moscow, Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj Publ. (In Russian).
3. Bidermann, G. (1996) *Jenciklopedija simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moscow: Respublika Publ. (In Russian).
4. Blok, A. A. (1997) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 20-ti tomah. T. 1. Stihotvorenija. Kniga pervaja (1898–1904)* [The complete collection of works and letters: In 20 volumes. Vol. 1. Poems. Book One (1898–1904)]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
5. Bobrickih, L. Ja. (2017) *Zhenskie obrazy v lirike N. Gumileva: opyt tipologii* [Female images in N. Gumilev's lyrics: the experience of typology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika – Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism.* № 4. Pp. 19–23. (In Russian).
6. Brjusov, V. Ja. (1973) *Sobranie sochinenij: V 7-mi tomah. T. 1. Stihotvorenija. Pojemy. 1892–1909* [Collected works: In 7 volumes. Vol. 1. Poems. Poems. 1892–1909]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ. (In Russian).
7. Verhovskij, Ju. N. (2000) *Put' pojeta. O poezii N. S. Gumileva* [The poet's way. About N. S. Gumilev's poetry]. *N. S. Gumilev: pro et contra* [N. S. Gumilev: pro et contra]. St. Petersburg: Rossijskij hristianskij gosudarstvennyj institut Publ. Pp. 505–550. (In Russian).
8. Gumilev, N. S. (1998) *Polnoe sobranie sochinenij: V 10-ti tomah. T. 1. Stihotvorenija. Pojemy (1902–1910)* [The complete works: In 10 volumes. Vol. 1. Poems. Poems (1902–1910)]. Moscow: Voskresen'e Publ. (In Russian).
9. Gumilev, N. S. (1998) *Polnoe sobranie sochinenij: V 10-ti tomah. T. 2. Stihotvorenija. Pojemy (1910–1913)* [The complete works: In 10 volumes. Vol. 2. Poems. Poems (1910–1913)]. Moscow: Voskresen'e Publ. (In Russian).
10. Gumilev, N. S. (2006) *Polnoe sobranie sochinenij: V 10-ti tomah. Moscow: Voskresen'e Publ. T. 7. Stat'i o literature i iskusstve. Obzory. Recenzii* [The complete works: In 10 volumes. Vol. 7. Articles on literature and art. Reviews]. (In Russian).
11. Darvin, M. N. (2018) *Pojeticheskij mir liricheskogo cikla: Avtor i tekst* [The poetic world of the lyric cycle: Author and text]. Moscow: RGGU Publ. (In Russian).
12. Zhirmunskij, V. M. (2001) *Preodolevschie simbolizm* [Overcome symbolism]. Zhirmunskij V. M. *Pojetika russkoj poezii* [Poetics of Russian poetry]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ. Pp. 364–404. (In Russian).
13. Zhukova, A. A. (2016) *Arhetipy i ih obraznye realizacii v rannej lirike N. S. Gumileva* [Archetypes and their figurative realizations in N. S. Gumilev's early lyrics]. *Filologicheskie*

nauki. *Voprosy teorii i praktiki* – *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. № 1 (55). Vol. 1. Pp. 23–27. (In Russian).

14. Zobnin, Ju. V. (2000) *Strannik duha (o sud'be i tvorčestve N. S. Gumileva)* [The Wanderer of the Spirit (about the fate and creativity of N. S. Gumilev)]. N. S. Gumilev: pro et contra [N. S. Gumilev: pro et contra]. St. Petersburg: Rossijskij hristianskij gosudarstvennyj institut Publ. Pp. 5–52. (In Russian).

15. Kirlo, H. (2010) *Slovar' simvolov. 1000 statej o vazhnejših ponjatijah religii, literatury, arhitektury, istorii* [Dictionary of symbols. 1000 articles about the most important concepts of religion, literature, architecture, history]. Moscow: Centrpoligraf Publ. (In Russian).

16. Matrusova, A. N. (2010) *Legendy Arturovskogo cikla v poezii Serebrjanogo veka* [Legends of the Arthurian cycle in the poetry of the Silver Age]. *Russkij jazyk za rubežom – Russian language abroad*. № 2. Pp. 89–95. (In Russian).

17. Miroshnikova, O. V. (2004) *Itogovaja kniga v poezii poslednej treti XIX veka: arhitektonika i žanrovaja dinamika* [The final book in the poetry of the last third of the XIX century: architectonics and genre dynamics]. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet Publ. (In Russian).

18. *Mify narodov mira. Jenciklopedija: V 2-h tomah. T. 1* (1991) [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Sov. Jenciklopedija Publ. (In Russian).

19. Raskina, E. Ju. (2009) *Geosofskie aspekty tvorčestva N.S. Gumileva* [Geosophical aspects of N. S. Gumilev's creativity]. Moscow: Moskovskij gumanitarnyj institut im. E. R. Dashkovoj Publ. (In Russian).

20. Raskina, E. Ju., Sorokina, E. R. (2017) *Tema rycarstva i obrazy rycarej v tvorčestve N. S. Gumiljova* [The theme of chivalry and the images of knights in the works by N. S. Gumilev]. *Včeni zapiski Tavrijskogo nacional'nogo universitetu imeni V. I. Vernadskogo. Serija Filologija. Social'ni komunikacii – Scientific notes of the V. I. Vernadsky Tauride National University. Philology Series. Social communications*. Vol. 28 (67). № 2. Pp. 76–80. (In Russian).

21. Smelova, M. V. (2004) *Ontologičeskie problemy v tvorčestve N. S. Gumileva* [Ontological problems in the works by N. S. Gumilev]. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet Publ. (In Russian).

22. Smolickaja, O. V. (2003) *Kurtuaznaja ljubov'* [Courtly love]. *Slovar' srednevekovoj kultury* [Dictionary of medieval Culture]. Moscow: ROSSPEN. Pp. 253–255. (In Russian).

23. Stepanov, E. E. (2019) *Letopis' žizni Nikolaja Gumileva na fone ego polnogo jepistoljarnogo nasledija. 1886–1921. T. 1* [Chronicle of the life of Nikolai Gumilev against the background of his complete epistolary heritage. 1886–1921. Vol. 1]. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian).

24. Filatov, A. V. (2016) *Aksiologičeskij podhod k izucheniju knigi stihov: ontologičeskie cennosti v «Chuzhom nebe» N. S. Gumileva* [Axiological approach to the study of the book of poems: ontological values in the “Alien Sky” by N. S. Gumilev]. *Novyj filologičeskij vestnik – New Philological Bulletin*. № 1 (36). Pp. 119–129. (In Russian).

25. Filatov, A. V. (2019) *Aksiologija prostranstva i vremeni v adamičeskom mife N. S. Gumileva* [The axiology of space and time in the Adamic myth of N. S. Gumilev]. *Solov'jovskie issledovanija – Solovjov Studies*. № 3 (63). Pp. 162–171. (In Russian).

26. Hanzen-Ljove, A. (2003) *Russkij simbolizm. Sistema pojetičeskij motivov. Mifopojetičeskij simbolizm. Kosmičeskaja simbolika* [Russian symbolism. A system of poetic motifs. Mythopoetic symbolism. Cosmic symbolism]. St. Petersburg: Akademičeskij proekt Publ. (In Russian).

27. Hjožzinga, J. (2004) *Osen' Srednevekov'ja* [Autumn of the Middle Ages]. Moscow: Ajrisspress Publ. (In Russian).

28. Hodasevich, V. F. (1996) *Sobranie sočinenij: V 4-h tomah. T. 1. Stihotvorenija. Literaturnaja kritika 1906–1922* [Collected works: In 4 volumes. Vol. 1. Poems. Literary criticism 1906–1922]. Moscow: Soglasie Publ. (In Russian).

дата получения: 28.11.2022
дата принятия: 20.12.2022
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 28 November 2022
date of acceptance: 20 December 2022
date of publication: 30 March 2023

Aleksandr O. Bolshev

The Motif of Loss as Gain in Andrei Bitov's "Pushkin House"

This article analyses the motif of loss turning into gain that became fundamental for Andrei Bitov's artistic philosophy of the 1960s; it was this motif that contributed to a completely ambivalent aura that makes his legacy outstanding. First of all, it considers Bitov's Pushkin House (1964–1971) as a novel whose plot structure is mainly based on a variation of this motif. The article primarily focuses on the reasoning expressed by a philologist and philosopher Modest Platonovich Odoevtsev, whose point of view is that the October Revolution did not destroy Russian culture but, on the contrary, saved it from destruction.

Key words: Andrei Bitov, paradox, loss, gain, misunderstanding.

For citation: Bolshev, A. O. (2023) Motiv utraty kak obretneniya v romane A. Bitova «Pushkinskij dom» [The Motif of Loss as Gain in Andrei Bitov's "Pushkin House"] *Art Logos – The Art of Word*. – 2023. – № 1. – Pp. 50–55. DOI 10.35231/25419803_2023_1_50

Many researchers of Andrei Bitov's legacy may have noticed him tending to appeal to various kinds of paradox¹. In this article, we will talk about Bitov's paradox-driven concept of *loss as gain* that played an important part in creative endeavours of the writer best known for *Pushkin House*, especially in the 1960s. It first appears to have originated in 1963 from a diary entry, initially not intended to be published, entitled as *The Prayer*, “You find God when you lose Him. For the time being, I could set aside thinking of Him as He was within me” [2, p. 173]. It is obvious

¹ For example, see: [1; 4; 5].
© Большев А. О., 2023

that the quoted reflection on loss turning into gain means that people cannot register and analyse a phenomenon that is inherent and inseparable from their personality. For example, a healthy person does not usually think of ailments and medicines, and has little to no interest in clinics, hospitals, and physicians. Hence, personal health prevents people from being interested in the phenomenon of health. To really think of health, to evaluate this phenomenon, to comprehend it, one will need a factor of loss. We don't think about the air we breathe as long as we have enough of it. The same goes for freedom that must be lost first to be of serious concern, and for morality: it is common knowledge that an inclination towards constant reasoning about morality is a sign of personal trouble in the very field of morality. Similarly, he who organically believes in God is not inclined towards appropriate analytical reasoning, while reflecting on religion may partly be a sign of loss of organic faith.

Materials and methods

Let's now turn to *Pushkin House* (1971), a novel that offers especially many variations depicting loss as gain. Almost all reasonings of the kind are expressed by a philologist and philosopher Modest Platonovich Odoevtsev. His idea that the October Revolution did not destroy Russian culture but, on the contrary, contributed to its conservation, might be the first to catch a reader's attention. The loss of the old culture turned out to have helped Russia acquire it anew.

Here is an excerpt from this character's monologue of 1956: "Well, you might be thinking that the year 1917 has destroyed, ruined the old culture, while it did nothing but conserve and save it. What matters is discontinuity, not destruction. The prominent ones, undefeated and motionless, get frozen within; everyone has their place, from Gavrila Derzhavin to Alexander Blok – what comes after will not shake their authority, because there is nothing to come. Everything turned upside down; still, Russia remained a sanctuary. Getting there is out of question" [3, p. 68].

Here is another excerpt from Odoevtsev's writings of 1921, amidst the disaster of revolution: "The ties are broken, the secret is forever lost ... and the mystery is born! Culture remains as monuments only with destruction serving as a silhouette.

A monument is destined for eternal life, it is immortal only because everything that used to surround it has been destroyed. In this sense, I am not worried about our culture since it once has been. Now it's gone. <...> You madman of a liberal! You keep crying that the culture that surrounds you is not understood well enough, while being the one who brings misunderstanding. Misunderstanding is your only cultural role. <...> After all, this is the only condition for it to exist – to be misunderstood. <...> Being misunderstood or understood in the wrong sense, that is, being unrecognised, is the only thing that protects culture from destruction and murder. <...> You keep saying that Russian culture has been lost. No, quite the opposite! It's just been born. The revolution will not destroy the past; it will stop it, leave it behind. Everything has fallen apart – now that the great Russian culture is born, it's born forever, because it will not develop to continue. <...> Death is the glory of Living! It is the boundary between culture and life. It is the keeper of human history. Dantes the artist created Pushkin, casting him from a bullet. <...> The unreal is the condition of life.” [3, pp. 348–350].

Results

How are we to understand Modest Odoevtsev's paradox of judgment? First of all, it maybe needs to be understood in the light of the statement from *The Prayer* quoted above – that he who loses God, finds God. To appreciate its great culture (from Gavrila Derzhavin to Alexander Blok), Russia had to lose it – of course, not the brilliant literary works were lost, but that ground they grew on. There is a common saying, “We don't care of what we have, but we cry when it is lost.” As if developing this idea, Bitov shows that whatever people have as a given, they not only take for granted, but they also do not really notice at all. This happened to Russian culture: by destroying its roots, the revolution allowed it to turn into something worth being analysed, something the nation could reflect upon. Realising how bad that loss was, we saw, appreciated, and “gained” our great culture.

Modest Odoevtsev's idea that the factor of revolution-induced “discontinuity” eliminating any chance for it to continue and develop is what makes Russian culture immortal requires special commentary. How should we understand this paradox?

Why does Odoevtsev the father actually equate the development of Russian culture with destruction and murder? According to Bitov's ideologist character, even well-intended attempts to develop and continue an important and valuable tradition, such as a cultural one, often turn into profanation and destruction. That is why, if you want to protect a valuable phenomenon from destruction, a “discontinuity” that would eliminate any opportunity for it to go on is a necessity.

In this regard, special attention should be paid to the motif of “misunderstanding”, as emphasised by Bitov's character. Moreover, the lack of understanding for culture comes not from the dumb and the illiterate, as one would expect. Modest Odoevtsev claims that his colleague, a renowned scientist of liberal views, is the one who brings misunderstanding, believing that misunderstanding is the only cultural role of the “madman of a liberal.” Odoevtsev partly helps to understand this rather vague reasoning by expressing an idea in another episode that the mind is null, and ignorance is its cornerstone. “The mind is null. Yes, yes, null is smart! <...> Ignorance is the cornerstone of the mind.” [3, p. 81]. Obviously, according to Odoevtsev, only he who is aware of his intelligence being limited because human nature is imperfect, and, accordingly, of his knowledge being purely relative, is truly intelligent. He who thinks that he understands everything (as the character's interlocutor, a member of the so-called intellectual elite), is very much under the sway of a dangerous illusion; hence, his purposeful actions are mostly destructive, bringing results directly opposite to those conceived. People know what they are doing the least when they participate in global historical processes.

Discussion and Conclusions

In the same context, we should understand the blasphemous odes Odoevtsev sings in honour of Pushkin's murderer. Just like the revolution that destroyed Russian culture and made sure to conserve it and save it from destruction, Dantes who ended the life of a great poet is who made him truly immortal. Two postmodernistic maxims of Odoevtsev bring a logical limit to the paradox-driven concept of loss as gain: “Death is the glory of Living!” and “The unreal is the condition of life.”

To sum up, we can state that the motif of loss as gain was one of the most important foundations of Andrei Bitov's artistic philosophy in the 1960s, and any adequate perception of the works he created during that period is only possible if we take this motif in consideration.

References

1. Belyak, G. (2017) «Pushkinskij dom» Andrey Bitova: Avtor zhiv, ili Hozyain doma ["Pushkin House" by Andrey Bitov: The author is alive, or the Owner of the house] *Mir russkogo slova – The world of the Russian word*. № 3. Pp. 65–70. (In Russian).
2. Bitov, A. (1996) *Imperiya v chetyrekh izmereniyah*. 1. Petrogradskaya storona [An Empire in Four Dimensions. 1. The Petrograd Side]. Kharkiv – Moscow. (In Russian).
3. Bitov, A. (1996) *Imperiya v chetyrekh izmereniyah*. 2. Pushkinskij dom [An Empire in Four Dimensions. 2. Pushkin House]. Kharkiv – Moscow. (In Russian).
4. Kutmina, O. (2012) «Minus-priem» v tvorchestve Andrey Bitova ["Negative Reception" in the Works of Andrey Bitov] *Vestnik Omskogo universiteta – Bulletin of Omsk University*. № 1. Pp. 218–220. (In Russian).
5. Tyuleneva, E. (2018) *Strategiya Shaherezady i poisk vtorogo v «Prepodavatele simmetrii» A. Bitova* [The Strategy of Scheherazade and the Search for the Second in the "Teacher of Symmetry" by A. Bitov] *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2018. № 4. Pp. 140–144. (In Russian).

А. О. Большев

Мотив утраты как обретения в романе

А. Битова «Пушкинский дом»

В статье анализируется мотив утраты, оборачивающейся обретением, ставший одной из основ художественной философии Битова в 1960-е годы. Именно данный мотив поспособствовал формированию той всецело амбивалентной ауры, которая характерна для произведений писателя. Прежде всего рассматривается роман Битова «Пушкинский дом» (1964–1971), сюжетно-смысловая структура которого строится главным образом на варьировании этого мотива. Основным объектом анализа оказываются рассуждения Модеста Платоновича Одоевцева, филолога и философа, с точки зрения которого большевистская революция не разрушила русскую культуру, но, наоборот, спасла ее от деструкции.

Ключевые слова: Битов, парадокс, утрата, обретение, непонимание.

Для цитирования: Большев А. О. The Motif of Loss as Gain in Andrei Bitov's "Pushkin House" // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 50–55. DOI 10.35231/25419803_2023_1_50 (In English).

Список литературы

1. Беляк Г. «Пушкинский дом» Андрея Битова: Автор жив, или Хозяин дома // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 65–70.
2. Битов А. Империя в четырех измерениях. 1. Петроградская сторона. – Харьков; М., 1996. – 390 с.
3. Битов А. Империя в четырех измерениях. 2. Пушкинский дом. – Харьков; М., 1996. – 510 с.
4. Кутмина О. «Минус-прием» в творчестве Андрея Битова // Вестник Омского университета. – 2012. – № 1. – С. 218–220.
5. Тюленева Е. Стратегия Шахерезады и поиск второго в «Преподавателе симметрии» А. Битова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 140–144.

дата получения: 12.12.2022
дата принятия: 20.01.2023
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 12 December 2022
date of acceptance: 20 January 2023
date of publication: 30 March 2023

И. Б. Ничипоров

Проба пера: о романе Екатерины Манойло «Отец смотрит на запад»

Статья обращена к текущему литературному материалу – дебютному роману Е. Манойло «Отец смотрит на запад» (2022). Рассмотрены социально-психологическая и этнокультурная проблематика произведения, система персонажей, образ центральной героини в ее сопряженности с авторским «я», особенностями стилиевой манеры. Обсуждается соотношение сильных и уязвимых сторон в творческих решениях начинающего писателя. Делаются выводы о литературном потенциале автора и созданного им текста.

Ключевые слова: современная русская литература, социально-психологический роман, Е. Манойло, художественное осмысление смены эпох, межнациональные отношения в литературе.

Для цитирования: Ничипоров И. Б. Проба пера: о романе Екатерины Манойло «Отец смотрит на запад» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 56–65. DOI 10.35231/25419803_2023_1_56

Приметной литературной новинкой 2022 года стал дебютный роман Екатерины Сергеевны Манойло (1988 г. р.) «Отец смотрит на запад». Выпускница Литинститута (семинар П. Басинского), лауреат премии «Лицей» за этот роман Е. Манойло предложила актуальный вариант острой социально-психологической прозы, навеянной детско-юношескими воспоминаниями о русско-казахской среде в поселке Оренбургской области на границе с Казахстаном. Сочетание реалистической манеры письма с мисти-

ческими лейтмотивами привлекло внимание обозревателей, в произведении находили элементы «автофикшн», поскольку «биографические детали и личный опыт становятся здесь исходным пунктом, болевой точкой, которая толкает авторскую фантазию»¹. Рецензенты оценили характерный для этой «пронзительной женской истории», «твердый... “мужской” почерк, без сантиментов и стремления читателя разжалобить»², соединение «социальной истории, национального колорита, психологизма»³ и в то же время отметили композиционные, стилевые несовершенства⁴, размытость романной структуры, подменяемой местами освещением «этнографических проблем»⁵.

Материалы и методы

Романная экспозиция насыщена местным колоритом, погружающим в микроклимат глухого, далекого от «большого» мира поселка, где «раза три в месяц» случались похороны, коварные водовороты здешней реки «каждый год забирали жизни нескольких человек» и где «угрюмая трехэтажка» [1; далее в тексте все цитаты приводятся по этому изданию без указания страниц] смотрелась внушительной «на фоне кривых потрескавшихся хибар». Глазами девочки Кати Абатовой – русской по матери и казашки по отцу – увидены трудности межнационального и разноконфессионального брака, с мучительным «двоебожием», конфликтным наложением несхожих практик бытового поведения. По признанию автора, подобные обстоятельства вынуждали героиню, прошедшую, как и она сама, через потерю отца, «постоянно ощущать себя ни там, ни тут»⁶, хотя впоследствии «травмирующее детство не довлеет над ней, она не мусолит эту рану, а продолжает жить»⁷.

¹ Соловьева Т. Прекрасный мир, где же ты: новинки литературы для взрослых и детей. Электронный ресурс. URL: <https://umost.org/authors/tatyana-soloveva/prekrasnyj-mir-gde-zhe-ty-novinki-literatury-dlya-vzroslyh-i-detej/> (дата обращения: 25.11.2022).

² Басинский П. Предисловие. Электронный ресурс. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_5/Content/Publication6_8010/Default.aspx (дата обращения: 25.11.2022).

³ Соловьева Т. Прекрасный мир, где же ты: новинки литературы для взрослых и детей. Электронный ресурс. URL: <https://umost.org/authors/tatyana-soloveva/prekrasnyj-mir-gde-zhe-ty-novinki-literatury-dlya-vzroslyh-i-detej/> (дата обращения: 25.11.2022).

⁴ Кузьменков А. Бешбармак из нового реализма. Электронный ресурс. URL: https://alterlit.ru/post/28964/?anchor=comments&comment_id=342551 (дата обращения: 25.11.2022).

⁵ Основов А. Проза «Лицея»: однообразная уникальность. Электронный ресурс. URL: <https://godliterary.ru/articles/2022/06/14/proza-liceia-odnoobraznaia-unikalnost> (дата обращения: 25.11.2022).

⁶ Екатерина Манойло: «В литературном агентстве меня назвали казахским Стивеном Кингом и не взяли» [интервью]. Электронный ресурс. URL: <https://ridero.ru/blog/?p=5614> (дата обращения: 25.11.2022).

⁷ Екатерина Манойло: «Есть страх, что мы все станем монстрами» [интервью]. Электронный ресурс. URL: <https://godliterary.ru/articles/2022/06/27/ekaterina-manojlo-est-strah-cto-my-vse-stanem-monstrami> (дата обращения: 25.11.2022).

Инерция явного и скрытого разномыслия в домашних отношениях с ранних лет тяготела над сознанием центральной героини и стала в романе предметом развернутого художественного исследования. Мать Кати Наина все болезненнее испытывала отчуждение от мужа – простого шофера Серикбая, с которым она поспешно, бунтуя против матери, сошлась когда-то во время практики в «мрачном, необустроенном поселке», от его сестры Аманбеке и прочей родни, в кругу которой ее «постоянно выставляли виноватой». В ущерб семейным, хозяйственным заботам Наина уединялась «перед мрачными иконами», вымаливала у Богородицы первого ребенка – девочку, между тем как Серикбай, молчаливо переживая свое одиночество, готовил для жены подарок за сына, «а вот потратить заначку на побрякушку за дочь у него не поднималась рука». Катя, казахский вариант имени которой «Улбосын» означал «да будет сын», с младенчества безотчетно прониклась материнским тревожным мироощущением и после рождения брата Маратика привязалась к нему как единственному близкому существу, даже «приноровилась делать уроки с Маратиком на руках».

Всеобъемлющий кризис родовых, общественных, межнациональных связей на стыке советской и постсоветской эпох художественно преломляется в короткой, но по-своему незаурядной жизненной истории Маратика. В нем причудливо срослись отсталость и природный талант, врожденные нарушения речи и необыкновенная певучесть голоса, он, слышавший в поселке «недоразвитым», «не говорил, а пел», недоумевающие «родители так и не дождались, когда их сын заговорит нормально». Стихийный наследник народных песенных традиций и одновременно воплощение обывательской бессловесности перед надвигающимися общественными потрясениями, Маратик погибает по недосмотру старших, под тяжестью задавившего его «шипящего и хохочущего» телевизора «Рекорд» – этого зловещего символа уходящей в небытие, но алчущей все новых жертв советской империи. На мифогенной почве коллективного подсознания в поселке складывается квазикульт умершего ребенка, «мертвый сынок обрастал легендами», а Катя еще долгие годы будет прорабатывать для себя обстоятельства несчаст-

ного случая, «мысленно спасти Маратика» и вслушиваться в потаенное звучание его пения, которое, как ей верилось, в поворотные моменты жизни подсказывало верный путь. Протяженность и смысловая значимость этой «посмертной» сюжетной линии позволяют видеть в романной композиции элементы волшебной сказки и даже полагать, что «неприкаянная и никому не нужная» героиня «будто не является актором происходящих событий»¹, а скорее поддается иррациональному – то натуралистически беспощадному, то сокровенному – ходу повседневности.

Результаты

В событийной логике произведения смерть ребенка ускоряет центробежную динамику сюжета, приводит к выпадению все более атомизированных индивидуальных историй из семейно-родовой общности.

Дистанцирование от ментально и религиозно чуждого мужниного окружения вызывает у матери героини Наины желание «отмотать время назад и не заводить семью». В разломах частных судеб и семейных привязанностей автору удастся искусно запечатлеть дух непредсказуемо меняющегося времени. Некогда Наина не на шутку поссорилась «из-за голливудского боевика» с матерью, преподававшей историю КПСС в Московском пединституте, и «назло совку сначала крестилась в церкви, а затем и вовсе решила уехать на практику как можно дальше от дома». На новом этапе своего пребывания в поселке, где возводилась церковь и все поневоле «смирились с соседством двух религий», Наина в состоянии душевного надрыва «стала вынашивать мысль, как ей вернуться к Богу», чуть ли не переселилась во временный храм-вагончик в надежде «отменить ту жизнь, которой она жила до этого вагончика», и в итоге, оставив семью, внеся крупное пожертвование на строительство храма, она тайком уезжает в областной центр. Этот созвучный эпохе поспешных массовых «обращений» неофитский радикализм вызывает у Кати отторжение от православия, дочь «боялась религии матери», «страшных распятий и икон», а спуска

¹ Бояркина П. Ведьмы, драконы, принцессы. Электронный ресурс. URL: <https://prochтение.org/reviews/31027> (дата обращения: 25.11.2022).

годы, когда в причудливых зигзагах общественных и церковных перемен 90-х годов мятущаяся Наина превратится в степенную «матушку Агафью», смотревшую «куда-то мимо дочери» и по иронии судьбы сохранившую на руке след от подаренного мужем кольца, – центральная героиня при встрече с матерью в монастыре ощутит так и не преодоленный комплекс беспочвенности и сиротства, ее вновь «в груди кольнуло: предала, забыла».

Частичное восстановление оборванных поколенческих связей намечается в сближении Кати со «слишком молодой бабушкой» Ириной Рудольфовной, приехавшей забрать ее из поселка. *Укрупненные бытовые подробности вписываются автором в контекст не только семейной, но и шире – межкультурной конфронтации.* Тетка Кати Аманбеке, которая упорно сторонилась так и не влившейся в клан «чужачки», «выплеснула чай, что приготовила Ирина Рудольфовна, в горшок с кактусом, а вместо него заварила себе пакетированный черный, бухнув туда побольше сахара и ложку сметаны», – точно так же, как позднее, при возвращении «подозрительной» «москвички» Кати тетка резко откажет ей в «обычном чае».

Перед сочувственным, доходящим до безнадежности взором 25-летней героини разворачиваются драматичные моменты биографии бабушки, которая на волне повсеместных разоблачений недавних кумиров не захотела в одночасье менять убеждения и вынужденно влачила за собой поломавший ее карьеру «шлейф партийности и непонятной оппозиционности». На ее обветшавшей и обесценившейся «профессорской даче» на 30 сотках все еще хранились «отсыревшие тома» Ленина и Маркса, здесь Катя нашла брючки, в которых много лет назад 1 сентября пошла с бабушкой в школу...

Археология прошлого через живописание опустевших пространств бабушкиной дачи, а также родительской квартиры в поселке, где погиб «легендарный» Маратик, формирует в романе масштабный образ оскудевающей жизни, которая осмысливается сквозь призму поколенческих травм. Воспоминания о проведенных с бабушкой годах приоткрывают в Катином пути нереализованные задатки к творчеству. В школьную пору на подаренный бабушкой плеер она пыта-

лась «записывать» часто звучащий в ее воображении «голос Маратика». Эти эксперименты стали для нее «пропуском в мир звуков»: словно противоборствуя с «нетворческой» обыденностью, Катя увлеклась «коллекционированием» голосов одноклассников и учителей, сумела расслышать, что «каждая ступень лестницы имеет свой голос», в школьном театре стала помощницей звукорежиссера и щедро украшала любительские постановки своими аудионаходками в разнообразном диапазоне от раскатов грома до собачьего лая.

В мотивной структуре романа творческие импульсы персонажей, «обретение своего голоса»¹, прозрение ими горизонтов духовного мира подавляются мрачными сценами домашнего насилия, зачастую «безъязыким» переживанием лишенной социальных перспектив современности. Вошедшая в семью Абатовых Айнагуль после брачной ночи с грубым и ожиревшим Катиным двоюродным братом Тулином «почувствовала себя грязной посудиною», а когда резали Буренку, молодая женщина увидела себя «такой же коровой, свидетелем собственной медленной казни». Катя вспоминала, как в детстве «шла с отцом по висячему мосту» и «доски ходили ходуном под их весом», однако тогда от ощущения непрочности существования ее спасала оглядка на отца, который «улыбается, молодой и красивый». Теперь же на смену детским мечтам и увлеченному «собираению» звуков пришла необходимость «думать цифрами» о заведомо убыточной продаже «профессорской дачи» и ставшей обузой родительской квартиры. Емкой метафорой бесприютности столичной жизни становится в романе «человеиник», где героиня снимает однокомнатную квартиру с ледяным полом в окружении нескончаемых стройплощадок, со «старым лифтом с расплавленными кнопками» и обреченностью после изматывающей, не оплачиваемой в срок работы лицезреть свое отражение «в заляпанном зеркале лифта», чувствовать себя «изжеванной и выплюнутой». Характерными, передающими атмосферу времени штрихами выведен злободневный социальный тип – хозяин квартиры Юрок, живший с матерью, которая держала в домашней библиотеке собрание сочинений

¹ Соловьева Т. Прекрасный мир, где же ты: новинки литературы для взрослых и детей. Электронный ресурс. URL: <https://unost.org/authors/tatyana-soloveva/prekrasnyj-mir-gde-zhe-ty-novinki-literaturny-dlya-vzroslyh-i-detej/> (дата обращения: 25.11.2022).

Солженицына, и работавший охранником в продуктовом магазине. Ему, почувшему возвращение господства по-гулаговски бесчеловечной, якобы защищающей правопорядок силы, «вдруг понравилась власть хотя бы над мелкими магазинными воришками» и над задерживающей оплату одинокой квартиранткой.

Остро драматичной, прочерченной на грани эмпирической достоверности и мистической условности получилась в романе сюжетная линия отца главной героини Серикбая. Заурядный работяга, слабовольный заложник амбициозной сестры и архаических клановых установлений, косвенный виновник гибели сына и распада собственной семьи, он на пороге смерти неожиданно предстает как глубокая, страдающая натура, долгие годы безропотно сносившая удары судьбы и тяготы социальных сдвигов. На свадьбе племянника, омраченной корыстными расчетами родни, он внутренне возвысился над происходящим, «вдруг почувствовал себя молодым, будто оказался в прошлом на собственной свадьбе». Не чуждый, как выясняется, мистическим озарениям, он «прислушивался, не заговорит ли с ним Маратик» и, движимый годами копившимся раскаянием, «вспомнил о дочери», «пытался восстановить в памяти лицо Кати», напряженно размышлял о необходимости завещать ей квартиру и был уязвлен «страшной мыслью, что никогда он дочь свою не любил». Художественной находкой автора стал эпизод внезапной смерти Серикбая на детской площадке по дороге с семейного торжества. Перед ним «стали всплывать образы» прошлого, он перетек в иное измерение, «наткнулся на большую ветку», «будто теперь он сам стал деревом», и, словно в подтверждение «древесных» ассоциаций, «за ночь он стал похож на вырезанную из дерева куклу», а на пороге иного мира в новом свете, в яркой россыпи предметных подробностей узрел свою необорвавшуюся сердечную связь с давно умершим сыном: «Он вспомнил маленькое тельце, укутанное в саван... Разомкнул объятия, достал из сумки твердый кусочек курта и протянул сыну. Тот взял угощение и часто заморгал, будто впервые видел и не знал, что с этим делать. Серикбай смотрел на его кулачок с творогом, а перед глазами стояла другая картина: безжизненная ручка из-под опрокинутого телевизора».

Архетипическая ситуация приезда центральной героини на малую родину обрисовывается в произведении как отражение ее болезненного опыта, влечет усугубление не вполне побежденных с детских лет страхов и разочарований. По смысловому наполнению эта линия отчасти напоминает магистральный сюжет повести В. Маканина «Где сходилось небо с холмами» (1984)¹. Роману Манойло созвучны ключевые для Маканина мотивы сиротства героя – композитора Башилова, чьи «отец и мать сгорели в одной из аварий», «междомья», вырождения «аварийного» поселка, старожилы которого «не знали, зачем он явился вспоминать столько лет спустя», а также неуклонного разрушения «общих длинных столов», вместо которых в конце концов «в земле торчали остатки опорных столбиков». Маканинский герой-интеллигент терзается нравственной «виной» перед односельчанами, тщетно силится вернуть «долг» родному поселку, а героиня романа с тоской узнает знакомые места, роковой для родительской семьи «памятный вагончик» и высший рядом новый храм. Былые родственные, хотя и не безупречные, отношения перечеркиваются спустя годы циничным выставлением ей «счета» за похороны отца и сооружение ему нелепого «мавзолея», требованиями тетки «переписать» отцовскую квартиру и едва ли не надругательством со стороны двоюродного брата, с его «смердными объятиями» и невыносимым «мясным жаром... тяжелого тела».

Символический характер приобретает сцена, когда героиню, без необходимых ресурсов, с неработающим телефоном, умышленно запирают в отцовском склепе, у «посмертной кровати отца», которого не предали земле, а «положили головой на Запад, как велит обычай». В духе «магического реализма» ее тягостные кладбищенские впечатления сопровождаются «пением» Маратика о «заживо похороненной сестре», которую «спать положили с мертвым отцом», чем высветляются неизжитые травмы прошлого и смутные горизонты дня сегодняшнего. Всплывающие в памяти эпизоды общения с отцом накладываются на беспокойный фон воображаемого зависания над пропастью: «Вспомнилось, какой

¹ Маканин В. Где сходилось небо с холмами. Повесть. Электронный ресурс. URL: <http://lib.ru/PROZA/MAKANIN/nebo.txt> (дата обращения: 25.11.2022).

он был большой, пышущий здоровьем. Как спал после рейса, и, если прилечь рядом и положить голову ему на грудь, можно было задремать под ровное его дыхание. Собственное детство казалось ей теперь не куцым и обрывистым, а плавным и убаюкивающим. Катя прикрыла глаза. Вдруг спиной она почувствовала пустоту, будто один шаг назад – и свалишься в пропасть». Это реальное и вместе с тем мистическое приближение к темным, но и согретым семейным теплом недрам родового памяти могло бы стать органичным закольцовыванием романной композиции – от таинственного названия к финалу. Увенчанная же произведение счастливая развязка вкупе с фантастическим «возмездием» обидчику героини от «ожившего» в склепе отца выглядит искусственной и отчасти низводит мистическую образность до тривиального литературного приема.

Обсуждение и выводы

Итак, первый роман Е. Манойло видится в целом как творческая удача и примечательное явление сегодняшней литературы. Пульсирующий ритм «объективного» повествования, разделенного на десять все более кратких и отрывистых главок, подчинен композиционному движению от эпически панорамных картин к освещению болевых сторон частных судеб, постижению *разноуровневого пограничья*: земного и потустороннего миров, исторических периодов, стратегий бытового поведения, возрастных состояний. Речь автора стилистически и эмоционально пропитана исповедальными признаниями, раздумьями близкой ей героини и вместе с тем обнаруживает ту «внезаходимость», которая позволяет умело совмещать различные по охвату материала изобразительные планы, в том числе выходящие за пределы индивидуальной картины мира любого из персонажей. Разомкнутому в будущее биографическому времени центральной героини – с рубежа 80–90-х до середины 2010-х гг. – оказывается соразмерным прихотливое течение социальной истории как в региональном, так и общероссийском масштабе. Со значительностью этнокультурных, психологических проблем, аналитическим освоением современности, оригинально выстроенными ассоциативными рядами в тексте диссонируют,

однако, расхожие сюжетные клише приключенческой и фантастической литературы, наподобие похищений, побегов, преследований, поисков и обретения тайника с деньгами, явления призраков...

Литературный потенциал автора и созданного им текста несомненен. Решению каких творческих задач этот потенциал послужит – покажет будущее.

Список литературы

1. Манойло Е. Отец смотрит на запад. Роман. Предисловие П. Басинского // Новый мир. – 2022. – № 5. – С. 7–50; № 6. – С. 8–43.

Ilya B. Nichiporov

Pen Test: about Ekaterina Manoilo's Novel "Father Looks to the West"

The article is addressed to the current literary material – the debut novel by E. Manoilo "Father looks to the west" (2022). The socio-psychological and ethno-cultural problems of the work, the system of characters, the image of the central heroine in her correlation with the author's "I", the peculiarities of the stylistic manner are considered. The correlation of strengths and vulnerabilities in the creative solutions of a novice writer is discussed. Conclusions are drawn about the literary potential of the author and the text created by him.

Key words: modern Russian literature, socio-psychological novel, E. Manoilo, artistic understanding of the change of epochs, interethnic relations in literature.

For citation: Nichiporov, I. B. (2023) Proba pera: o romane Ekateriny Manoilo «Otec smotrit na zapad» [Pen Test: about Ekaterina Manoilo's Novel "Father Looks to the West"]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 56–65. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_56

References

1. Manoilo E. (2022) Otec smotrit na zapad [Father looks to the west] *Novy mir – New World*. № 5. Pp. 7–50; No 6. Pp. 8–43.

дата получения: 19.12.2022
дата принятия: 20.01.2023
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 19 December 2022
date of acceptance: 20 January 2023
date of publication: 30 March 2023

С. М. Коновалов

Роман о состоянии нации в творчестве современных британских писателей (на материале произведений Джонатана Коу)

В статье на материале трилогии Дж. Коу «Срединная Англия» и дилогии «Какое мошенничество!» анализируются способы описания состояния английского общества конца XX – начала XXI века. Устанавливается, что романы эпопеи представляют собой особое художественное явление – роман о состоянии нации. В таком романе дается анализ общественных процессов, происходящих на фоне знаковых социально-политических событий или тенденций. Кризис английской политической системы от неудачной политики лейбористов до Brexit описывается в романах Дж. Коу на фоне кризиса семейных, дружеских и социальных отношений.

Ключевые слова: современная английская литература, Дж. Коу, политическая сатира.

Для цитирования: Коновалов С. М. Роман о состоянии нации в творчестве современных британских писателей (на материале произведений Джонатана Коу) // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 66–75. DOI 10.35231/25419803_2023_1_66

Роман о состоянии нации – произведение, содержащее критический анализ общественных процессов, происходящих на фоне знаковых социально-политических событий или тенденций. Зародившийся в английской литературе второй половины XX века и восходящий к традиции романа о состоянии Англии XIX века данный жанр стал интернациональным.

В романе о состоянии нации особое значение приобретает сатира, что, с одной стороны, показывает стремление писате-

лей изменить существующее положение дел, а с другой, свидетельствует об общем чувстве пессимизма, неверии в сколь бы то ни было значимые изменения в социальной атмосфере.

Среди наиболее ярких представителей данного жанра можно выделить таких английских прозаиков, как Дж. Барнс, М. Эмис, С. Фолкс, Дж. Коу и др.

Материалы и методы

Объектом исследования в статье является творчество Дж. Коу. Джонатан Коу (р. 1961) – современный британский прозаик, автор 13 романов, нескольких биографий и книг для детей. Особое место в его творчестве занимают трилогия «Срединная Англия» и диалогия «Какое мошенничество!» и «Номер 11». Эти пять романов последовательно представляют социальную панораму британского общества с 1970-х годов по настоящее время.

Роман «Клуб мерзавцев» (*The Rotters' Club*, 2001) – первый роман трилогии «Срединная Англия» – переносит читателя в 1970-е годы, когда со всей остротой проявилась несостоятельность проводимой лейбористами экономической политики. Это сопровождалось ростом общественной напряженности, популярностью радикальных взглядов, расизмом и ксенофобией. На примере учеников вымышленной Школы короля Вильгельма в Бирмингеме автор демонстрирует многочисленные кризисные явления той поры.

С самого начала читатель погружается в довольно мрачную атмосферу Бирмингема 70-х годов. Сокращения на заводе в Лонгбридже, террористические акты ИРА, ответная реакция т.н. «Ассоциации британского народа», выступающей под лозунгами «отказывайтесь работать с ирландскими бандитами и убийцами» [3, с. 37], общая радикализация населения дополняется символично выбранным Дж. Коу коричневым цветом для описания городских построек и интерьеров учреждений:

Столы, в которых тускло отражались их лица, были темно-коричневыми, цвета борнвильского шоколада. Стены были более светлого оттенка коричневого, цвета продукта марки «Daigū Milk». Ковер был тоже коричневый, с несколькими, едва заметными восьмиугольными вкраплениями другого оттенка коричневого. Пред-

полагалось, что потолок в пабе должен быть белым, но и он был коричневым, по-коричневев, видимо, от никотинового дыма миллионов выкуренных сигарет без фильтра. Цвет большинства машин на парковке, равно как и одежда их хозяев, также был коричневым. Никто в пабе не замечал доминирующих коричневых тонов, а если и замечал, не считал нужным об этом говорить. Это были коричневые времена [3, с. 15].

В этой атмосфере и живет Бенджамин Троттер с братом Полом, сестрой Лойс и родителями. С описания семейного вечера в ноябре 1973 года, когда «моросящий дождь стучал в оконные рамы, и вся семья собралась в гостиной» [3, с. 9], и начинается Дж. Коу основную часть произведения, пародируя «семейный роман» XVIII – XIX вв. Начавшись как семейный роман он выходит за рамки этого жанра, и в центр повествования становится школа. Школа выступает как срез общества, в ее атмосфере отразились многие явления, характерные для страны в целом.

Результаты

Бенджамин и его одноклассники по Школе короля Вильгельма – Дуг Андертон, Фил Чейз, Стив Ричардс, Клэр Ньюман, Сисили Бойд – вовлечены в неразбериху, связанную то с рабочими местами своих родителей, то с любовными отношениями некоторых родителей с учителями школы (как в случае матери Фила и мистера Пламба), то в общеполитическую полемику тех лет о неспособности правительства Эдварда Хита предотвратить скатывание страны в глубочайший кризис. С юмором описывает Дж. Коу «политический» диалог Бена и Фила о напряженной международной обстановке:

- Почему разделен Берлин?
- Не знаю. Там в центре река, как Темза, Дунай, что ли?
- Я думал, это как-то связано с «холодной» войной и вообще, почему она называется холодной?
- Ну, в Берлине, кажется, очень холодно.
- Но я думал, что это связано с Америкой и Россией?
- Ну, в России точно холодно. Это все знают [3, с. 59].

Политика глазами детей вписывается милым контрастом в жесткую реальность романа.

Роман Дж. Коу «Какое мошенничество!» (*What a Carve Up!*, 1994) – социальная сатира на эпоху тэтчеризма 80-х годов прошлого века в Великобритании, на всю политическую систему, построенную на коррупции и лоббировании интересов сильных мира сего. Произведение представляет собой сложное сплетение множества сюжетных линий и временных пластов, комбинацию элементов разных романских жанров, а также смену угла зрения – то, что до поры до времени воспринимается как авторский нарратив, постоянно перемежается с повествованием от первого лица. Все это дает возможность читателю шире и глубже понять всю противоречивость и неоднозначность описываемой эпохи.

Роман повествует о том, как по мистическому стечению обстоятельств писатель Майкл Оуэн становится биографом могущественного клана Уиншо, представители которого занимают ведущие посты в тэтчеровской Англии – в политической, экономической, социальной, банковской и медийной сферах. Жесткой критике подвергаются реформы М. Тэтчер и их влияние на жизнь простых людей – Майкла, его соседки Фионы, начинающей художницы Фиби и специалиста по кинематографии Грэма. Работая над книгой, Майкл сталкивается с ошеломляющими фактами деятельности Уиншо, построенной на обмане, мошенничестве, подлоге, коррупции. Тональность повествования варьируется: добродушный юмор, самоирония рассказчика сменяются драматизмом в описании судьбы Фионы, иронией и сарказмом в изображении деятельности Уиншо. Развязка романа и вовсе трагична: в результате последовательных убийств все члены семьи Уиншо, а вместе с ними и их биограф, погибают.

Роман «Какое мошенничество!» – семейная хроника клана Уиншо. Повествованию предшествует генеалогическое дерево семейства, благодаря которому читатель быстро включается в сложную систему родственных отношений в клане. Книга начинается с описания двух непонятных, мистических событий, повлекших за собой гибель в авиакатастрофе над Германией в 1942 году военного летчика Годфри Уиншо, а 19 лет спустя – смерть до поры неизвестного убий-

цы, пытавшегося покончить со старшим братом Годфри, Лоренсом Уиншо, подозреваемым в организации упомянутой выше авиакатастрофы. Здесь же впервые упоминается Табита Уиншо, уверенная в причастности Лоренса к смерти Годфри и обреченная на пожизненное пребывание в лечебнице для умалишенных, а также их младший брат Мортимер, которого Лоренс считает недотепой.

И уже в самом начале романа звучат первые сатирические сентенции Дж. Коу, направленные на членов семьи, проявивших «заботу» о Табите, поместив ее (для, якобы, ее же собственной пользы) в дом скорби, ибо после новости о гибели Годфри Табита напала на Лоренса, и «среди орудий насилия... были подсвечники, зонтики для гольфа, ножи, бритвенные лезвия, кнуты, картофелемялка, клюшка для гольфа, афганский боевой рожок, представляющий значительную археологическую ценность, ночной горшок и базука» [4, с. 7]. В этом перечислении, находит отражение любовь Дж. Коу к вещам и словам. Как Ч. Диккенс, он очень любит перечисления, особенно смешные перечисления.

Особое внимание уделяется автором молодому поколению семейства в лице Дороти Генри, Томаса, Родди, Марка и Хилари Уиншо. В период правления М. Тэтчер, которая, кстати, косвенно фигурирует в романе, каждый из них занимал высокое положение в различных влиятельных учреждениях в сфере политики, экономики, журналистики, СМИ, культуры, социальных и военных ведомствах, внося свой «вклад» в алчный и лицемерный чиновничий беспредел. Пользуясь родственными связями, они лоббировали семейные интересы в парламенте, подчиняли прессу своему влиянию.

Таким образом, «Какое мошенничество!» приобретает отчетливые черты политического романа. Дж. Коу описывает ситуацию в стране как необратимый процесс раскола общества на имеющих и всемогущих и на не имеющих ничего, как непреодолимую бездну между такими, как Уиншо, самодовольными, безразличными ко всему, кроме процентов, сумм и доходов, и такими, как Майкл, рассказчик и биограф семейства Уиншо, и Фиона, работающая с утра до вечера, постоянно усталая, живущая как бы по другую сторону от всего яркого, радужного, перспективного. Такая же пропасть от-

деляет взгляды и поступки семейства Уиншо от общечеловеческих нравственных норм.

Роман «Замкнутый круг» (*The Closed Circle*, 2004) – второй роман трилогии «Срединная Англия» – переносит героев первой части и их детей на рубеж тысячелетий. Особую атмосферу в этом произведении создают образы объединённой Европы, где Британия играет важнейшую роль, оптимизм по поводу тенденций глобализации и мультикультурализма. При этом традиционные социальные пороки – коррупция, лоббирование интересов узких социальных групп, снобизм – по-прежнему остаются в поле зрения Коу-сатирика.

«Замкнутый круг» переносит главных героев, Бенджамина Троттера и его ровесников, школьные годы которых описаны в романе «Клуб мерзавцев», на рубеж веков и выявляет закономерности их жизни как следствие развивавшихся в них еще тогда, в подростковом возрасте, качеств.

Прежде всего, вызывает интерес необычность структуры произведения, что мы уже неоднократно подчеркивали, говоря о творчестве и новаторском характере сатирической прозы Дж. Коу. В данном случае обращает на себя внимание обратный отсчет в нумерации глав в основной части романа «Бледные люди» (*Pale People*) – с 28 по 1. Объясняется это, вероятно, желанием автора на структурном уровне подчеркнуть идею диалогии о повторяемости происходящих как в литературе, так и в политической жизни процессов и невозможности радикальных изменений в данных обстоятельствах. Таким образом, закончив первый роман дилогии – «Клуб мерзавцев» – на главе 28, Дж. Коу заканчивает роман «Замкнутый круг» на главе 1 и на той же начальной сцене на берлинской телебашне в 2003 году, что и в «Клубе мерзавцев». Этот прием позволяет читателю четко ощутить очерченный автором круг проблем и тенденций в развитии британского общества с 70-х годов прошлого века до настоящего времени и, тем самым, может быть, помочь ему разорвать этот круг, дабы жизнь конкретного человека не ограничивалась лишь серой цикличной динамикой бед и потрясений, когда кажущиеся изменения в лучшую сторону оказываются лишь количественными, а на качественном уровне ровным счетом ничего не происходит.

К этим количественным изменениям и обращается автор уже на первых страницах «Замкнутого круга» в письме Клэр Ньюман, к этому времени уже бывшей жены Фила Чейза, к пропавшей без вести сестре Мириам. После длительного отсутствия Клэр шокирована кардинальными изменениями в Британии конца 90-х. С иронией пишет Клэр о том, что из замкнутых людей британцы превратились в крайне разговорчивых, а из работающих в излишне деловых:

Мое первое впечатление – это то, что в этом городе масса людей больше не работает, в смысле производства вещей или их продажи. Вместо этого люди встречаются и разговаривают. Если же они не встречаются и не разговаривают с глаз на глаз, то они разговаривают по своим мобильникам и договариваются о встрече. Мне интересно, о чем же они будут разговаривать, когда, наконец, встретятся... Мы стали крайне общительными. Единственное, чего я часто не могу понять, о чем же идет речь... Запрет на импорт говядины, проблемы миллениума... [2, с. 7].

Еще одна черта, поразившая Клэр, – агрессивность людей. «Температуру нации можно определить по манере вождения», – пишет она [2, с. 13]. Чуть не столкнувшись с Полом Троттером по дороге в Бирмингем, и выслушав в свой адрес непристойную брань, Клэр делает вывод, что это не просто мимолетная злость, а глубоко укоренившееся разочарование в жизни всего поколения, разочарование людей, не имеющих возможности выйти за пределы замкнутого круга.

Ощущение замкнутого круга проникает во все сферы жизни страны и находит отражение на многих страницах романа. Сама политическая система Британии конца века – не что иное, как замкнутый круг, где нет ни правых, ни левых, ни консерваторов, ни лейбористов. Так, в разговоре Дугласа Андертона, к тому времени преуспевающего политического обозревателя, с Мальвиной, незаконнорожденной дочерью Бенджамина Троттера и, по воле судьбы, любовницей его брата Пола, коррумпированного лоббиста из Палаты Общин, говорится не без иронии, что «люди, кажется, до сих пор верят, что они голосовали за левую партию, в то время как на самом деле они проголосовали за еще пять лет тэтчеризма» [2, с. 130]. И далее в беседе с Полом Дуглас говорит: «Левые сместились вправо, а правые полевели. Круг замкнулся» [2, с. 139].

Под названием «Замкнутый круг» действовала основанная еще в 70-х в Школе короля Вильгельма тайная политическая организация. Ее основателями являлись Пол Троттер и Рональд Калпеппер. Последний отличался безудержным тщеславием и расистскими выходками еще в школе. Целью организации под тем же названием, но в новых реалиях, стало создание комиссии, которая могла бы вести самостоятельную игру на политической арене и, соответственно, удовлетворить амбиции Пола.

Как замкнутый круг можно охарактеризовать и жизнь главных героев романа. Так, особенности характера и связанные с ним разочарования Бенджамин Троттера в подростковом возрасте приводят к неудачам и во взрослой жизни. Роман «Беспокойство», написание которого тянется несколько десятилетий, оказывается незавершенным и никому не интересным. Нерешительность, сомнения, неудачные поиски себя не позволяют Троттеру выйти за рамки, установленные для него этой жизнью. Размолвка с супругой и его временное исчезновение в монастырь в Нормандии – пожалуй, первый в жизни сорокалетнего мужчины решительный поступок, хотя стены монастыря – очередное замкнутое пространство, очередное ограничение для личности. Мир XXI века оставляет для каждого человека лишь маленькую нишу возможностей, а все досужие разговоры о свободе – миф. Бенджамин возвращается в Англию к своим прежним проблемам.

Круг замкнулся и для Пола Троттера. Не зная, что Мальвина – дочь Бенджамин и Сисили Бойд, ставшей к тому времени инвалидом, приходится ему родной племянницей, Пол заводит с ней роман, ставя тем самым крест на семье. Все попытки выслужиться перед премьер-министром и обеспечить себе головокружительную карьеру также не приносят успеха. Рольф, член Совета директоров BMW, тот самый Рольф, которого два десятилетия тому назад Пол спас от смерти в проливе Скагеррак, отказывается помочь ему уладить вопрос о продаже «Лэндровера» (это принесло бы Троттеру неслыханные политические дивиденды, а BMW – значительные убытки); слухи о его связи с Мальвиной проникают в прессу; замяв их, Пол ведет себя по-прежнему,

хорошо исполняя роль беспринципного, тенденциозного подхалима, что, по мнению Дж. Коу, и представляют собой современные британские политики.

Сиквел к роману «Какое мошенничество!» под названием «Номер 11» (*Number 11*, 2015) исследует социальные процессы в Великобритании первого десятилетия XXI века. Данный период был ознаменован жёсткой экономией, отразившейся, в первую очередь, на жизни простых британцев. Давно забытые «зайцы» в общественном транспорте, продовольственные банки, резкое снижение потребительских расходов стали символами периода. На этом фоне процветание политических и экономических элит, массовая миграция в королевство и нарастающее напряжение между прибывшими и местными жителями приводит к общественному расколу, завершившемуся выходом Британии из ЕС.

Обсуждение и выводы

Именно проблема *Brexit* становится центральной в ключительном романе трилогии с одноимённым названием «Срединная Англия» (*Middle England*, 2018). Символично, что весь цикл романов охватывает период нахождения королевства в составе единой Европы. Многочисленные общественные противоречия, связанные как с экономическими, так и с миграционными вопросами, выводят проблему *Brexit* на экзистенциальный уровень.

Таким образом, роман о состоянии нации играет важную роль в британской литературе. Недостаточная изученность его теоретических основ оставляет исследователям широкие возможности для дальнейшего анализа традиции и современного состояния жанра.

Список литературы

1. Coe J. *Middle England*. – London: Viking, 2018. – 424 p.
2. Coe J. *The Closed Circle*. – London: Penguin Books, 2005. – 428 p.
3. Coe J. *The Rotters' Club*. – London: Penguin Books, 2002. – 406 p.
4. Coe J. *What a Carve Up!* – London: Penguin Books, 1995. – 501 p.

Sergey M. Konovalov

A Novel about the State of the Nation in the Work of Contemporary British Writers (Based on the Works of Jonathan Coe)

In the article based on J. Coe's trilogy "Middle England" and the dilogy "What a scam!" ways of describing the state of English society in the late 20th – early 21st century are analyzed. It is argued that epic novels turn into special artistic phenomenon, a novel about the state of the nation. Such a novel provides an analysis of social processes taking place against the backdrop of significant socio-political events or trends. The crisis of the British political system from the failed Labor policy to Brexit is described in the novels of J. Coe against the backdrop of a crisis in family, friendship and social relations.

Key words: modern English literature, J. Coe, political satire.

For citation: Konovalov, S. M. (2023) Roman o sostoyanii natsii v tvorchestve sovremennykh britanskih pisatelej (na materiale proizvedenij Dzhonatana Kou) [A Novel about the State of the Nation in the Work of Contemporary British Writers (Based on the Works of Jonathan Coe)]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 66–75. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_66

References

1. Coe, J. *Middle England*. London: Viking, 2018.
2. Coe, J. *The Closed Circle*. London: Penguin Books, 2005.
3. Coe, J. *The Rotters' Club*. London: Penguin Books, 2002.
4. Coe, J. *What a Carve Up!* London: Penguin Books, 1995.

дата получения: 28.12.2022
дата принятия: 20.01.2023
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 28 December 2022
date of acceptance: 20 January 2023
date of publication: 30 March 2023

Моради Марзие

Сказки «Тальхун», «Ах» и «Аленький цветочек» (сравнительный анализ)

В данной статье предпринята попытка провести краткое сравнение трёх сказок с общим сюжетом по методике В. Я. Проппа. Рассматриваются русская сказка «Аленький цветочек» (в изложении С. Т. Аксакова), турецкая народная сказка «Ах» и персидская сказка «Тальхун» (в изложении С. Бехранги). Анализируется сюжет (красавица и чудовище), роль волшебного помощника, сказочные препятствия и условия их преодоления. Делается вывод, что несмотря на разницу культур развитие и финал сказочного сюжета схожи, а сказочному злу может противостоять только доброе и любящее сердце.

Ключевые слова: фольклор, сюжет испытания любви, «Ах», «Аленький цветочек», «Тальхун», Самад Бехранги, С. Т. Аксаков.

Для цитирования: Моради М. Сказки «Тальхун», «Ах» и «Аленький цветочек» (сравнительный анализ) // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 76–87. DOI 10.35231/25419803_2023_1_76

Каждый из нас помнит из детства сказки наших бабушек. Эти сказки существовали и будут существовать для детей во всём мире. В этих сказах мы сталкиваемся с противоречиями, борьбой добра со злом, любви с ненавистью, и в сказках добро побеждает зло. Сравнивая сказки мира, можно увидеть их большое сходство и интернациональную общность, например, сюжет сказки о принце, превращенном в чудовище силой злых чар, освободить от которых его могла только истинная любовь.

Сравнение трех названных нами сказок уже проводилось исследователями. Можно указать диссертации Моттаки Джуршари «Функции азербайджанских легенд в сказках Самада Бехранги», М. Рахманиан «Обзор героя и антигероя в детских сказках» [1], статьи «Сюжет рассказа "Аленький цветочек" в армянских народных сказках» С. С. Орищенко [3], «"Аленький цветочек": от народной сказки к литературному рассказу» М. Н. Красновой [2] и др., но новизна данного исследования заключается в том, что было проведено сравнительное изучение указанных сказок и предпринята попытка выявить сходство между ними.

Материалы и методы

Поводом для исследования является сказка под названием «Тальхун», написанная Самадом Бехранги в Тебризе в 1961 году. Сюжет этой сказки заимствован из турецкой сказки «Ах». Самад Бехранги (1939–1969) – иранский писатель турецкого происхождения, один из основоположников детской литературы в Иране. За короткий период своего творчества смог оказать значительное влияние на иранскую литературу, особенно детскую. В своих произведениях Бехранги использовал фольклорные сюжеты. Писатель развивал жанр литературной сказки, одной из которых является «Тальхун».

Сказка «Ах», восходящая к азербайджанскому фольклору, также входит в сборник сказок Самада Бехранги. Подобный сюжет существует в разных культурах и странах: красавица и заколдованный юноша. Это французские литературные сказки «Красавица и чудовище» Фелисите де Жанлис (1779), «Красавица и чудовище» Жанны-Мари Лепренс де Бомон (1746), русская литературная сказка «Аленький цветочек» Сергея Тимофеевича Аксакова (1858), армянская народная сказка «Вишاپ, сын царя Чинмачина» и другие. Такие «бродячие сюжеты» «проявляются в культуре разных народов в разные эпохи» [3, с. 133].

В сказке «Тальхун» фигурируют 6 дочерей купца. Старшие сестры были ленивы, непослушны, но младшая Тальхун отличалась от всех: она не была корыстна, одиноко жила в своём собственном мире. Однажды купец попросил своих дочерей выбрать для себя подарки. Тальхун никогда ничего

не просила у отца, но в этот раз она попросила у него сердце и печень. Отец ни сердца, ни печени на рынке не нашёл. Он вздохнул от отчаяния, и вдруг перед ним появился призрак. Призрак по имени Ах спросил отца, почему он грустит, а затем дал ему сердце и печень при условии, что он выведет Тальхун ночью из дома. В ту ночь пришёл юноша и, по уговору отца с призраком, забрал Тальхун. Они переехали в другую страну и стали жить вместе. Это было счастливое время. Однажды во время прогулки Тальхун попросила молодого человека сорвать для неё яблоко с дерева. Когда юноша залез на дерево, она увидела на его талии перо и сняла его – юноша упал на землю замертво. В этот момент появился призрак Ах, и Тальхун поняла, что это было волшебство. Ей пришлось пройти через многие сказочные препятствия, чтобы найти лекарство и оживить мужа.

В сказке «Ах» у купца было три дочери. Когда купец собрался в деловую поездку, он спросил у дочерей, какие подарки им привезти. Старшие дочери попросили рубашку и носки, а младшая дочь хотела только цветок, чтобы коснуться им своих волос. Купец привез подарки старшим дочерям, а про цветок для младшей забыл. Он вздохнул и услышал стук в дверь – это был призрак Ах, который принес нужный цветок и велел купцу отдать цветок дочери. Призрак вернулся через три дня за хозяйкой цветка. Отец был недоволен, но в конце концов согласился. Ах закрыл глаза девушке и привел ее в сад, где она осталась одна. Спустя некоторое время девушка соскучилась по своей семье, вздохнула, появился Ах и отвез девушку домой. По случаю приезда девушки собрались родственники и стали расспрашивать ее о житье-бытье. Девушка уверяла, что живет в саду, что она одна, но родственники засомневались в этом и уверили девушку, что здесь кроется какой-то секрет. Вернувшись в сад, девушка, по наущению родственников, порезала себе палец и посыпала его солью, чтобы от боли не заснуть ночью и раскрыть секрет. Среди ночи девушка увидела, что к ее постели подошел молодой человек и сказал, что он ее муж, но не мог раньше показываться ей из-за своего вида. С того момента юноша больше не скрывал себя. Однажды на прогулке в саду девушка хотела сорвать цветок, но не могла его до-

стать. Молодой человек потянулся за ним, девушка увидела маленькое пёрышко, прилипшее к подмышке юноши, схватила перо, и вдруг воздух помутнел, и потерявшая сознание девушка упала на землю. Когда она открыла глаза, то увидела, что сада, полного цветов, больше нет, а юноша мертв. В поисках лекарства для оживления мужа девушка прошла через многие препятствия. Найдя лекарство, она вздохнула, появился призрак Ах и отвел девушку к мужу, где она смогла его оживить. После этого они жили долго и счастливо.

В сказке «Аленький цветочек» отец собирается в дальний путь и спрашивает трех дочерей о гостинцах для них из заморских стран. Старшая дочь попросила «злат венец самоцветный», средняя дочь хрустальное зеркальце, а младшая – аленький цветочек, «краше которого нет во всем белом свете». Купец нашел подарки для старших дочерей, но аленький цветок отыскать не мог. Очутившись после бури на острове, он нашел в саду цветок. Хозяин цветка велел прислать ему одну из дочерей, если купец хочет избежать смерти за сорванный цветок. Купец не захотел жертвовать детьми и хотел отправиться на остров сам с помощью чудесного кольца, но младшая дочь услышала его рассказ, и сама явилась, чтобы вернуть цветок. Хозяин острова оказался заколдован в облике чудища и избавиться от него мог только благодаря искренней любви дочери купца.

Вопрос, который первым приходит на ум читателям: каков первоначальный смысл сказки? Сюжеты сказок восходят к мифологическим представлениям или народной культуре, то есть они всем известны. Фольклористика изучает сказки, народные легенды, верования, предания, пословицы, которые бытовали устно. Иранский исследователь Садег Хедаят утверждает, что сказки взяты из народной культуры, которая отражает стремления и верования людей прошлого [6, р. 81]. Но попадают ли исследуемые в этой статье тексты в разряд народных сказок или нет?

Структуру сказки изучал русский исследователь В. Я. Пропп, предложив метод анализа сказки на основе исследования ста волшебных сказок. Исследования В. Я. Проппа оказали значительное влияние на развитие структурализма и нарратологии. «Согласно его теории, мифическая структура на-

родных сказок делится на 31 звено, и у каждого звена свое обозначение» [2, с. 43]. Морфологически сказкой может быть названо любое развитие от вредительства (А) или недостачи (а) через промежуточные действия к свадьбе (С*) или другим функциям, использованным в качестве развязки.

Согласно В. Я. Проппу:

1. Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки.
2. Число функций, известных волшебной сказке, – ограничено.
3. Последовательность функций всегда одинакова.
4. Все волшебные сказки однотипны по своему строению¹.

Результаты

При анализе сказок, исследуемых в данной статье, мы обнаруживаем, что они полностью соответствуют главным признакам, указанным В. Я. Проппом:

1. Девушка одинока, у нее нет возлюбленного.
2. У дочерей есть просьбы/желания к отцу.
3. Отец не может исполнить желание одной из дочерей.
4. Жизнь девушки меняется.
5. У девушки возникают проблемы, но она их решает.
6. Благополучная концовка (свадьба/воссоединение влюбленных).

Во всех этих сказках один влюбленный страдает от злого колдовства (бездвременная или преждевременная смерть, звериный облик), а другой влюблённый терпит много лет и проходит много испытаний, чтобы оживить своего возлюбленного и излечить его боль.

Значительную роль в этих сказках играют пожелания девушек: они исполнимы, кроме просьбы младшей дочери. В сказке «Ах» просьбы девушек просты и ограничиваются носками и рубашками, которые могут быть получены без волшебства. В сказке «Аленький цветочек» старшая дочь

¹ Пропп В. Я. Морфология сказки. – Л.: Academia, 1928. – (Вопр. поэтики; Вып. XII). – С. 31–33. Электронный ресурс. URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/pms-001-htm>

не захотела ни парчи, ни мехов, ни жемчугов, а потребовала привезти «золотой венец из камней самоцветных, и чтоб был от них такой свет, как от месяца полного, как от солнца красного, и чтоб было от него светло в тёмную ночь, как среди дня белого» [1, с. 314]. Вторая дочь захотела «туалет хрустально восточного, цельного, беспорочного, чтобы, глядя в него, видела я всю красоту поднебесную и чтоб, смотрясь в него, я не старилась, и красота б моя девичья прибавлялась» [1, с. 314]. В сказке «Тальхун» старшая дочь попросила ванну из золота, основание которой из серебра, а из душа должны литься розы. Вторая дочь запросила пару туфель и платье: одна туфля должна быть золотой, другая должна быть серебряной, нити платья должны быть поочередно золотые и серебряные. Третья дочь попросила двух служанок: черную, чтобы раздевала перед сном, а белая чтобы одевала утром. Четвертая дочь попросила ожерелье, чтобы оно днем становилось черным и сверкало, как молния, сияя на милую, а ночью было белым, как вата. Пятая дочь запросила носки, которые должны быть длинными, когда надеты, и уместиться на пальце, когда сняты. И, наконец, шестая дочь сказала: «Я хочу что-то такое, что сделает меня рабыней, когда я иду в ванную, служанкой, когда я иду на свадьбу, и кольцом на пальце, когда оно мне не нужно» [4, pp. 160–161; здесь и далее перевод текстов с персидского языка наш. – М. М.].

В турецком и русском примерах этих сказок младшая дочь просит у своего богатого отца нечто, что отец не может найти. Только в сказке «Тальхун» девушка просит у отца сердце и печень, а в «Аленьком цветочке» алый цветок. В этих рассказах мы видим разные символы, но по смыслу, по мнению Мехрегана, здесь есть «взаимодействие образов и диалектическая связь между ними. Именно в такой сфере возможно рождение смысла и широких интерпретаций между двумя разными и в то же время общими полюсами образов. Это взаимодействие и взаимосвязь между двумя полюсами символизирует живую душу и центральное ядро как основу символической системы» [10, р. 160]. Мы рассматриваем несколько символов в этих сказках.

Подарок, о котором идет речь, различается в трех сказках, но красный цвет является общим для всех трех подар-

ков. Психолог Люшер говорит о красном цвете: «Красный цвет представляет высвобождение энергии в физиологическое состояние и жизненную силу, следовательно, означает желание и охватывает все формы желания. Красный цвет настаивает на достижении результатов, достижении успеха и свидетельствует о жадном стремлении ко всему, что является признаком совершенства и представляет собой диаграмму интенсивности стремления к жизни» [8, р. 83].

Запрошенный цветок в сказках «Ах» и «Аленький цветочек» является символом возлюбленного, любви и привязанности, красоты и свежести, а также символизирует совершенство, любовь, человеческое сердце и красоту мира.

В сказке «Тальхун», помимо общих символов сказки, мы видим другие символы. Так, например, яблоко – это символ любви, красоты и успеха; в мифах и легендах оно является запретным плодом. Поэтому в сказке молодой человек, прикоснувшийся к яблоку, умирает [12, р. 167].

В большинстве сказок младшая сестра отличается от других: она красивее, умнее и нравственнее. «Старшие сестры – существа, чьё нелепое и неблагоприятное поведение является шоком для детского сердца». Когда автор представляет в своём рассказе «достойную сестру, которая терпеливо и искренне жаждет встречи с истинным возлюбленным», это должно стать для читателя образцом отношения к любви [9]. В сказке «Ах» сестры сопровождают младшую сестру, но в сказках «Аленький цветочек» и «Тальхун» сестры бессердечны и больше озабочены собой – между ними и младшей сестрой нет духовной связи.

Во всех сказках мы встречаемся с несколькими главными персонажами. Персонаж – это чувственная идея, а читатель – творческий соучастник этой идеи. Множество описаний воображаемых людей наряду с явными и скрытыми описаниями действий и реакций этого лица достаточно для того, чтобы большинство читателей представило в своём сознании человека [13, р. 81]. В сказках «Аленький цветочек» и «Ах» не так много характеристик, точного описания внешности девушек и окружающих нет. Но в сказке «Тальхун» Бехранги преуспел в обработке характеров Тальхун и ее сестер. «Дочь богатого купца известна как герой сказки ее по-

мощью другим. Тальхун – это символ человека, для которого любовь – самое святое, не сравнимое с деньгами и имуществом. Как жизнь в доме богатого отца не делает её счастливой, так и дальше она не желает быть женой сына старосты или женой богача. Она активна на протяжении всей сказки, ей не нужно делать что-то насильно и «Тальхун, обладая свободой действий, делает выбор и, куда бы она ни пошла, она решает проблемы других и хочет быть с мужчиной, который в ней заинтересован» [11, р. 192].

Другой персонаж – Ах в сказке «Ах» и «Тальхун». Ах – помощник, который появляется перед главным героем в разных ситуациях и помогает ему действием. «Он тот, кто, когда герой грустит и утомляется от жизненных невзгод и вздыхает, приходит к нему и помогает ему, меняя положение и унося его в другое место» [11, р. 192].

Третьим персонажем является возлюбленный, хотя в этих сказках описанию характера возлюбленного не уделяется много внимания и речь идёт лишь о его добром характере. Тем не менее ключевая и основная роль этого персонажа не должна игнорироваться, поскольку цель состоит в том, чтобы показать природу любви и то, что на пути любви героям придется пройти много испытаний, потому что только с любовью и усилием можно достичь желаемой цели.

Наконец, характер отца – сострадательного, доброго и любящего своих детей. Он пытается исполнить желание своих дочерей, как бы ни было оно странно, он не колеблется на этом пути, а когда не может это исполнить, глубоко печалится. Хотя в сказках кажется, что он не был добр к своей дочери, но его поступок делает дочь счастливой.

Имена персонажей в рассказе также очень важны. В сказках «Ах» и «Аленький цветочек» персонажи не имеют личных имен, как и во многих народных сказках, но в «Тальхун», сказке современной эпохи, персонажи названы. Автор выбирает имя для своего «ребёнка» (героя сказки) как родитель. Даже самые обычные имена могут таить в себе секреты и указывать на глубину и нежность, смешанные с трепетом и уважением. Например, как считает Меллон, в имени чувствительного персонажа потребуются сильные согласные, такие как к – т – дж – ф. Твёрдая и достойная личность при-

тягивает звуки мягкие и плавные, такие как б – н – м – л [9]. В сказке «Тальхун» имя главной героини состоит из этих букв: т – л – х – н, так что мы можем видеть оба типа личности в характере Тальхун.

Тальхун (نوخلت) можно приравнять к произношению Тархун (نوخرت). Кроме того, поскольку в турецком языке есть только одно изображение буквы (т), для неё также можно рассматривать написание (نوخړط). «Тархан или Тархун означает свободный, а также человек, освобождённый от несения службы и не подлежащий наказанию, что было распространено среди иранцев, табаранов, тюрков и монголов» [5, р. 6614].

Важным моментом в этой сказке является описание декораций и среды, в которой живут главные герои. В этих сказках нет бытовых подробностей, но общая канва интересна тем, что во всех трёх произведениях девушки живут в городе, и, хотя жизнь их обеспечена, любовь они не нашли. Когда сказочные героини «Аленького цветочка» и сказки «Тальхун» появляются в саду чудовища и влюбляются, дворец и сад становятся самыми красивыми местами в мире и напоминают людям о рае.

Обсуждение и выводы

Из-за близкого сходства упомянутых сказок невозможно подтвердить, какая сказка имеет более древнее происхождение. Все они посвящены теме любви. Тема любви объединила разные поколения разных народов, вызвала появление подобных сказок у разных народов и переплела их вместе, как звенья одной цепи. Как видим, русский и турецкий примеры этой сказки очень похожи и отличаются лишь некоторыми деталями. Идея всех трёх сказок – любовь, свободная от всякой грязи, уродства и материальной выгоды. Любовь, возникающая из сущности человека, не обращает внимания на внешность, ей важны только характер и сердце любимого. Великая любовь, которая заставляет влюблённого идти на любой риск, лишь бы остаться с возлюбленной в мире и спокойствии. Одни и те же моменты, исходящие из существования каждого человека, обуславливают одинаковое определение любви в разных частях мира для разных поколений и разных национальностей.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Аленький цветочек // С. Т. Аксаков. Собрание сочинений в 5 т. – М.: Правда 1966. – Т. 1. – С. 313–342 (Библиотека «Огонек»).
2. Краснова М. Н., Линь Ц. «Аленький цветочек»: от народной до литературной сказки: сб. трудов конференции // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения): материалы Всерос. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 17 декабря 2019 г.). – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 42–44.
3. Орищенко С. С. Сюжет «Аленького цветочка» в армянских народных сказках и современном кинематографе // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Самара, 2018. – С. 132–141.
4. Behrangi S. Samad Behrangi's stories. – Tehran: Karun Publishing House, 2002. – Vol. 2. – 288 p.
5. Dehkhoda A. A. Loghat-Nama. Encyclopedic Dictionary in 16 vols. – Tehran: Tehran University publication, 1998. – Vol. 5. – P. 6614.
6. Hedayat S. Folk culture of the Iranian people. – Tehran: Cheshme Publishing House, 1999. – 433 p.
7. Kenner T. A. Symbols: and their hidden meanings. – Tehran: Ketabe-Pargar Publishing House, 2016. – 159 p.
8. Luscher M. The lucher colour test. – Tehran: Yadavare Academy Publishing House, 1996. – 299 p.
9. Mellon N. Storytelling and the Art of Imagination Mohajeri Z. – Mashhad: The Academic Center for Education, Culture and Research, 1998. – 168 p.
10. Mehregan A. Dialectic of Concepts. – Isfahan: Farda Publishing House, 2006. – 164 p.
11. Rahmanian M. A study of heroic and anti-heroic characters in children's stories by Samad Behrangi, Nader Ebrahimi and Houshang Moradi Kermani. – Payame Noor University, Jahrom Branch, 2017.
12. Taslimi A. Passing through the World of Legends. – Rasht: Chubak Publishing House, 2002. – 176 p.
13. Toolan Michael J. Narrative: A Critical Linguistic Introduction. – Tehran: Farabi Film Foundation, 2004. – 244 p.

Marzieh Moradi

Fairy Tales "Talhun", "Ah" and "Scarlet Flower" (Comparative Analysis)

This article attempts to make a brief comparison of three fairy tales with a common plot according to the method of V. Ya. Propp. Russian fairy tale "The Scarlet Flower" (as presented by S. T. Aksakov), Turkish folk tale "Ah" and Persian fairy tale "Talhun" (as presented by S. Behrangi) are considered. The plot (beauty and the beast),

the role of a magical assistant, fairy-tale obstacles and the conditions for overcoming them are analyzed. It is concluded that despite the difference in cultures the development and ending of a fairy tale plot are similar, and only a kind and loving heart can resist the fairy tale evil.

Key words: folklore, the plot of the test of love, "Ah", "The Scarlet Flower", "Talhun", Samad Behrangī, S. T. Aksakov.

For citation: Moradi, M. (2023) Skazki «Tal'hun», «Ah» i «Alen'kij cvetochek» (sravnitel'nyj analiz) [Fairy Tales "Talhun", "Ah" and "Scarlet Flower"(Comparative Analysis)]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 76–87. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_76

References

1. Aksakov, S. T. (1966) *Alen'kij cvetochek* [Scarlet flower] S. T. Aksakov. *Sobranie sochinenij v 5 t.* [S. T. Aksakov. Collected works in 5 volumes]. Moscow: Pravda Publ. T. 1. Pp. 313–342 (Biblioteka «Ogonek»). (In Russian).
2. Krasnova, M. N., C. Lin' (2020) «Alen'kij cvetochek»: ot narodnoj do literaturnoj skazki: sb. trudov konf. [“The Scarlet Flower”: from folk to literary tales: Conference Proceedings] *Problemy vysshego obrazovaniya i sovremennye tendencii sociogumanitarnogo znaniya (VIII Arsent'evskie chteniya): materialy Vseros. konf. s medunar. uchastiem (CHEboksary, 17 dekabrya 2019 g.)*. [Problems of Higher Education and Modern Trends in Socio-Humanitarian Knowledge (VIII Arsentiev Readings): Materials of the All-Russian conf. with international participation (Cheboksary, December 17, 2019)]. CHEboksary: Sreda Publ. Pp. 42–44. (In Russian).
3. Orishchenko, S. S. (2018) *Syuzhet «Alen'kogo cvetochka» v armyanskih narodnyh skazkah i sovremennom kinematografe* [The plot of the "Scarlet Flower" in Armenian folk tales and modern cinematography] *Nasledie sem'i Aksakovykh i problemy cennostnogo vybora v sovremennoj kul'ture. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Heritage of the Aksakov family and problems of value choice in modern culture. Materials of the All-Russian scientific and practical conf.]. Samara. Pp. 132–141. (In Russian).
4. Behrangī, S. (2002) *Samad Behrangī's stories*. Tehran: Karun Publishing House. Vol. 2. (In Persian).
5. Dehkoda, A. A. (1998) *Loghat-Nama*. Encyclopedic Dictionary in 16 vols. Tehran: Tehran University publication. Vol. 5. P. 614. (In Persian).
6. Hedayat, S. (1999) *Folk culture of the Iranian people*. Tehran: Cheshme Publishing House. (In Persian).
7. Kenner, T. A. (2016) *Symbols: and their hidden meanings*. Tehran, Ketabe-Pargar Publishing House. (In Persian).
8. Luscher, M. (1996) *The lucher colour test*. Tehran: Yadavare Academy Publishing House. (In Persian).
9. Mellon, N. (1998) *Storytelling and the Art of Imagination* Mohajeri Z. Mashhad: The Academic Center for Education, Culture and Research. (In Persian).
10. Mehregan, A. (2006) *Dialectic of Concepts*. Isfahan: Farda Publishing House. (In Persian).

11. Rahmanian, M. (2017) *A study of heroic and anti-heroic characters in children's stories by Samad Behrangi, Nader Ebrahimi and Houshang Moradi Kermani*. Payame Noor University, Jahrom Branch. (In Persian).

12. Taslimi, A. (2002) *Passing through the World of Legends*. Rasht: Chubak Publishing House. (In Persian).

13. Toolan, Michael J. (2004) *Narrative: A Critical Linguistic Introduction*. Tehran: Farabi Film Foundation. (In Persian).

дата получения: 25.12.2022

дата принятия: 20.01.2023

дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 25 December 2022

date of acceptance: 20 January 2023

date of publication: 30 March 2023

Л ИНГВИСТИКА.
ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
КОММУНИКАЦИИ

О. С. Орлова

Языковые и культурные подсказки в загадках (на материале русских народных загадок о животных и птицах)

В статье затрагивается вопрос о языковой и культурной специфике народной загадки. Исследование проводится на материале загадок русской традиционной культуры о животных и птицах из сборников В. В. Митрофановой, М. А. Рыбниковой и Д. Н. Садовникова. Загадка исследуется как особый знак, при интерпретации которого необходимо считывать информацию двумя кодами – кодом языка и кодом культуры. На конкретных примерах показывается, как в семантику загадки вплетаются языковые и культурные подсказки.

Ключевые слова: загадка, язык, код культуры, подсказка.

Для цитирования: Орлова О. С. Языковые и культурные подсказки в загадках (на материале русских народных загадок о животных и птицах) // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 90–96. DOI 10.35231/25419803_2023_1_90

Под загадкой понимается «иносказание или намек, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [2, с. 505–506]; «короткий игровой текст, в котором даётся нарочито усложнённое описание одного предмета посредством описания другого на основе установления отдалённого сходства между ними» [6, с. 7]. Ср.: «Девушка смеётся, так что шуба трясётся (лошадь ржёт)» [7, с. 46]. Загадки представляют собой культурно-языковые феномены, в создание которых положен принцип непрямой номинации, состоящий в пред-

намеренно иносказательном обозначении объекта, сознательном употреблении такого именованя, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно, описывает его вуалированно (об этом см. подробнее в: [8]). Ср.: «Из-под кустика хватыш (волк)» [7, с. 236].

Традиционные загадки являются культурно-языковыми знаками с насыщенной коннотацией; отражают народное мировидение. Декодирование загадок обусловлено как опытом, умением обобщать эмпирические наблюдения, способностью к их быстрому генерированию, так и знанием культурного контекста, в котором «прочитывается» загадка, и способностью распознавать языковые подсказки, «спрятанные» в загадочном тексте. Загадки, будучи носителями культурно-значимой информации, «в процессе восприятия «считываются» одновременно двумя разными кодами – кодом языка и кодом культуры» [6, с. 5]. Рассмотрим на примерах, как в загадочных текстах воплощаются языковые и культурные подсказки.

Материалы и методы

Проанализируем загадку русского народа о кукушке «Дитёнок ещё не родился, а уж отдан на воспитание» [7, с. 44]. В основе загадки лежит метонимическое описание птицы, которая загадывается через своего птенца. Загадка интерпретируется в антропном, акциональном, семейном и социальном кодах культуры. В загадке «обыгрывается» один из наиболее известных фактов о поведении кукушек. Кукушки подбрасывают свои яйца в гнёзда других птиц, чтобы те выкармливали потомство и заботились о птенцах вместо матери. По стереотипным представлениям, мать заботится о своих детях и растит их. Птенец кукушки, ещё не вылупившийся из яйца, в загадке предстаёт в образе ещё не родившегося младенца. Образ усиливает противопоставление, лежащее в основе загадочного текста. Кукушонок уподобляется ребёнку, судьба которого решена ещё до его рождения, – его отдадут на воспитание чужим людям. В целом, загадка передаёт стереотипные представления о кукушке как о нерадивой матери, сложившиеся в русской традиционной культуре. Ср.: «Овсянке на радость кукушка яичко снесла

(*т. е. в гнездо овсянки*)» [4, с. 131]; «О том и кукушка кукует, что своего гнезда нет» [4, с. 316]; «Не диковина, что кукушка в чужое гнездо полезла, а вот то б диковина, кабы свое свила» [5, с. 74]. Слово кукушка в русском языке употребляется для непрямого именованья непутёвой матери. Ср.: одно из значений слова «кукушка» в толковом словаре В. И. Даля – «беззаботная мать, покидающая детей» [3, с. 819]. Птенец кукушки в загадочном тексте иносказательно обозначается как «дитёнок» для создания рифмы к слову «кукушонок», что также выступает языковой подсказкой. В рассмотренной загадке переплетаются культурные и языковые подсказки.

Результаты

Схожую ситуацию наблюдаем и в других примерах. Так, загадка «На шесте дворец, во дворце певец (скворец)» [7, с. 44] «прочитывается» в пространственном, архитектурном и антропном кодах культуры. В основе загадки лежит метафорическое уподобление птицы человеку, а её сооружённого людьми жилища – человеческому. В загадке отражены стереотипные представления о том, что скворцы – певчие птицы, которые живут в высоко висящих скворечниках. Ср.: «Даром – скворец гнездо вьет (да и ему скворешницу поставь)» [5, с. 42]. Употребление в загадочном тексте слов «дворец» и «певец», которые рифмуются с загаданным денотатом («скворец»), является языковой подсказкой. Языковая подсказка наблюдается и в употреблении в загадочном тексте имени существительного мужского рода для непрямого именованья загаданного объекта, прямая номинация которого имеет такую же грамматическую форму, что и её заместительная номинация.

Образ загадки «Жёлтая хозяйшка из лесу пришла, / Всех кур пересчитала и с собой унесла (лисица)» [7, с. 51] построен на метафорическом уподоблении лисицы человеку. Согласно сложившимся стереотипам, лисица ворует домашних кур. Будто хорошая хозяйка, лисица приходит, пересчитывает кур и забирает с собой. Ср.: «Лиса и во сне кур считает. Одна дума – и та нейдет с ума» [4, с. 205]; «Спит лиса, а во сне кур считает (щиплет)» [5, с. 209]. То, что «хозяйшка» приходит «из лесу» – место обитания диких животных, в том числе

лисиц – тоже является культурной подсказкой. Кроме того, культурной подсказкой выступает и отождествление лисицы с женским образом. В фольклорных текстах лиса традиционно наделяется женской символикой [11, с. 115]. Образ лисы-хозяйюшки также прослеживается в русских народных сказках. Ср.: в сказке «Лиса и журавль» лиса наварила манной каши и угощала журавля. Хозяйюшка в загадке «жёлтая». Ср.: «по цвету меха между лисицами различаются: сиводушки – желтовато-серого цвета, с грудью и брюшком почти белого цвета; огневки, крестовки, буренькие, чалые, бурые, чёрно-бурые и даже чёрные <...>» [1, с. 737–738]. В целом, загадка «прочитывается» в антропном, домоустроительном и цветовом кодах культуры. В русском языке «диал. *ли́сый* – «желтоватый», *залисѣть* – “приобрести желтоватый оттенок”», восходят к «лис», «лиса», «лисица»; «отсюда *лисичка* – название гриба»¹. Языковой подсказкой также выступает приписывание загаданному объекту на уровне грамматики женского рода. Ср.: лисица – имя существительное женского рода: «ЖѣлтАЯ хозяйюшкА из лесу пришлА, / Всех кур пересчиталА и с собой унеслА».

Чтобы показать, как одни и те же и схожие культурные и языковые подсказки находят своё выражение в различных загадочных текстах, рассмотрим несколько загадок русского народа о зайце. Ср.: «Зимой белый, летом серый» [7, с. 51]; «Бел перебел, сер пересер, деревом бьется» [7, с. 51]; «Маленький, беленький по лесочку прыг, прыг, по снежочку тык, тык» [7, с. 51]; «Зимой беленький, а летом серенький» [9, с. 248]. Образ загадок основан на описании внешней характеристики зайца и интерпретируется в природном, временном, цветовом, артефактивном и акциональном кодах культуры. Зимой заячий мех белого цвета, а летом – серого или серовато-бурого. Смена окраски помогает зайцу приспособливаться к окружающей среде, чтобы прятаться от хищников. Белый заяц зимой «сливается» со снегом, таким образом маскируясь, а серого зайца летом труднее заметить в траве, кустах, среди деревьев. Образ дерева в загадке «Бел перебел, сер пересер, деревом бьется» используется для метафорическо-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Электронный ресурс. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BB/%D0%BB%D0%B8%D1%81> (дата обращения: 01.12.2022).

го обозначения ружья, а употребление в прямом значении глагола «бьётся» выступает подсказкой, которая отсылает отгадчика к знаниям о том, что охота с давних времён являлась традиционным занятием деревенских жителей. В целом, загадки передают стереотипные представления о том, что зайцы – лесные зверьки небольшого размера, которые передвигаются прыжками, меняют окрас в зависимости от времени года и становятся добычей охотников. На уровне языка – употребление прямого именованного «маленький» и диминутивных форм «беленький» и «серенький» служит подсказкой, которая указывает на небольшой размер зайца по сравнению с другими лесными обитателями, такими как волки, лисы и медведи. Звукоподражания «прыг-прыг» и «тык-тык» в игровой форме указывают на типичную манеру поведения зайца, который передвигается прыжками. На уровне грамматики загаданный объект наделяется характеристиками имени существительного мужского рода.

Обсуждение и выводы

Как показывают проанализированные в данной статье примеры, народные загадки «прочитываются» в пространстве той культуры, в которой бытуют; образ народной загадки культурно обусловлен, восходит к распространённым в данной культуре стереотипным представлениям о загаданном объекте и интерпретируется в кодах культуры. В культурное основание народной загадки вкрапляются языковые подсказки, которые могут выражаться в загадочном тексте формально – например, на уровне грамматики или с помощью рифмы элементов загадочного текста с загаданным денотатом, и содержательно – на уровне семантики.

Список литературы

1. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1896. – Том XVIII (34). – 497 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Об-во любителей рос. словесности, 1863. – Том 1. – 627 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Об-во любителей рос. словесности, 1863. – Том 2. – 1351 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: Художественная литература, 1989. – Том 1. – 431 с.

5. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: Художественная литература, 1989. Том 2. – 447 с.
6. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. – М.: Ленанд, 2019. – 400 с.
7. Митрофанова В. В. Русские народные загадки. – Л.: Наука, 1978. – 181 с.
8. Орлова О. С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. – М.: Ленанд, 2022. – 240 с.
9. Рыбникова М. А. Загадки. – М.: Л.: Academia, 1932. – 472 с.
10. Садовников Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1876. – 333 с.
11. Этнолингвистический словарь в 5 т. Под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2004. – Т. 3. – 704 с.

Olga S. Orlova

Linguistic and Cultural Clues in Riddles (Based on Russian Folk Riddles about Animals and Birds)

The article deals with language and cultural features of folk riddles as applied to Russian traditional riddles about animals and birds from the collections of riddles compiled by V. V. Mitrofanova, M. A. Rybnikova and D. N. Sadovnikov. Riddles are described as unique signs which should be interpreted using two codes – language code and culture code. Specific examples are analyzed to demonstrate how riddle semantics involves language and cultural hints.

Key words: riddle, language, culture code, hint.

For citation: Orlova, O. S. (2023) YAzykovye i kul'turnye podskazki v zagadkah (na materiale russkikh narodnykh zagadok o zhivotnykh i pticah) [Linguistic and Cultural Clues in Riddles (Based on Russian Folk Riddles about Animals and Birds)]. *Art Logos – The Art of Word*. N° 1. Pp. 90–96. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_90

References

1. Brokgauz, F. A., Efron, I. A. (1896) *Enciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I. A. Efrona). Vol. XVIII (34). (In Russian).
2. Dal', V. I. (1863) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Ob-vo lyubitelej ros. slovesnost Publ. Vol 1. (In Russian).
3. Dal', V. I. (1863) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Ob-vo lyubitelej ros. slovesnosti Publ. Vol. 2. (In Russian).
4. Dal', V. I. (1989) *Poslovice russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. Vol. 1. (In Russian).

5. Dal', V. I. (1989) *Poslovice russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. Vol. 2. (In Russian).

6. Kovshova, M. L. (2019) *Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogoovorok* [Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings]. Moscow: Lenand Publ. (In Russian).

7. Mitrofanova, V. V. (1978) *Russkie narodnye zagadki* [Russian folk riddles]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

8. Orlova, O. S. (2022) *Evfemizmy i zagadki o rozhdenii i smerti v russkoj i angloyazyčnoj kul'turah: princip nepryamoj nominacii. Kognitivno-kul'turologicheskoe issledovanie* [Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English cultures: the principle of indirect nomination. Cognitive cultural research]. Moscow: Lenand Publ. (In Russian).

9. Rybnikova, M. A. (1932) *Zagadki* [Riddles]. Moscow: Leningrad: Academia Publ. (In Russian).

10. Sadovnikov, D. N. (1876) *Zagadki russkogo naroda. Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian people. Collection of riddles, questions, parables and tasks]. St. Petersburg: Tipografiya N. A. Lebedeva Publ. (In Russian).

11. Tolstoy, N. I. (2004) (ed.) *Etnolingvisticheskiy slovar'* v 5 t. [Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols.]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. Vol. 3. (In Russian).

дата получения: 21.11.2022
дата принятия: 15.12.2022
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 21 November 2022
date of acceptance: 15 December 2022
date of publication: 30 March 2023

О. Б. Абакумова

Семантика цвета в русских и английских фразеологизмах и пословицах с колоративами

В статье представлено универсальное и специфичное в семантике и восприятии цвета в русской и английской лингвокультурах. Рассматриваются характерные различия и сходства в данных явлениях. Анализ показывает наибольшую близость и совпадение данных культур в восприятии основных цветов, в то время как во вторичных наблюдаются более значимые расхождения, вызванные, в первую очередь, различиями культур в процессах их исторического развития.

Ключевые слова: фразеологизмы, пословицы, колоративы, языковая картина мира.

Для цитирования: Абакумова О. Б. Семантика цвета в русских и английских фразеологизмах и пословицах с колоративами // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 97–108. DOI 10.35231/25419803_2023_1_97

Лингвокультура имеет множество наблюдаемых проявлений в различных антропологических сферах, особенно в языке. В лингвокультурном словаре находятся закрепленные отдельной культурой в языковой системе особенные и коренные для нее явления и образы, на которых она формировалась и которые поддерживают особую идентичность. Такие культурные единицы закрепляются в языке и становятся основой его дальнейшего развития в совокупности с культурой.

Одним из таких элементов является пословица. Пословица выполняет важную функцию передачи общекультурного опыта между поколениями и отражает культурные ценности и убеждения. Мы определяем пословицу как самый сложный языковой знак со структурой предложения, обобщенным значением, текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, функционирующий как косвенный речевой акт чаще директивного типа [1, с. 56].

Восприятие цвета играет очень важную роль в процессе общего восприятия мира человеческим сознанием, так как категория цвета качественно расширяет общий объем полученной с помощью зрения информации, дополняя ее деталями, которые в дальнейшем служат опорой для осознания характеристик объектов и явлений. Это проявление наблюдается именно в лингвокультурном контексте, конкретно в колоративной лексике, которую человек употребляет в речи для сообщения качественной характеристики цвета другим людям. Эти цветовые характеристики в дальнейшем приобретают ассоциативные связи с наделенными ими объектами или феноменами, и цветовой компонент приобретает определенную семантическую нагрузку. Эта нагрузка определяется как общечеловеческим развитием, так и частным развитием и историей каждой отдельно оформившейся лингвокультуры.

Материалы и методы

При рассмотрении паремий русской и английской культуры становятся видны некоторые особенности употребления различных пословиц в языках, а также проявляются закономерности их использования. Происходит выявление как универсальных эквивалентов, так и специфических по семантике выражений. Все это позволяет сформировать общее впечатление о языковой картине мира каждой из лингвокультур. Языковой картиной мира, как правило, называют сложившуюся в сознании определенного общества, объединенного общим языком, совокупность представлений о мире и его устройстве, а также отличительных характеристиках его восприятия [3, с. 116]. Принято считать, что те или иные выражения языка, которые содержат опре-

деленные прямые или косвенные представления о мире, в совокупности формируют некоторую общность взглядов, которые непреднамеренно усваиваются всеми носителями данного языка. В нашем случае речь может идти и о пословицной картине мира как варианте языковой.

Стоит также отметить, что несмотря на достаточную репрезентацию в пословицах, многие из ассоциативных значений данных колоративов проявляются только в специфических фразеологических единицах, что говорит о необходимости рассматривать паремии в комплексе их разнообразия. Это позволяет получить максимально полную и непредвзятую информацию о конкретном интересующем исследователей аспекте языка и культуры, который в них содержится.

Результаты

Необходимо указать, что количество пословиц с компонентом определенного цвета прямо пропорционально его значимости. В обеих культурах заметно преобладание употребления крайних цветов ахроматического ряда – белого и черного, которые имеют такую же контрастную семантику и не допускают различной трактовки. В паремиологических единицах черный цвет, как правило, противопоставлен белому, и они отражают присущую людям двойственность восприятия мира. Пословицы, содержащие данный цвет, ассоциируют с данным цветом возведенные в абсолют негативные черты личности или характер явлений, причиной чему скорее всего служит цель наиболее доступно донести смысл высказывания [10, с. 2]. На протяжении всего развития русской культуры и языка в народе сложилась стойкая негативная символика, связанная с черным цветом: *Черную душу и мылом не отмоешь*; *Черного кобеля не отмоешь до бела*; *Свет бел, да люди черны*; *Береги денежку на черный день* (негативный квалитатив) и др. Это отражено не только в пословицах и поговорках, но и во многих других фразеологизмах, обладающих подобным цветовым содержанием. Если много лет назад тяжелые и голодные времена получили названия «*черных дней*», а о бессердечных людях говорили, что у них «*черная душа*», то в современном русском языке название «*черных*» получили методы заработка, свя-

занные с преступной деятельностью, – т.н. «черные схемы» как термин широко распространен в среде подпольной торговли личными данными, интернет-мошенничества [2, с. 4].

В английской лингвокультуре черный цвет несет в себе ярко выраженную негативную коннотацию. Это проявляется во многих аспектах его повседневного использования: *The devil is not so black as he is painted* (квалитатив обмана); *Every bean has its black* (квалитатив недостатков); *After black clouds, clear weather* (негативный квалитатив). Как и в остальных культурах, данное значение корнями уходит к первобытному страху темноты, прочно закрепившемуся в подсознании. Основными приписываемыми черному цвету качествами являются наличие изъянов, общая характеристика явления как плохого и нежелательного, собирательное значение зла, беды, страха и смерти. Примерами такого употребления служат такие фразеологизмы, как «*blackmail*», «*black death*», «*black eye*».

Белый цвет, наряду с черным, является одним из самых распространенных и часто упоминаемых в фразеологических единицах русского языка. Он является важной частью русской культуры, а также выступает одним из важнейших ее символов. Можно с уверенностью утверждать о том, что белый несет в себе сконцентрированное значение добра, связан с образом света, жизни и чистоты [6, с. 2]: *Бел снег, да ногами топчут* (квалитатив несправедливости); *Бела береза, да деготь черен* (квалитатив наличия недостатков). Белый воспринимается в русской культуре как прямая противоположность черному цвету, но его употребление не ограничивается только лишь этим качеством. Белый цвет часто относят к первичному явлению. Так, белое свадебное платье воспринимается как символ начала семейной жизни. Его значение во многом проявляется в религиозной парадигме, где он также используется в качестве олицетворения праведности. В религии он служит также и предвестником конца жизненного пути, где он выражен цветом погребальной одежды [8, с. 2]. Например: *Белое венчальное, черное – печальное* (квалитатив предназначения); *Рука руку моет, и обе белы бывают* (квалитатив дружеской взаимопомощи).

После крайних цветов ахроматического ряда следуют хроматические красный, зеленый, желтый (золотой), синий

(голубой), имеющие характерную нагрузку, но уже менее категоричную. Эти цвета имеют расхождения в культурном восприятии. Красный цвет прочно вошел в символику русской культуры, получив при этом почти только одни положительные ассоциации. В первую очередь, он воспринимался как «красивый» в общем собирательном значении, затрагивая не только внешнюю сторону определяемого им объекта, но и содержательную. Первично красный служил символом красоты, здоровья, богатства и ценности: *Красна изба не углами, а пирогами* (квалитатив ценности содержания); *Красную речь красно и слушать* (эстетический квалитатив). С ним также ассоциируются гнев и ярость, насилие, страсть, ад и дьявол: *Красна ягодка, да на вкус горька* (квалитатив негативного содержания); *Красны похороны плачем* (ритуальный квалитатив). Но несмотря на это у всех его значений есть общее качество – они указывают на особое свойство предмета или явления, которое выгодно его отличает и подчеркивают эту значимость [11, с. 2].

Одним из основных значений красного в английской лингвокультуре является опасность, угроза. Одной из возможных причин этого мог быть красный цвет крови, вид которой сигнализировал человеку о боли и угрозе для жизни в случае кровопотери. Это проявляется в таких фразеологизмах, как «*red alert*», «*red flag*», «*code red*», «*caught red-handed*» (“сигнал повышенной опасности”), «*see red*» (“быть в гневе или ярости”). Также стоит упомянуть сформировавшееся за годы холодной войны предубеждение к красному – цвету официальной символики СССР, что был основным классовым противником и оппонентом англоязычного мира, это хорошо демонстрируют лозунги «*better dead than red*» и «*better red than dead*» среди политических движений США правого и левого толка соответственно [11, с. 3]. Красный несет в себе и ассоциации с праздником или торжественностью: «*red carpet treatment*», «*paint the town red*», «*a red-letter day*». Исторически обусловлено и значение красного в документации и описании бюрократии «*to be in the red*» (об убытках), «*red tape*» (волокита) [5, с. 2]. Интересно выражение «*to take the red pill*» – позаимствованный концепт, основанный на фильме «Матрица» (1999). Выраже-

ние подразумевает познание истины, скрытой за слоем лжи, в которую все верят.

Желтый цвет как в русской, так и в английской культуре не столь распространен в своей изначальной форме. Такое его употребление, как правило, ограничивается качественной характеристикой объектов, которые имеют желтую окраску. Немногочисленные исключения из этого включают такие фразеологизмы, как «желтый дом», «желтый билет», «желтое лицо», несущие в себе негативную коннотацию, подразумевая нездоровое состояние или порицаемое поведение, в английском есть случаи употребления и в негативном ключе: так, «yellow press» описывает низкопробную публицистику, а «yellow streak» и «yellow belly» говорят о трусости. Этот цвет выступает в русской культуре как эталон, с которым сравниваются различного рода явления – «золотые слова», «золотой век», «золотая середина», а также может служить способом выражения сильных чувств, привязанности и любви – «золотой/ая мой/я» (любимый/ая)» [11, с. 1]. В пословицах же желтый в изначальной форме почти не встречается, но его значение включено в концепте «золотой». Он уже гораздо более распространен и имеет относительно устойчивую положительную окраску. Золотой символизирует ценность, богатство и высокую качественную характеристику. Такое употребление видно в «old is gold», «golden age», «silence is golden». Все они олицетворяют народное понимание о высшей ценности описываемых явлений, подчеркивают их значимость. Но часто наблюдается и использование слова «золото» в прямом его значении, где чаще всего его материальная стоимость приуменьшается в сравнении с общечеловеческими ценностями, которые выходят на первый план и описываются как бесценные, а пренебрежение ими осуждается. В паремиологических единицах же этот цвет чаще всего опосредованно представлен концептом «золото», и в этих случаях несет в себе позитивное значение ценности, богатства и превосходства: *All that glitters is not gold* (ср. *Не все золото, что блестит*) (квалитатив ценности).

Основным качеством, которое характеризует зеленый цвет, является молодость. При этом часто это качество пред-

ставлено в негативном смысле отсутствия опыта и незрелости – «зелен как трава», «молодо-зелено». Для оценки человека зеленый используется как описание некоторых отрицательных эмоций или нездорового самочувствия – «позеленеть от злости», «в глазах позеленело», «зеленая тоска» [7, с. 4]. В пословицах в основном передается идея молодости, незрелости: *Зелен виноград не вкусен, млад человек не искусен* (квалитатив молодости, незрелости).

В английском языке, наряду с указанием на молодость и незрелость, на негативные эмоции, есть и варианты употребления цвета для описания валюты – «green paper», «green stamps», а также разрешения на действие «to give a green light». Еще одно характерное значение цвета – удача и успех. Выражается в пословицах «*Grass is always greener on the other side of the fence*, «*Hills far away are greener...*». Пожеланием удачи в делах может быть выражение «*Have a rub of the green*» (квалитатив удачи).

Синий цвет и его оттенки чаще всего используются в русской культуре в качестве качественной описательной характеристики объектов, имеющих в себе свойство глубины, простора, безграничности. Это восприятие связано с естественным окружением, имеющим такие окраски; водные просторы, небо над головой всегда казались человеку таинственными и непознанными – «синева» (небо, море) [5, с. 2]: *Пуст карман, да синь кафтан, Альый малый – синь кафтан* (квалитатив ценности). В восприятии синего заключены менее предметные качества, а скорее более философские концепты о мироздании, жизни и первобытной силы – «синим пламенем» (*Гори оно синим пламенем*). В то же время он нейтрален, лишен сильных эмоций и наделен умиротворяющей способностью.

Символика синего цвета в англоязычной культуре достаточно широка. В первую очередь, он, конечно, соотносится с водой, морем – причиной тому служит исторический путь развития Англии и ее колоний как морской державы. Это может продемонстрировать колоратив «*navy blue*» – он как раз говорит о такой ассоциативной связи. Но этим использование синего совсем не ограничивается. Может он относиться и к небу – «*like a bolt from the blue*».

Одним из основных его значений является чувство грусти, печали и депрессии. Множество единиц показывают его в таком виде: «to be in the blue», «feel blue» (это же и послужило источником названия направления джазовой музыки «blues»). Несет синий и значение чего-то страшного или непознанного, например, «blue ruin» (гибель), а «blue funk» (чувство отрешенности и деперсонализации, иногда возникающее в случаях смертельной опасности). Использование синего цвета в пословицах не так широко, скорее из-за его вторичности после триады белый – черный – красный, но все еще существует. Он может выполнять как качественную характеристику, как в «...better blue», «blue are the hills...», так и употребляться в прямом значении, без придачи характеристик.

Различия в значениях и восприятии хорошо демонстрируют национально-специфичные феномены каждой из культур, символические элементы которых формировались на протяжении их уникального исторического пути. Каждый из этих феноменов ярко выражен и представлен и в языке, и в культуре этих обществ, в символической и предметной формах, что говорит о тесной взаимосвязи и влиянии языка и культуры друг на друга.

В качестве примеров выявленной национальной специфики колоративов в семантике русских и английских фразеологизмов с компонентом «цвет» приведем результаты анализа голубого и коричневого цветов в семантике пословиц¹.

Голубой цвет является одним из достаточно редко встречаемых в русской лингвокультуре, что, возможно, обусловлено его вторичностью. По этой причине в языке он, как правило, употребляется в качестве менее эффективной замены синему. В паремическом дискурсе он олицетворяет редкость и ценность, но она чуть менее выражена: «*Не под стать синему кафтану голубой подбой*», «*Поповы дочери, что голубые лошади: редкая удаётся*» (квалитатив редкости, недостатка признака). Интересно, что голубой не имеет дословного эквивалента в английском языке, и это придает ему определенное значение в парадигме русской лингвокультуры.

¹ На эту тему в Орловском государственном университете им. И. С. Тургенева была защищена выпускная квалификационная работа: Ахмад Р. Ш. Лингвокультурологические аспекты семантики русских и английских пословиц с колоративами. Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики. – Орел: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2022. – 65 с.

Коричневый почти отсутствует в обеих культурах как многозначный элемент фразеологизмов, но в английском есть чуть больше единиц с таким значением. В английском он зауряден, как правило, описывает цвет земли или грязи. В русской культуре земля больше привязана к черному, а заурядность и обыденность связаны с серым. Возможно поэтому он ассоциируется с негативными явлениями: увяданием природы, низким качеством: «*Better eat brown bread in youth than in eild*» (квалитатив обыкновенности, заурядности), «*Green leaves and brown leaves fall from the same tree*» (квалитатив увядания, недостатка признака). Редкие случаи его использования в переносном значении включают фразеологизмы «*do brown*» ('нечестно выполнять работу, хитрить'), «*up brown*» ('выполнять до мельчайших деталей').

Серый цвет не обладает выраженной качественной семантической характеристикой. Являясь представителем цветов ахроматического ряда, производной белого и черного, он теряет причисляемые им качества, но при этом и не способен получить новых, и теряется на фоне других. Например: *Мыло серо, да моет бело* (квалитатив заурядности).

В отличие от белого и черного цветов, репрезентация характеристик с помощью серого цвета встречается в русском языке реже, а связанные с ним качества не столь категоричны. Пример: *Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел* (квалитатив недостатка признака).

В большинстве случаев *серый* выражает пренебрежение, усталость, безразличие и заурядность. Так, часто он употребляется в качестве обезличивающего инструмента.

В английской лингвокультуре серый цвет более распространен и неоднозначен. Он не имеет яркой негативной или позитивной окраски, а скорее нейтрален. Он выступает медиатором черного и белого, сглаживая крайности. Примеры: *Grey doesn't show the dust* (букв. *На сером не видно пыли*) (квалитатив скрытности, неприметности).

Серый цвет в английской лингвокультуре может иметь позитивную коннотацию, что связано, вероятно, со страстью англичан к скрытности и общей сдержанности и определяется плохо переводимым на русский язык словом *reserve*. Серый ассоциируется также со старостью и опытом: *The fox*

may grow grey, but never good (букв. Лиса может поседеть, но не подобреть) (квалитатив возраста); *Grey hairs are nourished with green thoughts* (букв. Серые (седые) волосы питаются зелеными (молодыми) идеями/мыслями) (квалитатив опыта). Еще одна версия включает его близость к серебряному: «*Every cloud has a silver lining*» (квалитатив удачи).

Обсуждение и выводы

Обобщая вышесказанное, можно сделать выводы о том, что специфические особенности ассоциативного мышления и восприятия мира человека формировались в течение тысячелетий. Это наследие во многом превалирует над конкретными современными культурными различиями, а также напоминает о нашем общем историческом и видовом происхождении, способствуя сближению и лучшему взаимопониманию людей по всему миру.

Список литературы

1. Абакумова О. Б. Пословицы и их окказиональные трансформы в семантической микро- и макроструктуре художественного текста // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики. Монография памяти профессора Ф. А. Литвина. – Орел: ОГУ имени И. С. Тургенева. – 2022. – С. 55–60.
2. Аксенов В. А., Молчанова Т. В. Особенности личности современного интернет-мошенника в механизме индивидуального преступного поведения // Криминологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 79–86.
3. Вайсгербер Й. Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 114–124.
4. Власова Е. А. Символика красного цвета (на материале английского языка) // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2 (81). – С. 443–445.
5. Ермаковская Т. А. Семантическая репрезентация лексем микрополя синего цвета в прозе Б. К. Зайцева // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 1 (26). – С. 45–48.
6. Злыднева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века // Признаковое пространство культуры. Отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2002. – С. 424–431.
7. Куличенко Ю. Н., Королевская Е. М. Символика зеленого цвета во фразеологической картине мира: сопоставительный аспект (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Том 13. – Вып. 8. – С. 262–265.
8. Матназаров Т. У., Кизякова Д., Хоречко У. В. Белый цвет в культуре России и Китая // Молодой ученый. – 2015. – № 11 (91). – С. 1822–1825.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 416 с.
10. Перфилова М. Н. Колоративы как способ передачи народного опыта в пословицах и поговорках // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 89–92.
11. Сердюк М. А. Своеобразие семантики лексики «золотой» в фольклорном тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 4 (025). – С. 117–125.

12. Степанова А. А., Балуян С. Р. Идиоматические выражения с компонентом «красный цвет» русского и английского языков и их отражение в языковой картине мира // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 1-3. – С. 174–177.

13. Speake J. The Oxford dictionary of idioms. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2000. – 420 p.

Olga B. Abakumova

Semantics of Colour in Russian and English Phraseological Units and Proverbs

The article presents the universal and the specific in semantics and color perception of Russian and English linguistic cultures. Characteristic differences and similarities in these phenomena are considered. The analysis shows the greatest similarity and coincidence of these cultures in the perception of primary colors, while in secondary colors there are more significant discrepancies caused, first of all, by differences in cultures in the processes of their historical development.

Key words: phraseological units, proverbs, color, language picture of the world.

For citation: Abakumova, O. B. (2023) *Yazykovye i kul'turnye podskazki v zagadkah (na materiale russkikh narodnykh zagadok o zhivotnykh i pticah)* [Semantics of Color in Russian and English Phraseological Units and Proverbs]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 97–108. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_97

References

1. Abakumova, O. B. (2022) *Posloviцы i ih okkazyonal'nye transformy v semanticheskoy mikro- i makrostrukture hudozhestvennogo teksta* [Proverbs and their occasional transformations in the semantic micro- and macrostructure of a literary text] *Aktual'nye voprosy filologii i lingvodidaktiki. Monografiya pamyati professora F. A. Litvina* [Topical issues of philology and linguodidactics. Monograph in memory of Professor F. A. Litvin]. Orel: OGU imeni I. S. Turgeneva Publ. Pp. 55–60. (In Russian).

2. Aksenov, V. A., Molchanova, T. V. (2020) *Osobennosti lichnosti sovremennogo internet-moshennika v mekhanizme individual'nogo prestupnogo povedeniya* [Personality Features of a Modern Internet Fraudster in the Mechanism of Individual Criminal Behavior] *Kriminologicheskij zhurnal – Criminological journal*. № 4. Pp. 79–86. (In Russian).

3. Vajsgerber, J. L. (1993) *Yazyk i filosofiya* [Language and Philosophy] *Voprosy yazykovedeniya – Issues of Linguistics*. № 2. Pp. 114–124. (In Russian).

4. Vlasova, E. A. (2020) *Simvolika krasnogo cveta (na materiale anglijskogo yazyka)* [Symbolism of red color (on the material of the English language)] *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education*. № 2 (81). Pp. 443–445. (In Russian).

5. Ermakovskaya, T. A. (2011) *Semanticheskaya reprezentatsiya leksem mikropolya sinego cveta v proze B. K. Zajceva* [Semantic representation of blue microfield lexemes in the prose of B. K. Zaitsev] *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education*. № 1 (26). Pp. 45–48. (In Russian).

6. Zlydneva, N. V. (2002) *Belyj cvet v russkoj kul'ture XX veka* [White color in Russian culture of the XX century] *Priznakovoe prostranstvo kul'tury*. Otv. red. S. M. Tolstaya [Attribute space of culture. Rep. ed. S. M. Tolstaya]. Moscow: Indrik Publ. Pp. 424–431. (In Russian).

7. Kulichenko, YU. N., Korolevskaya, E. M. (2020) *Simvolika zelenogo cveta vo frazeologicheskoj kartine mira: сопоставительный аспект (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков)* [The symbolism of the green color in the phraseological picture of the world: a comparative aspect (on the material of Russian, English, German and Italian languages)] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Filologicheskie nauki. Questions of theory and practice*. Tambov: Gramota Publ. V. 13. Vyp. 8. Pp. 262–265. (In Russian).

8. Matnazarov, T. U., Kizyakova, D., Horechko, U. V. (2015) *Belyj cvet v kul'ture Rossii i Kitaya* [White color in the culture of Russia and China] *Molodoj uchenyj – Young scientist*. № 11 (91). Pp. 1822–1825. (In Russian).

9. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2011) *Narodnaya mudrost'* [folk wisdom]. Moscow: OLMA Media Grupp Publ. (In Russian).

10. Perfilova, M. N. (2014) *Kolorativy kak sposob peredachi narodnogo opyta v posloviceh i pogovorkah* [Coloring as a way of transferring folk experience in proverbs and sayings] *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Novgorod State University*. № 77. Pp. 89–92. (In Russian).

11. Serdyuk, M. A. (2010) *Svoeobrazie semantiki leksemy «zolotoj» v fol'klornom tekste* [The peculiarity of the semantics of the lexeme "golden" in the folklore text] *Voprosy kognitivnoj lingvistiki – Questions of cognitive linguistics*. № 4 (025). Pp. 117–125. (In Russian).

12. Stepanova, A. A., Baluyan, S. R. (2017) *Idiomaticheskie vyrazheniya s komponentom «krasnyj cvet» russkogo i anglijskogo jazykov i ih otrazhenie v jazykovoj kartine mira* [Idiomatic expressions with the "red color" component of the Russian and English languages and their reflection in the language picture of the world] *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk – Actual problems of the humanities and natural sciences*. № 1–3. Pp. 174–177. (In Russian).

13. Speake, J. (2000) *The Oxford dictionary of idioms*. Oxford; New York: Oxford University Press.

дата получения: 16.12.2022
дата принятия: 10.01.2023
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 16 December 2022
date of acceptance: 10 January 2023
date of publication: 30 March 2023

Л. Б. Кацюба

Актуализация духовно-нравственного потенциала религиозного аспекта веры в русских паремиях

Статья посвящена исследованию духовно-нравственного потенциала религиозного аспекта веры на материале русских паремий. Проведен дефиниционный анализ лексемы вера, выявлены вербализованные концепты «Вера», «Бог». В ходе наблюдения за развитием концепта «Вера» описаны разные константные составляющие: душа, молитва, судьба, грех, надежда, любовь, смерть и др. и их функционирование в русских паремиях. Отмечено, что пересечение концептуальных парадигм внутри концепта «Вера» делает его объемнее и многослойнее, обогащая широким спектром духовной проблематики.

Ключевые слова: концепт «Вера», русские паремии, религиозный аспект веры, духовно-нравственный потенциал веры, лингвокультурология.

Для цитирования: Кацюба Л. Б. Актуализация духовно-нравственного потенциала религиозного аспекта веры в русских паремиях // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 109–125. DOI 10.35231/25419803_2023_1_109

Вера как особая культурно-историческая и нравственно-философская категория является значимой составляющей менталитета русского народа. Вера в Бога включает в себя не только и не столько строгую узко религиозную парадигму существования человека в этом мире, но и повседневное напоминание о нравственных основах жизни, стремлении к высоким проявлениям человеческой души, о воспитании в себе лучших качеств, о добром отношении к ближнему и служении ему. Это напоминание звучит «как нравственный мотив» звуком иного порядка, как «звон

колокола, раздавшийся среди рыночной суматохи» [10, с. 323], и человек, оставляя свою «хозяйственную мелочность», изнутри озаряется тёплым светом религиозного чувства. Глубокое осознание веры с этой точки зрения направлено на «перенесение догматического её содержания в разряд духовно-нравственных и культурно-созидательных реалий» [13, с. 3].

Исследуя семантическое наполнение лексемы *вера* в рамках наблюдения за реализацией идеи веры в Бога в русских паремиях, первоначально мы попытались «реконструировать ту сущность, которая в узусе стоит за словом *вера*» [7, с. 34].

Согласно лексикографическому описанию, *вера* представлена в двух основных значениях: нерелигиозном – в современных источниках оно выделено под номером один как «твёрдая убеждённость, уверенность в чём-либо, в исполнении чего-либо» [1, с. 577] – и религиозном, напрямую связанном с вероисповеданием. В религиозном смысле *вера* выражает «состояние сознания, связанное с убеждёностью в существовании Бога, высших божественных сил» [1, с. 577]. Значения и смыслы, вербализованные лексемой *вера*, объёмно представлены в словаре В. И. Даля. В самом начале статьи «Вера» за словом закреплено «двуплановое» значение: «уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чём-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных» [6, с. 331]. На наш взгляд, такая репрезентация веры, включающая более широкий, нежели в современных источниках, план содержания, позволяет составить представление о современной Далю воспроизводимости данной лексической единицы и её употреблении в речи как некой универсалии культуры с гносеологическими, аксиологическими и религиозными подтекстами. Фактически веру в таком употреблении можно отнести к общечеловеческим ценностям особого, высшего порядка, феномен которой центрирует вокруг себя философскую проблематику в гносеологическом и общеантропологическом планах (подробнее о философском аспекте веры см.: [12, с. 112]).

Материалы и методы

Следующие значения, представленные в словаре Даля, отражают религиозный аспект веры, на который мы будем

опираться в нашем исследовании: «верование, отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога; безусловное признание истин, открытых Богом; II совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство» [6, с. 331]. Добавим, что последующие значения лексемы *вера*, согласно словарю В. И. Даля, возвращаются к нерелигиозной семантике слова *вера* и коррелируются с первым значением в современных лексикографических источниках [19, с. 149; 15, с. 577]. Думается, что сравнение семантических особенностей веры как единицы языка, отраженных в словарях разных лет и эпох, уже в первом приближении может дать представление о динамических свойствах узуса лексемы *вера* в подтверждение тезиса о релевантности для узуса социально-временного фактора.

Дефиниционный анализ лексемы *вера* в религиозном аспекте позволил выделить частотные лексемы *вера* и *Бог*, выражающие «идеи русской культуры («концепты»», по Ю. С. Степанову [19, с. 4], одновременно являющиеся вербальными репрезентантами концептов русской культуры – *Вера* и *Бог*. В структуре далевской статьи [6, с. 331–333] ядерно-периферийные семы *веры* раскрываются на основе семантических (преимущественно синонимических и антонимических) отношений: *твёрдое понятие, верование / отсутствие сомнений* и деривационных процессов, которые не только полно иллюстрируют словообразовательные потенции лексемы *вера*: *вера* – *уверенность* – *веровать* – *верить* / *поверить* – *верую* – *верный* – *верующий* – *вероотступник (-ница)* – *вероподобие* – *веропророк (-ница)* – *веротерпимость* и др., но и открывают дополнительные возможности для концептуального анализа «Веры» – словообразовательный ряд в данном случае может использоваться в реконструкции и анализе семиотического ряда (по Ю. С. Степанову).

Кроме того, отметим, что сема духовности, закрепленная вербально: «убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, <...> духовных», «совокупность учения, принятого народом, <...> закон (Божий, <...> духовный), <...> духовное братство», неизменно

присутствует в идеографическом описании веры. Через призму пересечения и сплетения сем слова *вера* по пути от значения к смыслу мы предприняли попытку исследовать духовно-нравственный потенциал «подлинно духовного концепта «Веры» [19, с. 405] на материале русских паремий.

Результаты

Важные вехи становления русской жизни на пути обретения веры отразились и закрепились в устной фольклорной традиции, в частности, в паремиях, которые мы, вслед за М. Л. Ковшовой, рассматриваем в лингвокультурологическом ключе как языковые средства, «овнешняющие внутренние элементы сознания, в том числе его аксиологическую часть, где осуществляется формирование и хранение ценностного, духовного и идейно-нравственного содержания, значимого для развития мировоззрения» [11, с. 79].

Реализованный в паремиях концепт «Вера» в аспекте актуализации духовно-нравственного начала рассмотрен как духовная константа, апеллирующая к доверию к Богу, надежде на него и любви к нему, постулирующая отсутствие всякого сомнения (или колебания) в существовании и бытии Бога.

Осознание того, что Бог – высшая сила, активно участвующая в жизни обычного человека, имеет глубокие корни, которые закреплены этимологически. Старославянскому *богъ* и его эквивалентам из языков славянской группы (украинскому, болгарскому, сербскому, хорватскому, словенскому, польскому и др.) родственны древнеиндийские, древнеперсидские, авестийские, греческие номинации Бога со значениями «одаряющий», «господин», «наделяет, делит», «наделяющий», «достояние, счастье» и др. [24, с. 181–182].

Семантическую целостность центральное понятие православной веры Бог проявило в выражении синонимических отношений. Будучи лексемой-доминантой, оно демонстрирует высокие синонимические возможности – *Творец*, *Создатель*, *Верховное существо*, *Царь небесный*, *Вседержитель*, *Предвечный* и др. (всего около 18 единиц), при этом важно отметить исключительную степень однородности в выражении адекватности значения всех синонимов в этом понятийном, идеографическом, ряду (за исключением одной

единицы «'боженька' с пометой 'ласковое' или 'ироничное'» [1, с. 45; 8, с. 103]). (Об особенностях номинации Бога в паремиях и языковой репрезентации концепта «Бог» см.: [9, с. 52–53; 15, с. 333]).

Доверительное отношение к Богу в паремиях обусловлено восприятием его как всесильного, милосердного и справедливого существа, близкого человеку, способного обогатить, защитить, помочь, спасти, вступить за обиженного и наказать обидчика за провинность и т.п.: *У Бога милости много; Милостив бог, а я, по его милости, не убог; У Бога всего много; Бог полюбит, так не погубит; У Бога все возможно; Бог не дремлет – все слышит; Дай Бог нашему Богу жить – все живы будем; С Богом не поспоришь; Обидчика Бог судит* (здесь и далее паремии представлены с соблюдением орфографии и пунктуации текстов, публикуемых в сборниках пословиц под редакцией В. И. Даля, В. П. Аникина, Ю. Г. Круглова, А. Н. Мартыновой). Доверительность в отношениях с Богом может быть обусловлена и противоположным чувством – разочарованием в людях: *Ни отец до детей, как Бог до людей; Всяк про себя, а Господь про всех; Кабы не бог, кто бы нам помог?; Бог не как свой брат, скорее поможет; Бог кормилец, не как мужик возгривец; У бога выслужишь, у людей никогда.*

Видение Бога, наделённого «земными» качествами людей, приближает человека к Богу, располагает доверять, верить ему и надеяться на его реальную помощь. С таким близким человеку Богом можно «договориться», о чём в раскрытии концепта «Веры» упоминал вслед за Э. Бенвенистом Ю. С. Степанов: «внушение доверия» есть причина (каузация) действия «доверяться» и возникающего из него состояния «доверия», «ожидания исполнения обещанного», «надежды» [19, с. 403]. Такая жизненная ситуация оказывается ситуацией «договора, соглашения», конечно, «между неравными сторонами <...>, одна из которых может требовать повинования от другой, но взамен обязуется исполнить обещаемое. Именно эти отношения лежат в основе обращения человека к богу и надежды, упования на него» [19, с. 403–404].

Важные для понятия веры соединенные в нём этимологические отголоски сем глаголов *ждать*, *надеяться* и *принуждать* (*требовать повинования*), в паремиях нашли не только

лексическое, но и грамматическое выражение. Глагольные лексемы в сочетании с субъектом Бог в большинстве употреблений имеют форму будущего простого времени, особенно продуктивен в этой форме глагол *дать*: *Бог даст и в окошко подаст*; *Бог даст роток, так даст и кусок*; *Бог отымет, бог и даст*; *Бог даст совет, так и в пост мясоед*; *Бог не даст – нигде не возьмёшь*; *Бог и рога прикуёт, так будешь носить*; *Бог накажет – никто не укажет*. Семы принуждения и надежды выражены в форме повелительного наклонения в глаголах, обращённых к верующему: *проси, кайся, не унывай, уповай, молись, берегись, надейся, плачься, постись* и др. В данных фактах вера русского человека в Бога обусловлена испытываемым чувством полного доверия и подчинения, повиновения божьей воле в ожидании исполнения желаний и чаяний, в надежде на лучшее будущее: *С верой нигде не пропадешь*; *Вера спасает*; *Вера животворит*; *Вера и гору с места сдвинет*.

Вера как твёрдое осознание духовных истин нашла приложение к практической повседневной жизни русского человека. Через обращение к божественным силам с просьбой, реже (в паремиях) – с благодарностью, выраженной в неотделимой от веры молитве, проявляется доверие к Богу, упование на него и его скорую помощь: *Что бы ни пришло – всё молись!*; *Дело не спорится – углам помолиться*; *Без молитвы не будет ловитвы*. Существующее в православном профессиональном дискурсе выражение «молитвенное делание» и описание в специальной литературе важности этого действия для людей, сопричастных духовному богатству православной веры, подчёркивает активность позиции веры при вхождении её в жизнь человека и улучшении его жизни.

Молитва как воплощение «непосредственного и личного предстояния перед Богом каждого верующего» [16, с. 323] включена в значения концепта «Веры», дополняя его отдельными подробно прописанными чертами в паремиях (сущность молитвы: *Молитва – полпути к богу (к спасению)*; *Одно спасенье – пост да молитва*; адресат молитвы: *Одно знай: господи, помилуй и отыми и подай!*; *Проси Никулу, а он спасу скажет*; *Никола на море спасает, Никола мужику воз подымет*; *Молись иконе да будь в покое!*; свойства и назначение молитвы: *Коротка молитва «Отче наш»*

да спасает; Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы; место и время воспроизведения «молитвенного делания»: Молитва места не ищет; Утром Бог, и вечером Бог, а в полдень, да в полночь никто же, кроме него; Без бога ни до порога; С бога начинай и господом кончай!; образ этого действия: Как ни молись, бог всё услышит; Молись втайне, воздастся въяве!; Одно трости: господи прости; Всяк по-своему бога хвалит; Дай Бог – хорошо, а слава Богу! – лучше).

Зафиксированные в поговорках правила молитвенного обращения к Богу (к Пресвятой Богородице и святым угодникам) напоминают о необходимости искренних, истовых, откровенных постоянно совершаемых молитвословий, которые способствуют непрерывному «живому общению» души человека с Богом.

Определение души в общеупотребительном значении представлено в толковых словарях в психологическом аспекте, упоминающем о свойствах личности: «внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.д.» [17 с. 533; 19, с. 456]. В философии в религиозном контексте душа трактуется как нематериальная субстанция, «данная Богом бессмертная, духовная, бестелесная и независимая от тела сущность (природа) человека, его «двойник», активное начало, которое, находясь в теле, определяет индивидуальные способности и личность человека, оживляет («одушевляет») его» [12, с. 228]: Не глаза видят, а человек; не ухо слышит, а душа; Душа душу знает; Душа с душой беседует.

В религиозном понимании душа представляет собой «бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею» [6, с. 504]. Приведённые в далевском словаре в общем значении характеристики души «человек с духом и телом», а также «душевные качества, совесть», по нашему мнению, коррелируют в большей степени с религиозно-философским, духовным, нравственным пониманием предмета обсуждения, нежели со светским. Проводя в этой плоскости параллели с Богом, который есть тоже существо, но Верховное, отметим, что наличие души в человеке – это самое главное в нём, то, что определяет его создание и самую жизнь «по образу и подобию Божию»: Душа с Богом беседует. За-

ключённая в тело от рождения до смерти в земной жизни душа – это и есть сама жизнь человека, но духовная: Душа всего дороже; Жив Бог – жива душа моя; Душа заветное дело.

В душе, её состоянии – покое и радости (или, напротив, беспокойстве, тревоге), содержании её в чистоте заключён смысл жизни верующего человека. Многочисленные фразеологические единицы разных семантико-грамматических классов с лексемой душа, отражённые в словарях [8; 22, с. 997], описывают состояния и проявления этой сущности: в нём много души, сильная/слабая душа, заблудшая душа, жить душа в душу, рад душой, от (всей) души, душа на месте/не на месте, легко/тяжело на душе, это на твоей душе (совести) (в знач. ‘ты виноват’), душа не лежит, душа не принимает (упрёки совести), душа замирает, на душе мутит, с души воротит (с души тянет, с души прёт), души не чаять (души не слышать), без души от кого (устар.; то же, что без ума от кого, в знач. ‘безумно любить’), лезть в душу и др. (о семантическом развитии и фразеобразовательных возможностях лексики душа см.: [23, с. 95]).

«Движение» души как проживание, совершение, «делание» своей жизни, выраженное в процессуальных фразеологизмах, может определить вектор жизненного пути, положительный или отрицательный: отпустить душу на покаяние (устар.; в знач. ‘дать спокойно жить кому или самому’), отвести на чём душу (отдохнуть), искать чужой души (устар.; в знач. ‘хотеть погубить ближнего’), взять грех на душу (совершить преступное деяние), кривить /покривить душой (поступить против совести), не пожалеть своей души (погубить себя), вертеть душой (устар.; в знач. ‘отолгаться, отделаться ложью’), отдать/продать/заложить душу черту (дьяволу) (т.е. заниматься греховным, неугодным Богу делом) и др. В приводимых ниже паремиологических фактах безнравственные, бездуховные поступки ассоциируются с низменными инстинктами, с чем-то приземлённым, физиологическим, когда душа «опускается» на уровень желудка: Не ела душа чесноку – не будет и вонять; У него такой желудок, что все переварит; Грешное тело и душу svelo.

Заметим, что в семантическом поле многих единиц с лексемой душа употреблены (эксплицитно или имплицитно)

лексемы *грех*, *стыд* и *совесть*, которые «входят в группу социо-оценочных концептов, регулирующих взаимодействие человека с Другим (другими, социумом)» [3, с. 54]. «Совесть, как таковая, не есть ни чувство, ни состояние. Это автономный компонент внутреннего человека. <...> Стыд формирует социального человека, совесть – нравственную личность» [3, с. 58]. Называя совесть «контрагентом Эго (Другим)», Н. Д. Арутюнова подчёркивает, что совесть «не сливается с Эго», она – «судья», «судебный исполнитель», который «осуждает и наказывает» человека заслушание, за нарушение духовно-нравственных законов – значит, Божьих, законов совести и правды, за грехи, которые являют собой вину перед Богом: *Грехи любезны доводят до бездны; Всякая неправда грех; Быть так: приму грех на душу, а уж сделаю то и то; Грех не беда, да слава нехороша*. Именно совесть учит человека поступкам, а поступки, противные Божьему закону, должны быть осуждены и наказаны: *Чья душа во грехе, та и в ответе; Кто во грехе, тот и в ответе; Грешному путь вначале широк, да после тесен; Не бойся кнута, а бойся греха; Мал грех, да большую вину несёт; За грех и кожа под застрех; По грехам и житьё*.

Осознание своей греховности – *Нет такого человека, чтоб век без греха прожил; Правда свята, а мы люди грешные; Один бог без греха – и важности праведной жизни для её (греховности) искоренения, стремление к покаянию, к укреплению веры и обретение надежды на милость Божью – Умный грешит, умный и кается; Без веры господь не избавит, без правды господь не исправит; Кто сознался, тот покается; кто покается, тот греха удаляется; Умей грешить, умей и каяться; Не по грехам нашим Господь милостив!* – многотрудный земной путь человеческой души.

Антропоморфизация души (а также совести, которую, согласно Н. Д. Арутюновой, человек склонен персонифицировать), отражённая в поговорках и фразеологизмах, зиждется, очевидно, ещё на библейской традиции. В 4-м и 5-м стихах Второго послания к коринфянам читаем о внешнем и внутреннем нашем человеке, о важности и бессмертности души, бренности и смертности тела: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. <...> ибо

видимое временно, а невидимое вечно. Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится (тело – Л. К.), мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный (душу – Л. К.). <...> На сие самое и создал нас Бог и дал нам залог Духа» (2 Кор. 4: 16–18). Душа – «наш внутренний человек», наш «двойник» – дана нам как залог нашей праведной земной жизни. Мольбой и скрытым призывом звучит библейское: «только бы нам и одетым не оказаться нагими» (2 Кор. 5:3). Действительно, имея душу от рождения как дар Божий, человек стремился «не потерять» её в пути, т.е. не потерять себя: не запятнать совесть, не потерять честь несмотря на жизненные трудности. Паремии, как и фразеологизмы, тонко и точно подмечали, когда душа погибала: *Человека видим, а души в нём не видим; Как нет души, так что хошь пиши!; Одна душа, и та не хороша!; Грешное тело и душу съело; Мастеровой не худ, да в душе плут; Душа христианска, да совесть цыганска!; В сватовстве спрашивают не о душе, а о душах (т.е. о богатстве).*

Душа, «одарённая разумом и волею», в своих «движениях», в шагах, в поступках – хороших или плохих, добрых или злых, праведных или неправедных, опираясь на совесть и, по сути, совестью являясь, может приблизить человека к Богу или отдалить от него. Стремление души к спасению – единственное главное стремление верующего человека на земле, поскольку, как говорит Священное Писание, «всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2 Кор. 5:10).

Аксиологическая формула «Вера – Надежда – Любовь», вплетённая в семантическую ткань концепта «Веры», имеет философское и лингвокультурологическое обоснование. Тем ярче на этом фоне, озарённом светом духовной созидательности или стремлением к ней, проявляются пересечения концептов «Веры» и «Беды, внешнего принуждения» (по Ю. С. Степанову [19, с. 405]). Особенно это касается фактов, связанных с описанием Бога как сверхъестественной силы и судьбы (напомним, что в этимологию лексемы *бог* включены также корни со значением «доля, участь» [24, с. 182]): *Всякая судьба сбудется; Всякому своя судьба; От беды*

не уйти; От судьбы не уйдёшь; От Бога не уйдёшь; Чему быть, того не миновать; Где беде быть, там её не миновать; Бойся не бойся, а от участи своей не уйдёшь. В представленных паремиях слышны отголоски «извне нагрянувшего несчастья», беды, притеснения, и даже обиды на свою судьбу, «корень» которых «оставил яркий трассирующий след, позволяющий реконструировать модель концепта «Веры» [19, с. 405]: Знать, по судьбе нашей бороной прошлись; Таков наш рок, что вилами в бок; Кому ничего, а нам хуже того; Горькому Кузьеньке горькая и песенка поётся; По бедному Захару всякая щепа бьёт; Обиженная краюшка всегда на столе (т.е. всегда последняя).

Активная сила судьбы, её «воздействие на ход событий» – это «власть, которой приходится подчиниться», «то, что управляет жизнью человека и вносит коррективы в его планы и действия» [4, с. 618], – способствовали её персонификации. Любопытно, что по древней мифологической традиции судьба отождествлялась с пряхой [13, с. 26–27]. В паремиях это выражено лексически и грамматически, например, в глаголах семантической группы 1) созидательной деятельности: *прясть* в значении «изготавливать нити, скручивая волокна из определенного материала <...>, подготавливая, таким образом, материал для дальнейшего использования» [20, с. 277]; 2) активного воздействия на объект: *вязать, связать (связывать)* в значении «подвергать кого-либо ограничению, лишению свободы движений, стягивая конечности веревкой» [20, с. 223]: Где ведётся (т.е. судьба милостива), там и на щепу прядётся; Судьба придёт – по рукам свяжет; Судьба руки свяжет; Судьба придёт, ноги сведёт, а руки свяжет; Отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая!

Дополнение духовного концепта «Веры» семантическими компонентами беды, страдания, обиды, по нашему мнению, обогащает его содержание, наполняя новым смыслом: таинственным и мистическим – как свидетельство необъяснимого и неотвратимого присутствия высших сил в жизни человека; угрожающим извне, вызывающим страх, боль, обиду, стыд и, наконец, покаяние – как предостережение на будущее и напоминание о расплате за грехи и горьком раскаянии, которое, часто, приходит лишь в зрелости или в конце жизни: В чем молод похвалится, в том стар покается.

В продолжение мысли о соединении в вере идей надежды и трагизма, беды и любви, страдания и радости приведём рассуждения В. В. Розанова о сознательном обращении к вере людей зрелых. По словам философа, русская вера приходит и крепнет с возрастом, когда больной, немолодой уже человек, часто одинокий, находит в храме успокоение и любовь: «храм принимает его как друга, как родного, принимает с бесконечной нежностью, заботой, всепрощением за прошлую неправильную жизнь. <...> Самое существо «веры русской» <...> не молодо <...>. Всё жизненное, живучее, крепкое земле, преданное труду, надеющееся на людей и их свойства человеческие» в русской вере оставлено. «Вся религия русская – по ту сторону гроба», а русский человек «становится прекраснее в болезнях, в страданиях, в испытаниях. И особенно – прямо перед гробом» (цит. по: [19, с. 416–417]).

В паремиях тема предсмертного пути и «жизни» после смерти содержит скрытые или явные предупреждения, важные наставления и наказания в соответствии со своим значением: *Бойся бога: смерть у порога; Смерть по грехам страшна; Каково житьё, таково и смерть; Тебе, телу, во земле лежать, а мне, душе, на ответ идти; Каково житьё, таково и на том свете вытьё; Не умел жить, так хоть сумей умереть!; Дай бог умереть, да дай бог и покаяться!; Смерть без покаяния – собачья смерть; Без веры живут на этом свете, а на том не проживешь; Проси творца, чтоб не лишил доброго конца!*

Жизнь человеческая, начинаясь с Божьего промысла, стремится к Божьей праведной кончине. Получив жизнь как дар Божий (вспомним библейское «... и создал нас Бог и дал нам залог Духа» (2 Кор. 5:5)), русский человек зачастую поздно, но вспоминает о долге. Проведя всю жизнь неправильно и несправедливо, иногда бездуховно, в заботах о себе, о хлебе насущном, т.е. о земном, о людском, свой уход он посвящает Господу. И если этот уход, последний путь выстрадан, подкреплён верой и покаянием, очищением, отречением от земной суеты, от земных благ, то смерть физическая человеку – его душе – не страшна: *Невинная душа не пристрашна к смерти; Смерть – душе простор; В небо приходящему отказу не бывает; Сила Господня в немощах совершается; На этом свете помучимся, на том порадуемся.*

Отметим, что разные константные составляющие, раскрывающие «Веру»: душа, молитва, судьба, грех, совесть, стыд, надежда, любовь, смерть и др., – являются одновременно элементами концепта «Вера» и самостоятельными концептами. Пересечение концептуальных парадигм внутри концепта «Веры» потенциально масштабирует его, обогащая широким спектром духовной проблематики.

Проанализированный материал и представленные факты коррелируют с высказыванием Т. Б. Радбиля о вере как «базовом способе совокупной духовной (мыслительной, эмоциональной, интенциональной, волитивной, религиозной, этической), ценностной и поведенческой активности этноса». Согласимся также с его резюме о вере как «всеохватном концепте»: «на дне любого духовно значимого для человека действия или состояния, реакции или интеракции (если копнуть поглубже) – мы обнаруживаем ВЕРУ» [14, с. 33–34].

Обсуждение и выводы

Таким образом, реализованный в паремиях концепт «Вера» в аспекте актуализации духовно-нравственного начала рассмотрен как структурно сложная духовная константа, апеллирующая к Богу, к полаганию на него, постулирующая отсутствие всякого сомнения в существовании Бога. Через призму русских паремий можно проследить доверительное отношение русского человека к Богу, молитвенное обращение к нему, Божьей Матери и святым угодникам. Взаимодействие верующего человека с Богом реализуется через «движение» души как проживание, «делание» своей жизни. При этом вектор жизненного пути, не всегда положительный, актуализирует «компоненты внутреннего человека» – стыд и совесть, которые «охраняют» социальность и духовно-нравственную сущность человека, помогая бороться с грехом. Рассматриваемый на материале паремий концепт «Вера» также включает семантические компоненты беды, страдания, обиды, делая его более объёмным и многослойным.

Вера в религиозном аспекте представляет собой многогранную культурно-историческую, психологическую и нравственно-воспитательную категорию, которая во многом положила начало формированию духовной парадигмы рус-

ского человека. Являясь средством связи человека с Богом, нравственным ориентиром и щитом, вера учит русского человека проявлять не только доверие к Богу, но и чувства любви и сострадания к ближнему, совершать добрые дела, учит терпению и смирению. Определяемая как ментальная категория – состояние сознания, осознание и осмысление предметов высшего порядка – она ведёт человека по пути переосмысления своей жизни, убеждений, поступков.

В паремиях, как и вне паремий, имя веры «есть живое имя, ибо оно вырастает из действия и несёт в себе его скрытую энергию (потенциальную модель культурного действия)» [21, с. 109]. Русские паремии полно отражают духовно-нравственный потенциал религиозного аспекта веры, «слой за слоем» открывают лексико-семантические и историко-культурные грани развития неисчерпаемого концепта «Вера».

Список литературы

1. Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – Т. 1.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л. А. Чешко. – М.: Рус. яз., 1986. – 600 с.
3. Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С 54–79.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. – М.: Международный издательский центр православной литературы, 1994. – 1371 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: ТЕРРА, 1994.
7. Демьянков В. З. Обыденные концепты и научные понятия // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация / Науч. ред. В. З. Демьянков. – М.: ТЕЗАУРУС, 2015. – С. 34–37.
8. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.
9. Кацюба Л. Б. Отражение религиозности русского человека по данным словаря В. И. Даля // Проблемы истории, филологии, культуры. Серия Филология. – 2009. – № 2 (24). – С. 51–55.
10. Ключевский В. О. Православие в России. – М.: Мысль, 2000. – 621 с.
11. Ковшова М. Л. Оценочность идиом и наивная этика паремий: лингвокультурологический аспект исследования // Филология и культура. – 2013. – № 3 (33). – С. 79–84.
12. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Изд-во В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
13. Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках / Исследование и материалы О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. – М.: Наука, 2002. – 469 с.
14. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. – М.: Гнозис, 2018. – С. 23–35.

15. Селиверстова Е. И. Человек предполагает, а судьба определяет: о возможностях осмысления компонента БОГ // Устойчивые фразы в парадигмах науки. Материалы Международной научной конф. – Омск: С-Принт, 2015. – С. 333–337.

16. Скляревская Г. Н. Лексика современного русского православия: толково-энциклопедический словарь. – СПб.: Контраст, 2016. – 684 с.

17. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. – М.: Рус. яз., 1991–1993.

18. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984.

19. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

20. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.

21. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.; Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И. В.), 2011. 252 с.

22. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А. И. Фёдоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 1.

23. Чепасова А. М. Семантическое развитие и фразеобразовательные возможности лексемы ДУША // FRAZEOLOGIA A RELIGIA / Tezy referatów międzynarodowej sympozjum naukowego. – Opole, 1996. – С. 94–95.

24. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. М. Фасмера. – М.: Астрель; АСТ, 2003. – Т. 1.

Larisa B. Katsyuba

Actualization of Spiritual and Moral Potential Religious Aspect of Faith in Russian Proverbs

The article is devoted to the study of spiritual and moral potential of the religious aspect of faith on the basis of Russian proverbs. The definitional analysis of the lexeme "faith" is carried out, the verbalized concepts of "Faith", "God" are revealed. In the course of observing the development of the concept of "Faith" various constant components such as soul, prayer, fate, sin, hope, love, death, etc., are described and their functioning in Russian proverbs is examined. It is noted that the intersection of conceptual paradigms within the concept of "Faith" makes it more voluminous and multi-layered, enriching it with a wide range of spiritual issues.

Key words: concept of "Faith", Russian proverbs, religious aspect of faith, spiritual and moral potential of faith, linguoculturology.

For citation: Katsyuba, L. B. (2023) Aktualizaciya duhovno-nravstvennogo potencijala religioznogo aspekta very v russkih paremiyah [Actualization of Spiritual and Moral Potential Religious Aspect of Faith in Russian Proverbs]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 109–125. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_109

References

1. Krysin, L. P. (2016) (ed.) *Akademicheskij tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Izdatel'skij Dom YASK Publ, Vol. 1. (In Russian).
2. Aleksandrova, Z. E. (1986) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Pod red. L. A. Cheshko* [Dictionary of synonyms of the Russian language. Ed. L. A. Cheshko]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).
3. Arutyunova, N. D. (2000) O styde i sovesti [About shame and conscience] *Logicheskij analiz yazyka: YAzyki etiki. Otv. red. N. D. Arutyunova, T. E. YAnko, N. K. Ryabceva* [Logical analysis of language: Languages of ethics. Resp. ed. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko, N. K. Ryabceva]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. Pp. 54–79. (In Russian).
4. Arutyunova, N. D. (1999) *YAzyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian).
5. Bibliya. *Knigi Sv'yashchennogo Pisanija Vethogo i Novogo zaveta* (1994) [Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Mezhdunarodnyj izdatel'skij centr pravoslavnoj literatury Publ. (In Russian).
6. Dal', V. I. (1994) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols.]. Moscow: TERRA Publ. (In Russian).
7. Dem'yankov, V. Z. (2015) *Obydennye koncepty i nauchnye ponyatiya* [Ordinary concepts and scientific concepts] *YAzyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikaciya. Nauch. red. V. Z. Dem'yankov* [Language. Culture. Translation. Communication. Scientific ed. V. Z. Dem'yankov]. Moscow: TEZAURUS Publ. Pp. 34–37. (In Russian).
8. Dubrovina, K. N. (2010) *Enciklopedicheskij slovar' biblejskih frazeologizmov* [Encyclopedic dictionary of biblical phraseological units]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian).
9. Kacyuba, L. B. (2009) *Otazhenie religioznosti russkogo cheloveka po dannym slovarja V. I. Dal'ya* [Reflection of the religiosity of a Russian person according to the dictionary of V. I. Dahl] *Problemy istorii, filologii, kul'tury. Seriya Filologiya – Problems of history, philology, culture. Series Philology. № 2 (24)*. Pp. 51–55. (In Russian).
10. Klyuchevskij, V. O. (2000) *Pravoslavie v Rossii* [Orthodoxy in Russia]. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian).
11. Kovshova, M. L. (2013) *Ocnocnost' idiom i naivnaya etika paremij: lingvokul'turologicheskij aspekt issledovaniya* [The evaluation of idioms and the naive ethics of proverbs: linguoculturological aspect of research] *Filologiya i kul'tura – Philology and culture. № 3 (33)*. Pp. 79–84. (In Russian).
12. Gritsanov, A. A. (1998) (ed.) *Novejšij filosofskij slovar'*. [The latest philosophical dictionary]. Minsk: V. M. Skakun Publ. (In Russian).
13. *Pravoslavnaya vera i tradicii blagochestiya u russkih v XVIII–XX vekah* (2002) *Issledovanie i materialy O. V. Kirichenko, H. V. Poplavskeya* [Orthodox faith and traditions of piety among Russians in the XVIII–XX centuries. Research and materials O. V. Kirichenko, H. V. Poplavskeya]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
14. Radbil', T. B. (2018) *Vera kak osnova mirovospriyatiya i miroponimaniya v russkoj yazykovoj kartine mira* [Faith as the basis of worldview and worldview in the Russian language picture of the world] *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskij analiz yazyka. Ponyatie very v raznyh yazykah i kul'turah* [Linguoculturological research. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures]. Moscow: Gnozis Publ. Pp. 23–35. (In Russian).
15. Seliverstova, E. I. (2015) *Chelovek predpolagaet, a sud'ba opredelyaet: o vozmozhnostyah osmysleniya komponenta BOG* [A person suggests, and fate determines: about the possibilities of understanding the component God] *Ustojchivye frazy v paradigmatse nauki. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konf.* [Sustainable phrases in the paradigms of science. Materials of the International Scientific Conference] Omsk: S-Print Publ. Pp. 333–337. (In Russian).
16. Sklyarevskaya, G. N. (2016) *Leksika sovremennogo russkogo pravoslaviya: tolkovo-enciklopedicheskij slovar'* [Vocabulary of modern Russian Orthodoxy: Interpret and Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: Kontrast Publ. (In Russian).

17. Gorbachevich, K. S. (1991–1993) (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 20 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 20 vols.]. Moscow: Rus. yazyk Publ. (In Russian).

18. Evgenieva, A. P. (1981–1984) (ed.) *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).

19. Stepanov, YU. S. (2004) *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ. (In Russian).

20. Babenko, L. G. (1999) (ed.) *Tolkovyj slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy.* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS Publ. (In Russian).

21. Ufimceva, N. V. (2011) *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Language consciousness: dynamics and variability]. Moscow; Kaluga: Institut yazykoznanija RAN. (In Russian).

22. Fedorov, A. I. (1997) (ed.) *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka v 2 t.* [The phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 vols.]. Moscow: Citadel' Publ. Vol. 1. (In Russian).

23. CHepasova, A. M. (1996) *Semanticheskoe razvitie i frazoobrazovatel'nye vozmozhnosti leksemy DUSHA* [Semantic development and phrasing capabilities to the chipper to the lexeme DUSHA] *FRAZEOLOGIA A RELIGIA / Tezy referatow miedzynarodowej sympozjum naukowego* [Frazeologia and Religia. Tesides of the International Scientific Symposium]. Opole. Pp. 94–95. (In Russian).

24. Fasmer, M. (2003) (ed.) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow: Astrel'; AST. Vol. 1. (In Russian).

дата получения: 14.12.2022
дата принятия: 10.01.2023
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 14 December 2022
date of acceptance: 10 January 2023
date of publication: 30 March 2023

Δ ИСКУССТВА

О. А. Мещерякова

Язык религиозной сферы как объект изучения современной лингвистики

В современной лингвистике наблюдается интерес к языку религиозной сферы деятельности человека. В статье анализируются экстралингвистические и лингвистические факторы, определившие внимание к этой языковедческой области, очерчивается круг проблем, которые поднимаются на современном этапе развития науки о языке религии. Одним из вопросов является целесообразность культурологического основания теолингвистики. С опорой на анализ проведенных исследований в этой области изучается возможность использования лингвокультурологического принципа при разных типах (семасиологический, ономасиологический) подходов к языковому материалу. Устанавливается, что изучение языка религиозной сферы в его обусловленности религиозной культурой весьма важно. При этом ход анализа языкового материала из религиозной сферы требует лингвокультурной коррекции, под которой понимается комплекс исследовательских действий. Они заключаются в том, что исследователь опирается на знание фактов культуры религии, которые не заслоняют собой фактов языка, а помогают выявлять их сущность.

Ключевые слова: язык религиозной сферы, религиозная культура, семасиологический подход, ономасиологический подход, лингвокультурологический анализ, лингвокультурная коррекция.

Для цитирования: Мещерякова О. А. Язык религиозной сферы как объект изучения современной лингвистики // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 128–144. DOI 10.35231/25419803_2023_1_128

В современной лингвистике наблюдается интерес к языку религиозной сферы. При определении причин исследовательского «притяжения» к этому материалу, порожденному духовной и материальной деятельностью человека в силу принятия им той или иной веры, можно говорить об экстралингвистических и лингвистических факторах.

Среди экстралингвистических факторов в отечественном языкознании следует выделить изменение отношения к ре-

лигии на государственном уровне, что проявилось в первую очередь в языке. Исходной точкой отсчета этого можно считать коммуникативное событие политического дискурса, когда в языке правительственного документа стало возможным появление лексической единицы, значение которой обусловлено религиозными представлениями. Такой языковой факт мы обнаруживаем в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 27 декабря 1990 г., связанного с законодательным регулированием рабочих и праздничных дней на производстве. Примечательным было то, что в само название документа «Об объявлении 7 января (**Рождества Христова**) **нерабочим днём**», наряду с указанием даты, была включена лексема, номинирующая религиозный праздник. Практика использования языкового материала из религиозной сферы была закреплена в тексте «Трудового кодекса Российской Федерации»: «*Нерабочими праздничными днями в Российской Федерации являются: 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 8 января – Новогодние каникулы; 7 января – **Рождество Христово** <...>*» (в ред. Федерального закона от 23.04.2012 N 35-ФЗ).

Изменение отношение к религии на государственном уровне повлияло на сознание постсоветского общества. Стала активно происходить переоценка религиозной практики. Это привело в 90-ых годах к появлению в СМИ многочисленных печатных и электронных журналов, сайтов, посвященных религии, в том числе православной [9, с. 224]. Язык религиозной коммуникации, существовавший в течение ее многовековой истории, стал частью публицистического дискурса постсоветской эпохи, что постепенно формировало язык «околорелигиозной» коммуникации. Таким образом, сначала на государственном, а затем на общественном уровне язык религии стал активно развиваться. В русистике это сделало возможным рассматривать вербальную сферу религии в качестве объекта многоаспектного изучения.

Материалы и методы

На фоне изменения отношения к религии в обществе, в науке происходит смена парадигмы знаний, в результате чего языковые исследования приобретают антропоцентрический характер. Изучение «человека в языке» не могло

обойти стороной язык религиозной сферы, который отражал мировоззрение верующего человека.

Наряду с экстралингвистическим следует обозначить и несколько лингвистических факторов формирования интереса к языку религиозной сферы. Как вербальный компонент обряда язык обеспечивает возможность обращения к высшим силам, в которые человек верит. Вне обряда он дает возможность общаться с единоверцами, ощущать себя сопричастным чему-то общему.

В рамках общения представителей разных конфессий язык призван обеспечить коммуникативную удачу общающихся и их психологический комфорт. Кроме того, язык любой религии аккумулирует в себе духовно-нравственные ценности. Они образуют религиозные концепты, влияют на семантическое богатство языка, формируя религиозную картину мира, а значит, влияют на то культурное наследие, которое с помощью вербальных средств транслируется последующим поколениям.

Соединение экстралингвистических и лингвистических факторов определило формирование научного интереса к языку религии и всей религиозной сферы, включающей разнообразные представления как о самой вере и ее основополагающих понятиях, так и об обрядах, осуществляемых в ее рамках, материальных предметах, событиях, связанных с ними. В связи с намечающимся обособлением изучения языка религиозной сферы в языкознании предлагается использовать термин *теолингвистики* как науки, «возникшей на стыке языка и религии и исследующей проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [3, с. 29]. Хотя споры о термине продолжаются [1], тем не менее наука о языке религиозной сферы развивается, например, определяются, какие уровни языковой системы могут стать объектом изучения [5]. Особенно активизировались научные изыскания, рассматривающие вопросы языка и православной религии. Эта тенденция наметилась, начиная с середины 80-ых годов XX века, особенно в рамках празднования 1000-летия христианства на Руси. При этом уже на начальных этапах становления лингвистики, изучающей вопросы языка православной религии, была установлена сложность самого

объекта исследования, которая в первую очередь связывалась с тысячелетней историей христианства на Руси. Религия, существовавшая в течение такого длительного времени, существенным образом определила самобытность ее культуры и ее языка как главной составляющей этой культуры. Поэтому особое место в изысканиях, посвященных православному религиозной сфере, стал занимать лингвокультурологический аспект.

При этом пути исследования языка религиозной сферы могли различаться. С одной стороны, важно было выявить смыслы слова, словосочетания или предложения, отражающие суть религиозных представлений. Это семасиологический подход, в основе которого лежит изучение смысловой структуры слова (как ядра, так и его коннотаций, в том числе культурных) в ее обусловленности представлениями о предмете [8].

С другой стороны, не менее важно определить, как эти представления обуславливают употребление тех или иных языковых средств, изменение их семантики, а вместе с ней и контекста употребления в силу «закрепленности слова (или знака) за определенной сущностью» [7, с. 333]. В этом случае уместно говорить об ономасиологическом направлении в изучении языка религии.

Выполненные в 80-х годах XX века работы имеют и семасиологические, и ономасиологические аспекты. Статья Е. М. Верещагина, В. П. Вомперского «Как началось искусство книжного слова на Руси» обращает внимание на особенности ритмо-синтаксической организации «Слова о законе и благодати» знаменитого Киевского митрополита Илариона. «Слово» было не просто первым произведением древнерусской литературы. Само его рождение происходит в рамках христианской культуры. Не случайно В. Н. Топоров назвал его «знаменитым памятником <...> церковной истории» [17, с. 259]; Р. О. Якобсон – «образцом древнейшего русского проповедничества» [19, с. 9], С. Я. Сендерович – средневековым христианским историософским текстом, построенным на принципе экзегезы, интерпретации [15, с. 12].

В центре внимания ученых-лингвистов Е. М. Верещагина, В. П. Вомперского оказывается, на первый взгляд, толь-

ко формальная организация речи епископа митрополии, поэтому в ее описании присутствуют такие термины, как *сходноконечные рифмы, рифмовка срединных соотнесенных слов в колонах* [2, с. 75] и т.п. Однако в анализируемых созвучиях выявляется главное – семантика радости автора речи от осознания значимости деяний князя Владимира. Эмоциональная компонента выделяется в семантическом пространстве текста как дополнительная, периферийная. Возможность ее выявления обусловлена двойным лингвокультурологическим пояснением: историческим и собственно лингвистическим.

Историческое пояснение выявляет, какие именно поступки князя вызывают радость у создателя речи. Для этого современные авторы, цитируя древнерусского, дают к его словам пояснения, в том числе оценочные. Они помогают понять и смысл малопонятных слов, и контекст эпохи: *Благотворительность (действительно ставшего милосердным) Владимира описывается следующим образом: «просящим подаваа, нагыа одъвая, жадныа и алчныа (т. е. испытывающих жажду и голод) насыщая <...>»* [2, с. 75]. Собственно лингвистическое пояснение сводится к напоминанию, почему сходноконечные рифмы были знакомы митрополиту Илариону – это «средства греческой словесной украшенности» [2, с. 75].

Таким образом, установление коннотативной семантики рифмованных частей «Слова», выполненное в русле семиологического подхода, дополняется лингвокультурологическим, обеспечивающим проводимому анализу соответствующую верификацию.

В исследовании А. Н. Ужанкова «Будущее в представлении писателей Древней Руси XI–XIII веков» в центре внимания становится обобщенная языковая личность создателя древнерусских текстов. В этом случае вполне закономерно обращение к ономазиологическому подходу. В статье говорится о невозможности использования выражения *будущий век* средневековыми авторами. Объяснение этому связывается с влиянием религиозных представлений. Ученый отмечает, что «христианство привнесло на Русь новые представления о времени и истории, тесно связанные между собой» [18, с. 79], и, анализируя материал, предоставленный древне-

русскими источниками, определяет семантику выражения *будущий век* в рамках влияния принятой религии: «<...> становится понятным значение выражения «будущий век» – это время уже после Страшного суда. Исходя из такого понимания будущего, древнерусские книжники о нем не говорили – не могли и не смели говорить» [18, с. 84]. В данном примере ономазиологический подход доказывает, что мотивированная религиозной культурой связь выражения и представления о конце света приводит к «невывору» единицы *будущий век* в качестве номинации времени.

Результаты

Как видим, и семасиологический, и ономазиологический подходы весьма продуктивны для анализа языка православной религии. Разность подходов объединяет вектор неотрывной связи языкового анализа с религиозной культурой, включающий выявление воздействия культуры на 1) содержание языковых единиц; 2) способы их включения / невключения в речевую практику.

Однако вопрос о лингвокультурологическом принципе при изучении языка религии и религиозной сферы еще остается весьма сложным. Некоторые работы изобилуют культурологическими сведениями из различных областей культуры. К числу таких исследований мы относим работы М. И. Мальсаговой: диссертацию¹ и монографию [10]. В одной из своих работ [12] мы ссылались на эту монографию, почерпнув из нее сведения о бытовых отношениях священников и прихожан. Однако сейчас мы рассмотрим исследование Мальсаговой с несколько иных позиций, устанавливая в нем особенности реализации культурологических знаний в лингвистическом исследовании, посвященном языку религиозной сферы.

Материалом анализа служит корпус языковых единиц, извлеченных из художественных текстов, в которых они служат средством обозначения представлений, связанных с поли- и монотеистическими религиями.

С одной стороны, привлечение большого количества примеров из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Демона» и «Ге-

¹ Мальсагова М. И. Теонимическая лексика в русском языке (на материале художественной литературы): дис. канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004. – 178 с.

роя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, стихотворений К. Д. Бальмонта и М. И. Цветаевой решает очень важный вопрос для лингвистики, в центре внимания которой находится религиозная сфера, – «рассмотреть распределение теонимических единиц по текстам и группам текстов» [13]. Эту задачу автор монографии успешно решает, включая в свой методологический арсенал статистический способ исследования, который позволяет представить и в описании, и в схемах частотность употребления изучаемой группы лексем у разных авторов.

Однако качество решения этой ономаσιологической задачи, на наш взгляд, снижено из-за пренебрежения лингвокультурологическим аспектом семантического анализа «теонимической лексики» (именно этот термин Мальсагова включает в названия своих работ).

Автором признается, что рассматриваемые единицы сформировались в рамках религии и культуры. Этому посвящается даже отдельная глава, в которой подробно излагаются отдельные факты мифологического верования («Хорс, в частности, представлялся славянам белым конем, совершающим свой бег с востока на запад» [10, с. 27]), рассматривается влияние христианства на культуру («принятие христианства Русью открыло широкие возможности для переводов и распространения памятников античной и средневековой греческой и византийской письменности») [10, с. 29]) вплоть до XX века.

Однако, проводя анализ, Мальсагова определяет не лингвокультурологическое, а культурологическое основание, которое мы назовем «идеологизированным»: автор видит необходимость «рассмотреть религиозное и мифологическое как модификации инвариантной сущности» [10, с. 3] слов, относящихся к предмету исследования.

По мнению автора, «и религия, и мифология – это две ветви одного и того же дерева, модификации одной и той же инвариантной сущности, лежащей в основе мира» [10, с. 38]. Идея об инварианте повторяется многократно, преобразываясь в мысли о тождестве: «Точки соприкосновения мифологии и религии прослеживаются также на уровне символов, атрибутов, что говорит не только о **тождестве мифологиче-**

ских и религиозных концепций, понятий, но и создает такую систему соотношения мифологического и религиозного, которую можно проанализировать только в том случае, если мифологическое и религиозное рассматриваются как **две стороны одного и того же объекта, как модификации одной и той же инвариантной сущности**» [10, с. 83].

О том, как соотносятся монотеистическая религия христианства с политеистическими верованиями, к которым относят и мифологию (то есть насколько это «две ветви одного и того же дерева»), как правило, обсуждается религиоведами. Языковеды же, изучая соответствующую семантику лексических единиц, как правило, говорят о соответствующих смыслах, связанных с мифологическими или христианскими воззрениями, а это предполагает не изучение соответствующей культуры, но и способов отражения их в языке.

В анализируемой работе, где провозглашается «тождество мифологических и религиозных концепций», априори признается отсутствие культурных коннотаций в семантической структуре слова. Выбранный в соответствии с религиоведческой концепцией метод, названный «классическим методом родовидовой абстракции» [10, с. 38], «классической родовидовой абстракцией» [10, с. 49] приводит к выхолащиванию культурных смыслов и из ядра лексического значения, и из ее периферии, из семантики слова, которое используется в художественном тексте, а в целом – к целому ряду упрощений и заблуждений.

Это касается уже принципа отбора материала. Называя его «теонимической лексикой», автор включает в изучаемую группу лексемы, весьма разноплановые не только по своим грамматическим категориям и грамматическим формам, но и по своей семантике. Так, лексемы на букву «а» представлены следующими словами и словоформами: Аврора, ад, Адам, аллилуйя, алтарь, амазонка, Амур, ангел, аониды, Аполлон, аполлонический, Армиды, Архангел [10, с. 55–56]. Подобное объединение от амазонки до Архангела приводит к тому, что в работе нет места анализу для доказательства «тождества», все ограничивается лишь констатацией языкового факта употребления лексемы, а то, насколько же в используемой лексеме актуализируется мифологический /

религиозный компонент значения, часто не рассматривается. Вот, к примеру, контекст анализа употребления лексемы *амазонка* в стихотворениях Цветаевой: «<...> в творчестве М. Цветаевой, спустя век (после Гоголя. – О. М.), мифологические традиции как бы оживают. Поэтесса смогла вдохнуть в них новую жизнь, несмотря на специфичность авторского стиля. Она и новатор, и традиционалист одновременно. *Амазонки, музы, Урания* оживают под ее пером. Древние атрибуты (*лавры, лира*) по-своему переосмысливаются поэтессой» [10, с. 69–70].

Стремление объять реалии всего культурного мира как язычества, так и христианства приводит к тому, что размывается объект исследования. Теонимической лексикой называется «совокупность теонимов, а также собственных и нарицательных именовании классов божеств, полубожественных персонажей человеческого происхождения, демонических персонажей, названий существ низшего уровня, нечисти, деифицированных абстрактных понятий, деифицированных неантропоморфных объектов, атрибутов и символов, названий элементов космоса» [10, с. 12]. Эта «совокупность» совокупностей не укладывается в известные лингвистике системные понятия: «лексико-семантическое поле», «лексико-семантическая группа», «тематическая группа». Автор использует терминологическое сочетание «теонимическая лексика», где слово *лексика* указывает на словарный состав, а термин *теонимический* ориентирует на весьма многоплановое семантическое направление. Автор осознает несоответствие между *теонимом*, даже понимаемым расширительно, и представленным материалом. В дальнейшем исследуемое объединение именуется разными терминами, наиболее точное, на наш взгляд, наименование представлено в названии таблицы частотности исследуемых единиц: «Частотность употребления *теонимической* и *примыкающей к ней религиозно-мистической и мифологической лексики*» [10, с. 55].

Установка на «общее», на «генетическую близость» язычества и христианства сказывается не только на культурной гетерогенности языкового материала, но и приводит автора работы к неточностям в истолковании семантики слова.

Например, лексема *Господь* трактуется следующим образом: «Господь – одно из имен Бога, указывающее на Его господствующее положение по сравнению с другими сверхъестественными силами» [10, с. 108]. На наш взгляд, в истолковании ошибочно указание на семантику ‘господствующего положения по сравнению с другими сверхъестественными силами’. На самом деле, и ядро, и коннотации в семантической структуре слова *Господь*, рассмотренные в рамках культурологического аспекта, содержат иные смыслы.

Теоним *Господь* в лексикографических и библейских источниках одинаково трактуется как одно из имен Бога. Объяснение, почему оно возникло, содержится в Библейской энциклопедии архимандрита Никифора. Там указывается, что издавна имя *Иегова* евреи считали столь священным и таинственным, что боялись произносить его, поэтому употребляли в своих книгах вместо него слово *Адонай*, т. е. *Господь*. Факт табуирования имени бога известен во многих религиях. «Например, в культуре народа ибо (Африка) вместо имени Бога звучит оборот, означающий ‘Тот, чье имя не произносится’ [11, с. 58]. В иудейской религии эвфемизм подчеркивал, что Тот, кого так называют, господствует над всеми, владеет всем. Перевод Ветхого Завета на древнегреческий, называемый Септуагинта, за три века до Рождества Христова уже постоянно использовал лексему *Kyrios*, семантика которого коррелирует с семантикой *Адонай* (*Господь*). На этот греческий перевод сначала ориентировалась византийская церковь, а вслед за ней и древнерусская. Русский теоним *Господь* семантически копировал греческий. К. А. Тимофеев отмечает: «*Kyrios* – ‘господин, хозяин; глава семейства’, от него образован глагол *kyrieuo* ‘быть господином, владеть’. *Kyrios* применительно к Богу – ‘Властитель, Владыка’»; в древнерусском языке «**gost-pod-i-s* первоначально значило ‘гостеприимный хозяин, домовладыка» [16]. Причем в дохристианские времена слово *Господь* не входило в круг теонимической лексики и обозначало земного владыку. Но после того, как было употреблено для перевода греческого *Kyrios*, получило теонимическое значение.

В истолковании слова *Господь*, созданном на основе гипотезы о тождестве христианской религии и мифологиче-

ских воззрений, и в приведенной выше культурологической трактовке наблюдается важное различие, которое связано с дифференцирующим признаком концепта Бог – ‘тип иерархии’. О нем в своем исследовании подробно говорит Л. Г. Панова [14]. Встроенный в христианский и языческий концепт, он различается в соответствии с типом религии – монотеистической христианской и политеистической языческой. Политеистический тип фиксируется в русском языке словосочетанием *пантеон богов*, куда не входит христианский Бог (об этом свидетельствует и противопоставленность графического написания Бог – бог, за которым и разные представления, и разное отношение к «денотату»). Многобожие язычников определяло разные области власти бога, это означало ограниченную власть «не над всем миром, а только над какой-то его частью или областью бытия». В языке эти смыслы фиксируются словосочетаниями типа *бог солнца*, *бог грозы* и т.д., в которых родительный падеж зависимого слова указывает на «область», за которую божество «отвечает». Кроме того, в ментальных представлениях об отношении бог – человек присутствует промежуточная ступень, что фиксируется словами *полубог*, *богочеловек*, при этом обе лексемы указывают на подчиненное положение такого божества в иерархии богов. В христианском вероисповедании, как и в других монотеистических религиях, Бог выступает как «единственная и абсолютная вершинная иерархия». Поэтому «по сравнению с языческими богами христианский Бог стоит непросто над людьми + одной областью бытия, **но надо всем**» [14, с. 7]. Соответственно сущность имени Господь заключается в понятийном ядре: ‘имеющий абсолютное господство над всем’, которое нельзя приравнять к значению бог в язычестве.

В работе Мальсаговой отсутствие необходимого семантического анализа слова с опорой на культурологическое основание приводит и к другим досадным неточностям. Например, употребление лексем *господь*: *Господь* в романе Пушкина «Евгений Онегин» (*Дитя мое, господь с тобою!*) и в стихотворении Бальмонта (*Во имя Господа, блаженного всегда, // Благословляю вас, да будет счастье с вами!*) трактуется как употребление в «традиционном контексте», «традиционном значении» [10, с. 89].

На наш взгляд, в первом случае, действительно, традиционный... фразеологизм. В коммуникации он рассматривается как вербальная реакция на различные жизненные ситуации, и, обусловленный ситуативно, называется фразеорефлексом [4]. В его семантике происходит частичное стирание религиозной коннотации, которое в современном языке рассматривается как «результат дискурсивной секуляризации»¹, однако насколько такое явление могло быть свойственно «языку няни» времен Пушкина – вопрос отдельного исследования. В стихотворении Бальмонта, напротив, происходит семантическое переосмысление выражения *Господи Благослови* – молитвенной формулы, произносимой перед началом каждого дела. Форма идиоматичности разрушается дополнительными элементами, которые демонстрируют активизацию религиозной семантики, возвращение лексеме *Господь* значение ‘имя Бога’. Таким образом, слово *Господь* в текстах двух поэтов имеет разный языковой статус: у Пушкина это компонент фразеолефлекса, который имеет ослабленную религиозную семантику; у Бальмонта трансформация молитвенной формулы определяется активизацией религиозной семантики. Но в анализируемой работе названная специфика нивелируется.

На наш взгляд, это связано не столько со сложностью семантического анализа языковой единицы в языке художественного текста, сколько с установкой автора на нечто общее, которое требует отказа от рассмотрения лингвокультурных особенностей «теонима» и приводит к вовлечению в одно поле разных в своих знаковых статусах языковых единиц.

Поэтому трудно согласиться, к примеру, с тем, что «<...> в поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголя слова «бог» и «черт» практически употребляются в одном и том же значении <...> **бог** их знает; ...вам **черт** знает что подадут<...>» [10, с. 74]. Приведенные примеры говорят, что рассматриваются не самостоятельные единицы, имеющие лексическое значение, а компоненты фразеологических оборотов. С точки зрения грамматических особенностей, их называют местоимен-

¹ Манерова К. В. Изменение семантики фразеорефлекса *Gott weiß* как фразеологизма-конструкции в немецком языке // XLVIII Международная филологическая научная конференция. Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. 18–27 марта 2019 г. Электронный ресурс. URL: <https://conference-spbu.ru/conference/40/reports/9668/> (дата обращения: 01.19.2022).

ными фразеологизмами, которые «имеют дейктическое категориальное значение», «обладают высокой степенью абстрактности», восходят к модели простого двусоставного предложения, распространяющегося с помощью местоименного компонента (*бог знает что, черт знает какой*). С точки зрения семантики, «компоненты-существительные *бог* и *черт* в местоименных фразеологизмах перестают соотноситься друг с другом как антиподы: в составе описываемых единиц они полностью утрачивают свое лексическое значение и становятся взаимозаменяемыми»¹. Такое заключение учитывает реальную языковую природу, а не выводится из надуманных религиозных гипотез.

К сожалению, в анализируемой работе «культуро-не-сообразные» толкования теонимической лексики приведенными примерами не ограничиваются. А еще хуже то, что некоторые из них даже переместились в терминологические справочники. Так, со ссылкой на диссертационное исследование Мальсаговой в «Словаре лингвистических терминов и понятий» автором Т. В. Жеребило [6] приводятся типы теонимической лексики под такими названиями: «2) имена богов высшего уровня (Зевс, Господь, Творец и др.); 5) собственные и нарицательные имена полубожественных персонажей человеческого происхождения (Адам, Ева, богородица и др.)» и т.п. [14, с. 400].

В рамках данной статьи мы уже пояснили, почему название группы *имена богов высшего уровня* не может включать теонимы *Господь, Творец*, но продолжать анализ культурологических оплошностей, вызывающих определенное научное недоверие как к представленной в «Словаре» классификации, так и к породившей ее работе, не будем.

Обсуждение и результаты

В заключение мы хотели бы вернуться к проблеме, обозначенной в названии нашего исследования. Прделанный анализ этапа включения религии в государственную и общественную жизнь и последовавших за этим научных изысканий языка религии показал, что выделенная сфера постепенно становит-

¹ Шведова Н. В. Фразеологизмы с компонентами «БОГ» и «ЧЕРТ» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 21 с.

ся значимым объектом лингвистического анализа. Исследовательский интерес требует обязательной лингвокультурной коррекции независимо от того, идет ли он в русле семасиологии, или ономасиологии, или объединяет оба подхода.

Под лингвокультурной коррекцией понимаем комплекс исследовательских действий. С одной стороны, важно изучение языка религиозной сферы в его обусловленности религиозной культурой. Знание культурных реалий может влиять на выдвижение лингвистических гипотез исследования. Однако в ходе анализа языкового материала важно установить, что из культурологических предположений находит отражение в языке религиозной сферы, а что остается за его пределами, только в сфере самой культуры. Таким образом, лингвокультурная коррекция – это умение исследователя опираться на знание фактов культуры религии, которые не заслоняют собой факты языка, а помогают выявлять их сущность.

Конечно, понятие *лингвокультурная коррекция* требует разностороннего и многократного пояснения. Сейчас, на основе рассмотренных примеров, мы пока только призываем тех, кто обращается к исследованию религиозной сферы, запастись огромным багажом культурных знаний, но, обладая им, не фетишизировать его, потому что только сам языковой материал может показать, как и в чем религиозная культура воздействовала и продолжает воздействовать на язык, как и в чем язык принял, сохранил это воздействие и в каком направлении развивает.

Список литературы

1. Бугаева И. В. Теолингвистика: теология + лингвистика? // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Ред. Д. Шумска, К. Озга. – Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. – Т. 2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва. – С. 293–300.
2. Верещагин Е. М., Вомперский В. П. Как началось искусство книжного слова на Руси // Русская речь. – 1988. – № 6. – С. 71–77.
3. Гадамский А. К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия Филология. – 2007. – Том 20 (59). – №1. – С. 287–292.
4. Гак В. Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 46–55.
5. Галиева М. Р. Теолингвистика: становление, проблемы и перспективы // XIII Волгоградские чтения. Сборник научных трудов Международной научно-практической

конференции. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2017. – С. 34–38.

6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

7. Колчина О. Н. Семасиологический и ономасиологический подходы к изучению языковой личности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. – 2010. – № 3(1). – С. 332–335.

8. Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 191 с.

9. Макарова А. С. Православный публицистический дискурс в современной гуманитарной парадигме: отличительные черты // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 4. – С. 223–230.

10. Мальсагова М. И. Теонимическая лексика как система (на материале художественных текстов). – Назрань: Пилигрим, 2011. – 144 с.

11. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: ФАИР, 1998. – 352 с.

12. Мешерякова О. А., Шестеркина Н. В. Роль культурного кода в семантике русских народных загадок о самоваре // Art Logos. – 2019. – № 2 (7). – С. 106–119.

13. Мусорин А. Общие проблемы изучения теонимической лексики языков христианского мира // Российские немцы. – Новосибирск, 2008. – С. 221–230.

14. Панова Л. Г. Слово «Бог» и его значения: от иерархии небесной – к иерархиям земным // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. – М.: Индрик, 2003. – С. 404–414.

15. Сендерович С. Я. Фигура сокрытия: Избранные работы. Том 4: О древнерусской письменности. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 232 с.

16. Тимофеев К. А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: монография. – Новосибирск, 2001. – 88 с.

17. Топоров В. Н. Работники одиннадцатого часа. «Слово о законе и благодати» и древнекиевские реалии // Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. – М.: Гнозис: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. I. Первый век христианства на Руси. – С. 259–412.

18. Ужанков А. Н. Будущее в представлении писателей Древней Руси XI–XIII веков // Русская речь. – 1988. – № 6. – С. 78–84.

19. Якобсон Р. О. Гимн в Слове Илариона о законе и благодати // The Religious World of Russian Culture. Russia and Orthodoxy. – The Hague: Mouton, 1975. – V. II. Essays in Honor of Georges Florovsky. – Pp. 9–22.

Olga A. Meshcheryakova

The Language of the Religious Sphere as an Object of Study of Modern Linguistics

In modern linguistics there is an interest to the language of the religious sphere of human activity. The article analyzes extra-linguistic and linguistic factors that determined the attention to this linguistic area, outlines a range of problems raised at the present stage of development of religion language study. One of the questions is the expediency of cultural foundation of the-olinguistics.

Based on the analysis of the studies carried out in this area of linguistics, the possibility of using the linguoculturological principle in different types (semasiological, onomasiological) approaches to linguistic material is being studied.

It is established that the study of the language of the religious sphere in its conditionality of religious culture is very important. The course of analysis of linguistic material from the religious sphere requires linguocultural correction, which is understood as a complex of research activities. They lie in the fact that the researcher relies on knowledge of the facts of the culture of religion, which do not obscure the facts of the language, but help to reveal their essence.

Key words: language of the religious sphere, religious culture, semasiological approach, onomasiological approach, linguocultural analysis, linguocultural correction.

For citation: Meshcheryakova, O. A. (2023) Yazyk religioznoj sfery kak ob'ekt izucheniya sovremennoj lingvistiki [The Language of the Religious Sphere as an Object of Study of Modern Linguistics]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 128–144. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_128

References

1. Bugaeva, I. V. (2015) *Teolingvistika: teologiya + lingvistika?* [Theolinguistics: theology + linguistics?] *Yazyk i metod: Russkij yazyk v lingvisticheskix issledovaniyax XXI veka*. Red. D. SHumska, K. Ozga [Language and method: Russian language in linguistic studies of the XXI century. Ed. D. Shumska, K. Ozga] T. 2: *Lingvisticheskij analiz na grani metodologicheskogo sryva* [Vol. 2: Linguistic analysis on the verge of a methodological breakdown]. Krakov: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego Publ. Pp. 293–300. (In Russian).
2. Vereshchagin, E. M., Vomperskij, V. P. (1988) *Kak nachalos' iskusstvo knizhnogo slova na Rusi* [How the art of the book word began in Rus'] *Russkaya rech' – Russian speech*. № 6. Pp. 71–77. (In Russian).
3. Gadomskij, A. K. (2007) *Religioznyj yazyk – teolingvistika – yazykoznanie* [Religious language – theolinguistics – linguistics] *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya Filologiya – Uchenye zapiski Taurida National University*. V. I. Vernadsky. *Series Philology*. V. 20 (59). № 1. Pp. 287–292. (In Russian).
4. Gak, V. G. (1995) *Frazeofleksy v etnokul'turnom aspekte* [Phraseoreflexes in the ethnocultural aspect] *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*. № 4. Pp. 46–55. (In Russian).
5. Galieva, M. R. (2017) *Teolingvistika: stanovlenie, problemy i perspektivy* [Theolinguistics: formation, problems and prospects] *XIII Vinogradovskie chteniya. Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [XIII Vinogradov Readings. Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference]*. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet Publ. Pp. 34–38. (In Russian).
6. Zherebilo, T. V. (2010) *Slovar' lingvisticheskix terminov*. Izd. 5-e, ispr. i dop. [Dictionary of linguistic terms. Ed. 5th, rev. and additional]. Nazran': Pilgrim Publ. (In Russian).
7. Kolchina, O. N. (2010) *Semasiologicheskij i onomasiologicheskij podhody k izucheniju yazykovoj lichnosti* [Semasiological and onomasiological approaches to the study of linguistic personality] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Filologiya – Bulletin of the Nizhny Novgorod University*. N. I. Lobachevsky. *Philology*. № 3(1). Pp. 332–335. (In Russian).
8. Levickij, V. V., Sternin, I. A. (1989) *Eksperimental'nye metody v semasiologii* [Experimental methods in semasiology]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta. (In Russian).
9. Makarova, A. S. (2019) *Pravoslavnyj publicisticheskij diskurs v sovremennoj gumanitarnoj paradigme: otlichitel'nye cherty* [Orthodox publicistic discourse in the modern humanitarian paradigm: distinctive features] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im.*

N. I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky. № 4. Pp. 223–230. (In Russian).

10. Mal'sagova, M. I. (2011) *Teonimicheskaya leksika kak sistema (na materiale hudozhestvennykh tekstov)* [Theonymic vocabulary as a system (based on literary texts)]. Nazran': Piligrim Publ. (In Russian).

11. Mechkovskaya, N. B. (1998) *Yazyk i religiya: Posobie dlya studentov gumanitarnykh vuzov* [Language and Religion: A Handbook for Students of the Humanities]. Moscow: FAIR Publ. (In Russian).

12. Meshcheryakova, O. A., SHesterkina N. V. (2019) *Rol' kul'turnogo koda v semantike russkikh narodnykh zagadok o samovare* [The role of the cultural code in the semantics of Russian folk riddles about the samovar] *Art Logos – The Art of Word*. № 2 (7). Pp. 106–119. (In Russian).

13. Musorin, A. (2008) *Obshchie problemy izucheniya teonimicheskoy leksiki yazykov hristianskogo mira* [General Problems of Studying Theonymic Vocabulary of the Languages of the Christian World] *Rossijskie nemcy* [Russian Germans]. Novosibirsk. Pp. 221–230. (In Russian).

14. Panova, L. G. (2003) *Slovo «Bog» i ego znacheniya: ot ierarhii nebesnoj – k ierarhiyam zemnym* [The word "God" and its meanings: from the heavenly hierarchy to the earthly hierarchies] *Logicheskij analiz yazyka. Kosmos i kaos: konceptual'nye polya poryadka i besporyadka* [Logical analysis of language. Space and Chaos: Conceptual Fields of Order and Disorder]. Moscow: Indrik Publ. Pp. 404–414. (In Russian).

15. Senderovich, S. YA. (2019) *Figura sokrytiya: Izbrannye raboty. Tom 4: O drevnerusskoj pis'mennosti* [The Figure of Concealment: Selected Works. Volume 4: About Old Russian Writing]. Moscow: Izdatel'skij Dom YASK Publ. (In Russian).

16. Timofeev, K. A. (2001) *Religioznaya leksika russkogo yazyka kak vyrazhenie hristianskogo mirovozzreniya: monografiya* [Religious vocabulary of the Russian language as an expression of the Christian worldview: monograph]. Novosibirsk. (In Russian).

17. Toporov, V. N. (1995) *Rabotniki odinadcatogo chasa. «Slovo o zakone i blagodatii» i drevnekievskie realii* [Eleventh Hour Workers. "Word about law and grace" and ancient Kiev realities] *Toporov V. N. Svyatost' i svyatye v russkoj duhovnoj kul'ture* [Toporov V. N. Holiness and saints in Russian spiritual culture]. Moscow: Gnozis: SHkola «Yazyki russkoj kul'tury» Publ. T. I. Pervyj vek hristianstva na Rusi. Pp. 259–412. (In Russian).

18. Uzhankov, A. N. (1988) *Budushchee v predstavlenii pisatelej Drevnej Rusi XI–XIII vekov* [The future in the view of the writers of Ancient Rus' of the XI–XIII centuries] *Russkaya rech' – Russian speech*. № 6. Pp. 78–84. (In Russian).

19. YAkobson, R. O. (1975) *Gimn v Slove Ilariona o zakone i blagodatii* [Hymn in Hilarion's Word on Law and Grace] *The Religious World of Russian Culture. Russia and Orthodoxy*. The Hague: Mouton. V. II. Essays in Honor of Georges Florovsky. Pp. 9–22. (In Russian).

дата получения: 22.12.2022
дата принятия: 16.01.2023
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 22 December 2022
date of acceptance: 16 January 2023
date of publication: 30 March 2023

Е. А. Цуканов

Краткий курс пневматологии в романе Федора Достоевского «Идиот»

В статье репрезентируется идея того, что целостное и максимально адекватное представление о романе Достоевского «Идиот» у аналитика складывается лишь при учете пневматологического уровня данного сочинения. Речь идет, прежде всего, о базовой аллегории основного действующего лица романа, Льва Николаевича Мышкина, со Святым Духом, Параклетом-Утешителем, явившимся в мир с сотериологическим заданием. Данные глубинные интуиции автора, предположительно, имеют не вполне канонический характер, восходя к раннехристианскому гнозису Оригена Александрийского. Родственный тип спиритуализма обнаруживается также и в творчестве ренессансных мыслителей.

Ключевые слова: роман «Идиот», Дух, сознание, неопределенность, Бытие, Ничто, выбор, неразличение добра и зла, границы дозволенного.

Для цитирования: Цуканов Е. А. Краткий курс пневматологии в романе Федора Достоевского «Идиот» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 145–157. DOI 10.35231/25419803_2023_1_145

Потому, брат, дух...
Рогожин – князю Мышкину

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868 г.) по умолчанию является одним из сильнейших в идейном отношении произведений автора. В связи с этим в гуманитарной науке нет недостатка [2] в различных смысловых версиях-интерпретациях данного литературного шедевра, занимающего почетное место среди прочих классических памятников мировой художественной мысли. Одним из до-

минантных направлений герменевтического анализа романа «Идиот», разумеется, становится религиозная линия, логически вытекающая из поведения главного героя – князя Мышкина, чаще всего уподобляемого исследователями Христу, как идеал светской кротости и безропотного смирения. Однако, нам представляется, что расхожая аналогия Льва Николаевича со Спасителем, хотя и может быть признана по некоторым критериям вполне уместной, в то же время не является достаточно корректной. В рамках данной статьи будет сделана попытка пневматологической дешифровки текста произведения, что означает феноменологическое вскрытие имплицитно заложенных Ф. М. Достоевским в перипетии сюжета и богатую систему образов тонких интуиций на тему Духа Святого как главного побудителя разворачиваемых коллизий (с греч. πνεῦμα – дух).

Материалы и методы

Как известно, автор «Идиота» в процессе жизни регулярно испытывал приступы экзальтированного наития, экстаза, которые многие путали с эпилепсией как медицинским диагнозом, утилитарно поставленным врачами [3, с. 41]. Припадки случались регулярно и уже этот кейс выделял Ф. М. Достоевского на общем фоне литературной богемы XIX века. Современниками они могли читаться как свидетельство божией отмеченности или дар пророчества, но и то, и другое в контексте евангельской культуры толковалось тогда как связь с третьей ипостасью Пресвятой Троицы. Думается, что и сам писатель мучился проблемами собственной духовной неординарности, в работе и через работу постигая природу Параклета (с греч. – Утешитель, одно из имен Св. Духа).

Сразу стоит оговорить принципиальный момент: достоевщину вообще и каждое произведение Достоевского, в частности, не дозволительно признавать в качестве ортодоксально христианского православного нарратива. Эту особенность подметил еще Николай Бердяев, назвав творческий почерк писателя недопустимым «опытом прохождения через раздвоение и тьму» [1, с. 504]. С другой стороны, Константин Леонтьев в статье «О всемирной любви» [7, с. 412] причислял Достоевского к «розовым христианам», имея в виду выраба-

тываемое им сентиментально-легкомысленное, явно спекулятивное, разбавленное, лирическое христианство-лайт. То есть в значительной степени облегченный и, соответственно, деформированный вариант библейско-новозаветной доктринальности, сладенький жиденький сиропчик, настоянный на ней. Добавим, что действительно Достоевский всякий раз в своих фундаментальных вещах как бы добровольно и с удовольствием балансирует между каноном и ересью, углубляясь в такие глубины, которые имели бы право нарекаться, выражаясь языком Льва Карсавина, «глубинами сатанинскими» [5, с. 73–94]. Тем не менее, как бы то ни было, а писателя, серьезно аффектированного духовным инвентигейтерством, иногда доходящим до одержимого сталкерства, приходится оценивать согласно тем законам, которые он сам для себя признает или даже создает. В связи с чем уникально-пневматологическая позиция Достоевского должна быть, как минимум, подробно и в деталях дискрибирована с целью более глубокого понимания авторских установок сознания, для которых была характерна повышенная эксцентрика. В этом нам поможет метод АСТ (акторно-сетевой теории) Бруно Латтура [6], который при анализе данных принимает в расчет мельчайшие, едва регистрируемые флуктуации сути, исходящие из подчас самых невообразимых источников, обычно принимаемых за аутопоэтическую погрешность.

Результаты

Для порядка напомним общие контуры сюжета романа «Идиот», которые помогут разобраться в исследуемой проблематике. В Петербург из Швейцарии приезжает молодой аристократ по фамилии Мышкин, после чего светское общество российской столицы в буквальном смысле слова обретает состояние духоподъемной взбудораженности, теряя спокойствие и приступая к активному поиску Истины, выражаемому в получении навыков видеть то, что скрывалось доселе за завесой мнимой стабильности и рутины. Каждый герой романа благодаря князю открывает для себя и в себе подлинный расклад вещей, что зачастую бывает сопряжено с мучительными душевными терзаниями и признаниями. Мышкин способствует одному психическому перевороту

за другим, вынуждая уважаемых господ вокруг себя исповедоваться в пороках и преступлениях, тем самым очищая их духовно. Князь-одухотворитель умело пользуется в своей в общем-то священнической миссии услугами падшей женщины – Настасьи Филипповны, – которая многое пережила и «ужасно страдала» [4, с. 42]. Впрочем, именно Мышкин обеспечивает своей protegee скоропостижный летальный исход, что наводит на мысль о наличии какого-то неисчерпаемого и метаразностороннего спектра качеств данного героя, из которых соткана его противоречивая личность. Финалом истории становится возвращение Мышкина в Швейцарию, причем, важно сказать, что это именно горная часть страны: спуск князя с головокружительной альпийской кручи на грешную землю в прологе и обратный его подъем на божественную верхотуру в развязке словно намекают нам на не вполне человеческую роль данного субъекта действия.

О том, что Мышкин есть метафора самого Святого Духа, находим косвенные свидетельства у профильных специалистов в области богословской экзегетики, посвященной раскрытию тринитарных вопросов. Павел Флоренский, например, пишет, что «...все святые отцы и мистические философы говорят о важности идеи Духа в христианском мировоззрении, но почти никто не выясняет чего-либо отчетливого и решительного» [18, с. 113]. Почему же? Просто дело в том, что природа данной реальности, – ускользающая. Похоже, что Дух Святой есть принцип Неопределенности, в котором парадоксально заложено всё, – даже и то, что онтологически отсутствует. Почему Мышкин – это Параклет? Попробуем не торопясь порассуждать об этом. Во-первых, он всё понимает и всё прощает. Именно ВСЁ, в том смысле, что нет никакого греха, никакого мрачного закоулка человеческой психики, которые не вызвали бы у князя приступа умиления и нежности. Во-вторых, наш князь постоянно находится в ментальной полупозиции, формулируемой при помощи довольно уклончивой лексики, типа «не знаю», «не уверен», «с другой стороны», «впрочем», «однако», «хотя и...» и т.п. Пример – его ответ Аглае в момент их разговора с нею, посвященном перспективам возможного бракосочетания. Аглая задает резонный (вполне конкретный, определенный)

вопрос: «Позвольте же спросить вас, князь, если вы "питае-те такие намерения", то чем же вы именно полагаете составить мое счастье?» [4, с. 581], на который князь только мычит и мямлит нечто невнятное и невразумительное: «Я не знаю, право, Аглая Ивановна, как вам ответить; тут... тут что же отвечать? Да и... надо ли?» [4, с. 581]. В-третьих, Мышкин – круглый дилетант, что иллюстрируется ситуацией, когда Аглая выдвигает князю, читающему прессу, претензию: «Знаете ли, – сказала ему раз Аглая, прерывая газету, – я заметила, что вы ужасно необразованны; вы ничего хорошенько не знаете, если справляться у вас: ни кто именно, ни в котором году, ни по какому трактату? Вы очень жалки» [4, с. 586]. И это, в-четвертых, очевидно, подтверждение коммуникативного замешательства по-настоящему возвышенного и одухотворенного сердца, встретившегося с ситуацией необходимости делать четкий выбор. Оно не может предпочесть однозначность в связи с утратой одухотворенности в таком случае. Читателя подталкивают к принятию положения, что духовность человеческая есть непринужденное подражание Духу Святому, который, как известно, свободно «иде же хочет, дышит» (Ин. 3:8), то есть имеет обитель везде – и в черном, и в белом; и в грязном, и в чистом; и в высоком, и в низменном. Конкретно здесь князь, однозначно согласившись на брак с Аглаей, тут же терял бы возможность любить Настасью Филипповну. А он хочет любить их обеих, и даже более того, – любить всех, кого заблагорассудится. «Всё мне позволено, но не всё полезно» – звучит в дополнение к тайне действия Духа Святого обертон апостола Павла (1 Кор. 6:12). Если акцент не переносить на запретительную часть тезиса, получается, что делать разрешается вообще всё, потому что ВСЁ ведь – творение Божье. Однако ВСЁ есть в то же время и инверсивный аналог НИЧТО, поэтому и предупреждение об опасности – осторожно, «не всё полезно»!

Были ли у позиции Достоевского культурно-философские основания, вмещавшие приведенные, внешне несоединимые, крайности? Были. А. Ф. Лосев в «Эстетике Возрождения» называет Николая Кузанского, католического кардинала и оригинального мыслителя эпохи Ренессанса, разработчиком амбициозного учения о «сходстве проти-

воположностей», по некоторым параметрам роднящего его с «почти сатанистом» (sic!) Джордано Бруно [12, с. 88]. Из коего с необходимостью вытекает предположение, что у Бытия в приоритете не плюс или минус по отдельности, но напряжение, которое они создают фактом оксюморонного сотрудничества друг с другом. В данном разрезе ценно именно энергетическое поле, возникающее на пересечении и во взаимопереходе между ними. Нас искушают Бытием, которому фатально необходимо участие зла в конструировании жизненной динамики. Под стать Кузанскому также теория «двойной истины» Помпонацци, и даже учение о «восхождении форм» Бонавентуры [11, с. 166–167], в котором тот обосновывал откровенно юродский тезис поправки всякого категориального умствования в Духе и восхождения **supra se** (с лат. – выше себя) через буйное помешательство.

Еще раз: согласно Достоевскому, выходит, что мы оскорбляем-де Духа Святого тем и тогда, когда снижаем потенциал духовности до узкой щели «нельзя то», «нельзя это», когда табуируем наше поведение до мелочной установки «ты туда не ходи, ты сюда ходи». Не означает ли это, что так мы только путаем и подменяем духовность нравственностью? Дух захватывает всегда именно от того, что я в принципе со своей индивидуальной экзистенцией могу делать всё, что захочу: тогда через тревожный трепет поправки нормы мне открывается великий источник креативности. А когда лишь подчиняешься условным правилам, таланты неминуемо зарываются в землю? У Достоевского так. Дух – это прежде всего Дух Неопределенности! Он и Утешителем, видимо, именуется потому, что врачует раны пластырем небесного равнодушия и безразличия, которые могут считаться спутниками Неопределенности... Неопределенности, как представительницы благого Ничто в нашем материальном недо-мире. Душа того, кто жалеет (=понимает) всех, – ровно дышит в отношении любого поведенческого императива. Не в этом ли, по Достоевскому, тайна непостижимой любви к врагам? Чуткое ухо услышит здесь переключку с гениальным, но мутным Тарковским. «Тоже мне грешники», – сокрушается его кинематографический Андрей Рублев, стоящий перед необходимостью нарисовать душераздирающую сцену Страшного Суда,

но не может. Руки не пишут эту «мерзость», потому как для Бога даже самое зверское убийство – шалость ребенка, который не ведает, что творит. «Memento mori», – это, разумеется, про Него, однако же и то, что «Он – Бог не мертвых, но живых» (Лк. 20:38) должно братья в расчет. Иными словами, смерти в данной философской оптике попросту нет. Потому Бог и прощает своих палачей на кресте. И отпускает им. Потому на настоящих иконах мучители не имеют остервенелых лиц, будучи частью преображенной Духом действительности [17, с. 188]. Все обречены на радостную и горячую встречу в Вечности. Всем гарантирован итоговый Праздник.

Настоящая Неопределенность есть *дар неразличения*, в каком-то смысле, – *дар незнания!* По данной логике Дух Святой должен быть ярим антагонистом всякого рода незыблемых и твердых классификаций. Дух горяч и мобилен: его не привяжешь к какой-то системе координат, потому как он Животворен! В этом плане духовно обделенными выглядят, к примеру, гностики с их громоздкими застывшими схемами бесконечных эонов как бы умерщвляющих живое и огнедышащее Бытие, пригвождая его к отвлеченной таксономии. Гностицизм прочно приколачивает к школьной доске свои непреложные аксиомы: все устроено только так, и никак иначе. Мир, дескать, это всего-то 365 элементов-эманаций и точка в конце [13, с. 146]. Но ведь сохраняющий пульсацию универсум каждый день, каждый час и каждую секунду подвержен изменениям и трансформациям. И то, что вчера еще было злом, сегодня пролило слезы раскаяния и, как апостол Павел, встало в строй добра. И наоборот. В одну реку нельзя ведь вступить дважды. Такая сложная нюансировка присутствует в богословском творчестве Оригена Александрийского, предположившего еще в III веке, что Бог настолько благ и любвеобилен, что в Его хозяйстве в случае покаяния даже дьявол спасется [13, с. 130]. И если рассмотреть творчество Достоевского с этого ракурса, то оно несомненно окажется пропитанным интенциями анафематствованного оригенизма.

Данные рассуждения в своей крайней форме в состоянии, как будто бы даже, подорвать и авторитет всей современной цивилизации, выстроенной на педантичной точно-

сти и строгости научных знаний: любой объект здесь вписан в жесточайшую метрическую систему, ему присвоен уникальный кадастровый номер, соответствующий координатам широт и долгот. Но получается, что именно этот неотъемлемый фундамент строгих научных знаний свидетельствует о бездуховности нашей цивилизации, связанной по рукам и ногам определенными консенсусными величинами. Есть во всем этом система, – сказал бы, наверное, Достоевский, но нет жизни. Не потому ли такие физики, как Альберт Эйнштейн с его теорией Относительности, Нильс Бор с принципом Дополнительности, Вернер Гейзенберг с принципом Неопределенности, как-то слабо вписываются в устоявшийся эталон науки как таковой. Они, скорее, – представители анти- и контрнауки, т.к. взрывают ее затвердевшую кору изнутри, как бы говоря о том, что общеизвестные знания – лишь для отвлечения внимания простаков. Какой прок человеку от того, что он знает теперь, что чайник кипит при температуре 100 градусов по Цельсию, а Духа Святого утратил, не простираясь дальше этой стандартизированной рамки? За пределами же заученного сциентизма может быть распростерта бездна неведомого, от которой нас только чайник и заслоняет. Подобный взгляд на науку напоминает концепцию хинтерланда Джона Ло, постулировавшего, что за фасадом хорошо структурированных и отфильтрованных знаний в запасе всегда таится нечто еще. Наподобие замаскированных резервных армий [8, с. 323–327].

Казус Мышкина дает, кстати, возможность по-новому интерпретировать хрестоматийный феномен Буриданова осла. Несчастное животное, как известно, умерло от того, что не смогло определиться с выбором какого-то одного варианта отскриданного сена. Но ведь настоящий Дух никогда не дает выбора, он его прямо-таки запрещает, антиномично вмещая в поле своего действия все противоположности! ВСЕ! И ЛЮБЫЕ! Духовный иерофант, как мы помним на примере князя (который позиционируется парадоксальной фразой «и хорош, и дурен» [4, с. 627] сразу), бессилен перед выбором (англ. impotent). Выбор есть маркер обывательщины, а Буриданов осел, очень может стать, – не менее важный символ инфернального всемогущества Параклета.

Удивительно, как в описываемую модель функционирования Духа укладывается публичное поведение некоторых современных одиозных политиков, обязанное по законам элементарной логики быть признанным абсурдом. Но неопределенные по своему смыслу речевые обороты Виталия Кличко, наподобие «в завтрашний день смотреть могут не только лишь все»¹, или же перлы от Аннылены Бербок о «необходимости разворота России на 360 градусов»² также достойны рассмотрения в рамках данной темы. Антиномическое желание указанных спикеров как бы усидеть на двух стульях и стянуть в единый узел противоположные и взаимоисключающие позиции, с одной стороны, рождает шизофренический дискурс расколотости сознания, но с другой – именно это и дает Кличко с Бербок возможность за счет тотальной неубедительности продолжительное время занимать ответственные должности, ибо избирателям остается только догадываться, что на самом деле у амбивалентно одаренных фриков в голове.

Давно подмечено [9, с. 275–276], что сумасшедшим в любой, даже самой драматической ситуации, математически всё равно. Из чего, постигая Достоевского, можно сделать эпатажный вывод, что они, как ни странно, ближе к Духу, который также божественно безразличен. Об этом учил Анаксимандр, обосновывая концепцию аморфно-беспредельного апейрона [12, с. 99], и, судя по всему, знал Ницше, употребляя на закате дней собственную урину [16, с. 315]. В свете всепримиряющей Вечности – что воля, что неволя, что добро, что зло, что ум, что глупость, – не важно. Не потому ли мы часто в истории проигрывали нашим бывшим «западным партнерам», для которых «война – это мир, свобода – это рабство, незнание – сила» [14, с. 99]? И лишь в короткие мгновения истории, когда терпеливые русские бывают в состоянии возвыситься до метафизического безразличия атлантистов, они, отбросив любые рамки приличия, входят в Берлин или Париж. Аффективный, бескачественный апейрон как драйвер победы и лидерства? Побеждает, по традиции, мировоззренческая безбрежность, то есть центр силы, утративший очертания объектов? Кто ни-

¹ Кличко издал сборник своих цитат // ТАСС. Электронный ресурс. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10104995> (дата обращения: 12.10.2022)

² Пушков назвал позором слова Бербок о повороте России на 360 градусов // REGNUM. Электронный ресурс. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3781876.html> (дата обращения: 12.10.2022).

чего не теряет, так как, в сущности, ничего и не ищет. Не в этом ли урок Достоевского? В Неопределенности и Приблизительности – нирваническое Совершенство. Но как только в дело вступает Точность и Выверенность, Ясность и Четкость, ВСЁ распадается, низводясь до статуса чего-то отдельного от Совершенства. Рациональная Трезвость, Мера, Расчет есть всего лишь обрезы и осколки Единого Бытия. Такой вывод напрашивается из беспристрастного ознакомления с экстремальными идеями Достоевского.

Обсуждение и выводы

В заключение приведем еще одну весьма показательную цитату из романа «Идиот». «...ничему не удивляться, говорят, есть признак большого ума», – провокационно заявляет князю Мышкину большой чахоткой Ипполит. Существующая философская традиция позволяет усматривать в уме (греч. нус) плацебо Духа [11, с. 175], которому априори известно всё, включая немислимое. Мир, не загнанный силой в клетку лимитированного познания, беременен любыми процессами и событиями. В потенции здесь возможно абсолютно всё, что автоматически отключает опцию удивления. В подлинном Бытии нет невозможных вещей, иначе это какое-то усеченное Бытие, вернее, – бытие с маленькой буквы. Князь Мышкин, по замечанию Евгения Павловича Радомского, еще одного героя анализируемого произведения, был наделен «феноменальным отсутствием чувства меры» [4, с. 656] и именно это качество, очевидно, вызывало повышенную симпатию и интерес Достоевского, не прекращавшего в течение жизни попыток преодоления границ дозволенного.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. – М.: Э, 2016. – 512 с.
2. Борисова В. В. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: история и типология понимания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2018. – № 4. – С. 194–200.
3. Гроссман Л. П. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 1965. – 605 с.
4. Достоевский Ф. М. Идиот. Роман в четырех частях // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в десяти томах. – М.: Государственное

издательство художественной литературы, 1957. – Т. 6. – 736 с. Все цитаты приводятся по этому изданию.

5. Карсавин Л. П. Глубины сатанинские (Офиты и Василид) // Карсавин Л. П. Сочинения. – М.: Раритет, 1993. – С. 73–94.

6. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей: сборник статей. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 199–222.

7. Леонтьев К. О всемирной любви // Храм и Церковь. – М.: АСТ, 2003. – С. 389–426.

8. Ло Джон. После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Институт Гайдара, 2015. – 352 с.

9. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 406 с.

10. Лосев А. Ф. Нус // Лосев А. Ф. Словарь античной философии. – М.: Мир идей; АКРОН, 1995. – С. 172–179.

11. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1978. – 623 с.

12. Мотрошилова Н. В. Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

13. Ориген. О Началах // Ориген. О Началах. Против Цельса. – СПб.: Библиополис, 2008. – С. 35–402.

14. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе. – М.: Пушкинская библиотека; АСТ, 2003. – С. 95–338.

15. Поснов М. Э. До-христианский гностицизм // Гностики или о «лжеименном знании». – Киев: УЦИММ; ПРЕСС-ИСА, 1996. – С. 125–170.

16. Придо С. Жизнь Фридриха Ницше. – М.: КоЛибри; Азбука Аттикус, 2020. – 400 с.

17. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Издательство Братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. – 656 с.

18. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. – М.: АСТ, 2003. – 640 с.

Evgeny A. Tsukanov

A Short Course in Pneumatology in Fyodor Dostoevsky's Novel "The Idiot"

The article represents the idea that an analyst develops a holistic and an adequate idea of Dostoevsky's novel "The Idiot" only when the pneumatological level of this essay is taken into account. We are talking, first of all, about the basic allegory of the main character of the novel, Lev Myshkin, with the Holy Spirit, Paraklet-Comforter, who appeared in the world with a soteriological task. These deep intuitions of the author, presumably, are not entirely canonical in

nature, dating back to the early Christian gnosis of Origen of Alexandria. A related type of spiritualism is also found in the work of Renaissance thinkers.

Key words: novel "The Idiot", Spirit, consciousness, uncertainty, Being, Nothing, choice, indistinguishment of good and evil, boundaries of what is allowed.

For citation: Tsukanov, E. A. (2023) Kratkij kurs pnevmatologii v romane Fedora Dostoevskogo "Idiot" [A Short Course in Pneumatology in Fyodor Dostoevsky's Novel "The Idiot"]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 145–157. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_145

References

1. Berdyaev, N. A. (2016) *Russkaya ideya. Mirosozercanie Dostoevskogo* [Russian idea. Dostoevsky's worldview]. Moscow: E Publ. (In Russian).
2. Borisova, V. V. (2018) *Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»: istoriya i tipologiya ponimaniya* [The novel by F. M. Dostoevsky "Idiot": history and typology of understanding] *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal – Dostoevsky and world culture. Philological journal*. № 4. Pp. 194–200. (In Russian).
3. Grossman, L. P. (1965) *Dostoevskij* [Dostoevsky]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).
4. Dostoevskij, F. M. (1957) *Idiot. Roman v chetyrekh chastyah* [Idiot. A novel in four parts] Dostoevskij F. M. *Sobranie sochinenij v desyati tomah*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. Vol. 6. Vse citaty privodyatsya po etomu izdaniyu. (In Russian).
5. Karsavin, L. P. (1993) *Glubiny sataninskie (Ofity i Vasilid)* [Satanic Depths (Ophites and Basilides)] Karsavin L. P. *Sochineniya* [Karsavin L. P. Works]. Moscow: Raritet Publ. Pp. 73–94. (In Russian).
6. Latur, B. (2006) *Gde nedostayushchaya massa? Sociologiya odnoj dveri* [Where is the missing mass? Sociology of one door] *Sociologiya veshchej: sbornik statej* [Sociology of things: a collection of articles]. Moscow: Territoriya budushchego. Pp. 199–222. (In Russian).
7. Leont'ev, K. (2003) *O vseмирnoj lyubvi* [About universal love] *Hram i Cerkov'* [Temple and Church]. Moscow: AST Publ. Pp. 389–426. (In Russian).
8. Lo, Dzh. (2015) *Posle metoda: besporyadok i social'naya nauka* [After Method: Disorder and Social Science]. Moscow: Institut Gajdara. (In Russian).
9. Lombrozo, CH. (2006) *Genial'nost' i pomeshatel'stvo* [Genius and insanity]. Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russian).
10. Losev, A. F. (1995) *Nus* [Nus] Losev A. F. *Slovar' antichnoj filosofii* [Losev A. F. Dictionary of ancient philosophy]. Moscow: Mir idej; AKRON. Pp. 172–179. (In Russian).
11. Losev, A. F. (1978) *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
12. Motroshilova, N. V. (1991) *Rozhdenie i razvitie filosofskih idej: Istoriko-filofskie ocherki i portrety* [The Birth and Development of Philosophical Ideas: Historical and Philosophical Essays and Portraits]. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian).

13. Origen (2008) *O Nachalah* [About the Beginnings] Origen. *O Nachalah. Protiv Cel'sa* [Origen. About Beginnings. Against Celsus]. St. Petersburg: Bibliopolis Publ. Pp. 35–402. (In Russian).

14. Oruell, Dzh. (2003) 1984 [1984] *Orwell. J. Skotnyj dvor. 1984. Pamyati Katalonii Esse* [Orwell. J. Animal Farm. 1984. In memory of Catalonia. Essay]. Moscow: Pushkinskaya biblioteka; AST Publ. Pp. 95–338. (In Russian).

15. Posnov, M. E. (1996) *Do-hristianskij gnosticizm* [Pre-Christian Gnosticism] *Gnostiki ili o «lzheimennom znanii»* [Gnostics or about "false knowledge"]. Kiev: UCIMM; PRESS-ISA Publ. Pp. 125–170. (In Russian).

16. Prido, S. (2020) *ZHizn' Fridriha Nicshe* [Life of Friedrich Nietzsche]. Moscow: KoLibri; Azbuka Attikus Publ. (In Russian).

17. Uspenskij, L. A. (1997) *Bogoslovie ikony Pravoslavnoj Cerkvi* [Theology of the icon of the Orthodox Church]. Pereslavl': Izdatel'stvo Bratstva vo imya svyatogo knyazya Aleksandra Nevskogo. (In Russian).

18. Florenskij, P. (2003) *Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoj teodiceii* [The Pillar and Ground of Truth: An Experience of Orthodox Theodicy]. Moscow: AST Publ. (In Russian).

дата получения: 04.12.2022
дата принятия: 23.12.2022
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 04 December 2022
date of acceptance: 23 December 2022
date of publication: 30 March 2023

ОБЗОРЫ
И РЕЦЕНЗИИ

Н. К. Данилова

XXI век об «Анне Карениной»

Рецензия на книгу: Басинский П. В. Подлинная история Анны Карениной. — М.: АСТ, редакция Елены Шубиной, 2022. — 384 с.

Статья представляет собой краткий отзыв о книге П. Басинского, посвящённой известному роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина». П. Басинский, не претендуя на окончательные суждения, пытается прикоснуться к загадке великой книги. В исследовании собраны реалии из истории, культуры, социальной жизни России второй половины XIX века, а также из личной и семейной жизни писателя. Весь привлечённый материал позволяет найти новые оттенки смыслов текста, но не ставит точки в этих толкованиях. Также автор размышляет о взаимосвязи жизни и искусства, об особенностях творческого процесса.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, роман «Анна Каренина», литературная критика.

Для цитирования: Данилова Н. К. XXI век об «Анне Карениной» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 160–166. DOI 10.35231/25419803_2023_1_160

В 2022 году в издательстве АСТ вышла книга известного писателя Павла Басинского «Подлинная история Анны Карениной», которая была отмечена премией «Большая книга» и довольно скоро стала бестселлером. В критических откликах жанр её определялся как биография, путеводитель по роману, комментарий и даже филологический детектив.

Исследование адресовано не литературоведам, а широкому кругу читателей. Автор сразу оговаривает, что выступает не как писатель, а как читатель, пытающийся раскрыть

или хотя бы приблизиться к постижению загадки удивительного романа, который так играет разными смыслами, что возникает ощущение многих текстов в одном. П. Басинский привлекает многочисленные факты из русской жизни второй половины XIX века, эпизоды из семейной жизни Л. Толстого, его дневников, переписки и, наконец, сам текст романа. Но комментарием и пояснением не ограничивается. Постоянно возникает вопрос о соотношении действительности и искусства. Грань оказывается очень тонкой, можно ли понять одно через другое?

Что значит подлинная история? Это единственно верное толкование? Или достоверные события, легшие в основу книги? Или может, бытование самого романа и история его восприятия читателями?

Начинается размышление как раз с исторического факта – упоминания о некоей Анне Пироговой, бросившейся под поезд после измены возлюбленного. Именно это событие, по мнению П. Басинского, породило самый сильный финал любовной истории, перед которым меркнут все остальные. Сравнивая детали поведения реальной женщины и толстовской героини, он находит значительные повторы, подтверждающие, с его точки зрения, что Л. Толстой создавал роман под влиянием этой истории. Более того, могила Анны Пироговой объявляется могилой подлинной Анны Карениной (в Приложении помещена фотография могилы).

Далее приводится уже традиционное сопоставление толстовского романа с «Госпожой Бовари» Г. Флобера и делается вывод о значительной разнице произведений и о том, что личность русского автора не исчерпывается его произведениями. Да и содержание его романа не «очевидно», то есть не поддаётся единственному толкованию, при перечитывании у читателя возникают разные версии причин поступков героев.

Далее в главе «Предчувствие романа» речь идёт о том, как странно, мучительно, порой неожиданно для самого Л. Толстого вызревал роман. П. Басинский считает, что «Анна Каренина» – абсолютно не характерный для Толстого 1870–х годов роман. Можно согласиться с этим утверждением в том смысле, что писатель не обращался прежде к этому жанру. Здесь мы видим первый пример романа подобного

рода. Но следующее утверждение поражает публицистической смелостью формулировок. Басинский пишет, что автор, как и его героиня, совершает измену (подчёркнуто!) по отношению к предыдущему творчеству, и что эмоциональные восклицания Толстого это подтверждают. Делается вывод: всё, чем занимался Толстой в это время, как-то входит в роман, например, блеск глаз Петра Первого из ненаписанного произведения подарен Анне Карениной.

Следующий предмет интереса – широко известный пушкинский отрывок «Гости съезжались на дачу», здесь он назван «эмбрионом» толстовского текста. Говорится о том, что из пушкинского отрывка заимствовано доминирование женского характера над мужским. В первом черновом варианте Толстого сочувствие вызывает муж. В окончательном варианте всё становится намного сложнее, герои проявляются неожиданно и временами непонятно. По замечанию П. Басинского, даже Вронского удивляет ненависть Анны к Каренину.

Главным движением в работе над романом названо движение от собственно романа к жизни. Левин и Кити (их не было в раннем варианте), Стива и Долли – это сама жизнь в её непридуманности. У Толстого гости съезжаются хаотично, время течёт произвольно, то медленно, то несётся с бешеной скоростью, так, по мысли исследователя, создаётся новый тип романа.

Далее автор комментирует отдельные детали первоначальных вариантов, в частности, заглавие «Молодец баба», видя в нём не только иронию, но и, например, мужицкий взгляд на происходящее. Правда, тут же допускается произвольность этих формулировок. Особое внимание Басинского привлекает знаменитая первая фраза романа о счастливых и несчастных семьях. Он как читатель размышляет о сложностях устройства жизни, изображённой в «Анне Карениной», о том, почему влюбчивый Стива чувствует себя счастливым, а добродетельный Левин – нет, почему так нелогично поведение героев. В данном случае с автором как читателем можно согласиться. Его выводы не претендуют на строгие научные заключения.

Следующий предмет внимания – герои и их возможные прототипы, даже просто отдельные житейские ситуации

и переживания семьи Толстых, из которых могли вырасти те или иные поступки и эмоциональные состояния персонажей. Сначала речь идёт о Марии Гартунг, самом известном прототипе Анны Карениной. Более того, стареющая одинокая Гартунг, реальный человек, становится в глазах П. Басинского одним из носителей подлинной истории Анны Карениной. Далее внимание переключается на Марию Николаевну Толстую, родную сестру писателя. Её тяжелая жизнь с развратным мужем, незаконнорождённая дочь, скитания, стыд и уход в монастырь также могли стать почвой для романной истории. Но нас призывают к другому размышлению: если так трудно однозначно оценить поступки Марии Николаевны Толстой, то, может, не стоит беспрекословно осуждать Каренину: «у обеих женщин не было пути ни назад, ни вперёд». Психологически понятный ход, но вряд ли пример жизни поможет читателю сориентироваться в перипетиях текста.

Глава «Язык танца» посвящена сцене бала. Не претендуя на оригинальность, П. Басинский излагает правила бала и поведения на балу, значения танцев. С точки зрения отношений между мужчиной и женщиной, главный танец – мазурка (два часа в задаток счастья всей жизни). Это то, чего не дождалась Кити, но получила Анна. Именно здесь впервые в облике героини мелькают бесовские черты. А финалом мазурки станет гибель.

Любопытно комментирует автор поезд, встречу героев. Поезд – место, где меняется героиня, входит одним человеком, выходит другим. Замечена важная деталь: на руке у неё красный мешочек – тот, который она отбросит в сторону в момент гибели.

Меньше удался анализ образа Вронского, одним из главных качеств которого П. Басинский считает отсутствие опыта семейной жизни, поэтому якобы он в глазах Анны – мальчик.

Далее идёт очень подробное изложение истории скачек, проводившихся в Красном Селе с 1872 года. Проводится немало странная параллель между Кити на балу и Карениным на скачках (сходны страдания обоих из-за Анны). И опять глава заканчивается апелляцией к финалу: здесь погибла из-за сломанной спины Фру-Фру, а потом погибнет героиня.

Каренин назван самым сложным (после Анны) героем романа. Характеризуя Каренина и негативную реакцию Анны на него, автор приходит к выводу, что герой ведёт себя достойно, а героиня ненавидит его не за то, что он «злая машина», а за то, что добрый и хороший человек. Каренин, по мысли автора, слаб, порой смешон и трогателен. Неожиданны сравнения Каренина с Акакием Акакиевичем: страдания от потери Анны как страдания от потери шинели.

Намного слабее выглядят предположения о ранних годах Каренина, его семейных интересах, они не вытекают прямо из текста произведения, но, очевидно, возможны как читательские толкования. И в конце главы названы традиционные прототипы героя, из числа которых исключён Победоносцев. Правда, тут же автор с иронией добавляет, что разбираться в таких прототипах непродуктивно, ибо обманутых мужей намного больше, чем женщин, бросившихся под поезд. Далее следуют размышления о сложностях бракоразводных процессов, о том, что никакой вариант не может устроить героев и главное изумление: как неожиданно и противоречиво проявляется человек в такой ситуации. Опять симпатии пишущего достаются Алексею Каренину, а не Анне.

Подробно комментируя пребывание героев в Италии, П. Басинский делает интересные замечания относительно Вронского. Впервые отмечают его достоинства: он благороден в отношении к любимой женщине и готов пожертвовать ради неё всем, даже честью. Именно в Италии Вронский начинает скучать с Анной. По мнению автора, у Вронского остаётся только обязанность перед женщиной, но не любовь. Для Анны это более оскорбительно, чем зависимость от Каренина.

Особенности светской жизни раскрываются на примере Бетси Тверской. Она второстепенный персонаж, но её влияние на судьбу главных героев велико. Ложа в театре для Анны – тоже подарок Бетси. Анна в театре почувствует себя отверженной.

Лидия Ивановна на свой лад тоже влияет на других. Она считает себя устроителем чужих судеб в правильном духе. Анна прежде не замечала этого, а поняла её фальшь только по возвращении из Москвы. П. Басинский отмечает, что

Лидия Ивановна оказалась проницательным психологом, она поняла Каренина намного лучше, чем Анна. По мнению автора, истинное отношение Лидии Ивановны к Анне объясняется тем, что она ревнует, так как Анна представляла собой такой женский образ, о котором втайне мечтала Лидия Ивановна. Тем не менее, она достигает своей цели, унизив Анну письмом с отказом в свидании с сыном. Деформация Анны, считает автор, – прямой результат «христианской» активности Лидии Ивановны.

И, наконец, мать Вронского, которую П. Басинский считает виновницей сумасшествия Анны. В том, как Толстой выстраивает образ этой героини, он видит много параллелей с событиями и впечатлениями молодости писателя, здесь приводятся выдержки из дневников Л. Толстого, то есть образ как будто взят из самой жизни.

В завершающей главе речь идёт о смерти героини. Исследователь приводит большие отрывки из текста романа, подробно комментирует действия героев, пытаясь, с одной стороны, дать объяснения их противоречивым эмоциям и поступкам, безусловно, сочувствуя им. С другой стороны, сам признаётся, что искать разумное обоснование невозможно.

В качестве итога высказывается мысль, что романом «Анна Каренина» заканчивается прежняя жизнь Льва Толстого, до его духовного переворота, и начинается другая жизнь, «в которой мы тоже до сих пор не можем до конца разобраться...» Вывод сделан о жизни, а не о романе. Опять мы видим удивительную взаимосвязь и взаимопроникновение действительности и искусства.

Далее в книге следуют приложения. Первое – «Об отражении жизни в "Анне Карениной". Из воспоминаний Сергея Львовича Толстого». Автор вновь пытается дополнить известные факты и реалии, на которых вырос роман, известными ему подробностями. Среди них выстраиваются линии прототипов, появление имён и фамилий, происхождение отдельных эпизодов. Приложение, по сути, является традиционным комментарием. Второе приложение – «Писатели, актёры, режиссёры о романе». Здесь представлены высказывания об «Анне Карениной» самых разных личностей от И. С. Тургенева до Киры Найтли. И в завершение

опубликованы фотографии реальных людей XIX века и кадры из экранизаций.

Отдадим должное П. Басинскому: его книга достигла серьёзной цели, она пробудила интерес широкой читательской публики к шедевру русской классики.

Natalya K. Danilova

XXI century about "Anna Karenina"

Book review: Basinsky, P. V. (2022) The True Story of Anna Karenina. Moscow: AST Publ., Elena Shubina's edition.

The article is a brief review of the book by P. Basinsky dedicated to the famous novel by L. N. Tolstoy "Anna Karenina". P. Basinsky, without pretending to final judgments, tries to touch the riddle of the great book. The study collected realities from the history, culture, social life of Russia in the second half of the 19th century, as well as from the personal and family life of the writer. All the material involved allows us to find new shades of meanings of the text, but does not put an end to these interpretations. The author also reflects on the relationship between life and art, on the features of the creative process.

Key words: Leo Tolstoy, novel "Anna Karenina", literary criticism.

For citation: Danilova, N. K. (2023) XXI vek ob "Anne Kareninoj" [XXI century about "Anna Karenina"]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 160–166. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_160

дата получения: 01.12.2022
дата принятия: 21.12.2022
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 01 December 2022
date of acceptance: 21 December 2022
date of publication: 30 March 2023

О. А. Мещерякова

«Человек в языке»: о словаре собственных имен М. Л. Ковшовой

Рецензия на книгу: Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. – М.: Ленанд, 2019. – 352 с.

В данной статье представлен отзыв на «Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» М. Л. Ковшовой. Анализируется опыт лексикографической антропонимики с позиций лингвокультурологии.

Ключевые слова: антропоним, паремия, идиома, лексикографическая антропонимика, лингвокультурология.

Для цитирования: Мещерякова О. А. «Человек в языке»: о словаре собственных имен М. Л. Ковшовой // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 167–175. DOI 10.35231/25419803_2023_1_167

Антропоцентрический вектор, который определяет внимание к «человеку в языке» (Э. Бенвенист), прочно закрепился в современной лингвистике. Среди многообразия тем этой парадигмы знания особое место занимает антропонимика – наука о личных именах, фамилиях, отчествах, прозвищах людей. Имени уделяют много внимания не случайно, ведь с ним связывают начало духовного «рождения» человека.

Интерес к антропониму многосторонен, что проявляется в изучении ряда проблем. В эпоху глобальной цифровизации с именем может быть связана динамика изменения языко-

вого вкуса и языковой моды [4], отсюда вполне закономерное изучение недавно появившегося антропонимического раздела, обращенного к «никнеймам» и «селфонимам» [3], в том числе – их контрастивный анализ в разных языках в рамках интернет-лингвистики [6].

Но все новоявленное нельзя понять и объяснить без обращения к тому, что в антропонимическом реестре нарабатывала традиционная культура каждого народа и – особенно – что она из этого реестра закрепила за узусом языка, за фольклорной паремией. Именно поэтому нам представляется весьма значимым «Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» М. Л. Ковшовой (в тексте рецензии называемый нами «Словарь». – О. М.).

Примечательно уже то, что публикация была осуществлена при поддержке Российского научного фонда «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук». Это представляется нам знаковым явлением, потому что, действительно, разработки подобного рода требуют объединения усилий языковедов (лексикологов, фразеологов, внимательных к имени в антропонимической системе языка) и фольклористов (основательно изучающих загадку и пословицу – малые жанры русского устного народного творчества). Но у этой книги автор один – Мария Львовна Ковшова, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН Российской Федерации, доктор филологических наук, член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов.

Некоторые структурные и содержательные особенности «Словаря» уже были освещены в реферативном журнале¹.

Сам автор в последующем за изданием публикации говорит о возможности посредством словаря соединить теоретические изыскания в области антропонимики с ее практическими потребностями [2, с. 131].

Мы же хотели рассмотреть опыт антропонимического лексикографирования в русле лингвокультурологии. Это направление требует своего пояснения, потому что еще до кон-

¹ Трошина Н. Н. 2020. 01. 020. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. – М.: Ленанд, 2019. – 352 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2020. №1. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2020-01-020-kovshova-m-l-slovar-sobstvennyh-imen-v-russkih-zagadkah-poslovitsah-pogovorkah-i-idiomah-m-lenand-2019-352-s>. (дата обращения: 01.10.2022)

ца не осознаны границы этого нового научного вектора в их соотношении с этнолингвистикой и другими дисциплинами как антропоцентрической, так и структурной лингвистики.

Возможность использования лингвокультурологического подхода при работе со словарем определяется уже тем, какие источники были использованы автором «Словаря».

Человек широкой эрудиции в области фразеологии, Ковшова, имея «личную картотеку составителя» [1, с. 56], тем не менее осуществила кропотливый труд в изучении огромного количества источников, ставших «поставщиками» материала – загадок, пословиц, поговорок и идиом. Так, в «основном» арсенале ученого при работе с корпусом идиом оказались в «одной упряжке» труд знаменитого собирателя и толкователя русской фразеологии Российской империи М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний (в двух томах)» и Национальный корпус русского языка, а также печатные труды современников и коллег, изданные в конце XX – начале XXI века, в целом же, «перечисление словарей могло бы составить отдельную брошюру» [1, с. 56]. Данный подход, построенный на объединении источников, разноплановых по времени и техническим возможностям, обогащает «Словарь», позволяет собрать, с одной стороны, множество вариантов имени, с другой стороны, обратить внимание на его использование в речи людей разных поколений. Об этом, к примеру, свидетельствует словарная статья с заголовочным рядом (а не словом!) **МАТВЕЙ, МАТЮХА, тюха-матюха (Матвей)** и соответствующим этому ряду несколькими зонами вокабулы (основным определяющим словом или словосочетанием), зонами функционально-стилистических помет, зонами толкования и, наконец, зонами примеров употребления [1, с. 486–487]:

Спеть Матвея кому. Обл. – ‘Выругать, отчитать’.

тюха да матюха что. Прост. – ‘Оплошность, глупость’. – Вроде бы опытный подрыльник, а такую *тюху-матюху* упорол! Василь Быков. Круглянский мост (Василь Быков, 1969).

Тюха, Матюха <Тюха да Матюха; Тюха с Матюхой; тюха-митюха>, <да; и> Колупай <колунай> с братом <братьями> <и кляп собачий>. Прост. Ирон. – ‘Случайное сборище незначительных людей, сброд’.

Собрались Тюха, Матюха да Колупай с братом и опять думаете на дармовщинку прожить! [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)]. Собрались в артели Тюха с Матюхой, Колупай с братом – вот теперь и трещит всё по швам... [А. И. Мусатов. Земля молодая (1960)]. Там сандалии, там «хром», там в углу засели Тюха да Матюха и Колупай с братьями, едут к какой-то «сватье» за сахарной самогонкой. [М. М. Пришвин. Дневники (1923)]. Подобрались Тюха да Матюха да колупай с братом, а ты, я вижу, настоящий... [С. Т. Семёнов. Брюханы (1905)]. – Ведь это вам не *тюха-митюха* и не *кляп собачий*, а его высокоблагородие господин полковник. [Артём Весёлый. Россия, кровью умытая (1924–1932)].

тюха-матюха <Тюха-матюха> кто. Прост. – ‘Простоватый, неловкий, нерасторопный человек (о мужчинах)’. – Простите, Владыка, но я и предположить не могла, что мой Митя, *тюха-матюха* не от мира сего, может хоть в чём-то преуспеть (она вполне могла так сказать, ей всегда доставляло удовольствие любой свой просчёт вымещать на мне), тем более за столь короткий срок выбиться в поэты, чтобы уже и фигурировать в школьной программе за Александром Твардовским. [Виктор Слипечук. Зинзивер (2001)]. – Что, *тюха-матюха*, жизни не хочешь радоваться? [Олег Павлов. Дело Матюшина (1996)]. Почему же мужчина, на которого свалились женские заботы, должен непременно превратиться в *тюху-матюху*? ... Репутация *тюхи-матюхи* сложилась Володи на том основании, что его привыкли видеть бегущим с хозяйственной сумкой в магазин или на базар, развешивающим бельё во дворе своего дома, причём мокрый фартук выдавал, что стиркой занимался не кто иной, как он сам... [Ирина Стрелкова. Похищение из провинциального музея (1980)]. А этот *тюха-матюха*: приказали – есть, будем исполнять. [Василь Быков. Пойти и не вернуться (Василь Быков, 1979)]. Хотя бы научился входить в рестораны не как *тюха-матюха*, есть и пить без солдатской жадности, кутить, не жалея червонцев... [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)]. – Читал газету за десятое число?.. – Нет. А что? – Что, что! Вот уж *тюха-матюха*. Земля перевернётся, а ты и знать не будешь. [Фёдор Абрамов. Две зимы и три лета (1968)]. Грамотный любого *тюху-матюху* на лопатки положит. [А. И. Алдан Семёнов. Красные и белые (1966–1973)]. – Ничего, пожалуйста, – отклонил Зотов. *Тюха-матюха!* Раскис. [А. И. Солженицын. Случай на станции Кочетовка (1962)]. Что родом *тюхи да матюхи*, /Да простаки, да Ваньки мы [А. Т. Твардовский. К концу дороги [За далью – даль, 13] (1950–1960)].

Еще одним следствием многообразия источников, положительным с точки зрения лингвокультурологии, является возможность анализировать прагматические характеристики примеров. Например, среди источников, из которых черпались паремии, имеется большое количество сборников,

рассчитанных на определенную целевую аудиторию – детей. Это загадки, помеченные в зоне шифра литерами ДЛ, то есть «Детская литература». Например: *Завязав глаза платком, заявил Кирилл баском: – Через пять минут, Тарас, отыскать ты должен нас. Раз, два, три, четыре, пять... Я иду вас всех искать (прятки) ДЛ [1, с. 87].* Они успешно дополняются загадками, размещенными на сайтах Интернета. Для данного типа загадок введено специальное обозначение – СЗ, то есть «Сетевая загадка». Ее прагматическая характеристика – быть рассчитанной на разные возрастные аудитории, а также учитывать их разные интеллектуальные способности и интересы. Сравните:

ЛЕНИН Почему **Ленин** ходил в ботинках, а **Сталин** в сапогах? (по земле) СЗ [1, с. 93].

ЛЮБОВЬ Как известно, все исконно русские женские имена оканчиваются либо на «а», либо на «я». Однако есть одно-единственное русское женское имя, которое не оканчивается ни на «а», ни на «я». Назовите его (**Любовь**) СЗ [1, с. 128].

Таким образом, опираясь на разнообразные источники, автор «Словаря» аккумулирует в рамках разнообразных статей широкомасштабную культурную информацию, давая лингвистам возможность соотнести ее с вербально выраженной информацией. В этом заключается один из векторов лингвокультурологического подхода к слову и структуре, использующей его в качестве компонента.

Еще один лингвокультурологический ресурс «Словаря» связан с «методом сплошной выборки», как обычно указывают в диссертационных исследованиях, когда при сборе фактологического материала все исследуемые языковые единицы подлежат обязательной фиксации. Для составителя словаря это не просто метод, а, скорее, принцип методологического подхода, благодаря которому, как шутливо замечает сам автор, «мы рискуем надоесть читателю до скуки», потому что «в рамках одной словарной статьи один и тот же, по сути, текст может повторяться несколько раз» [1, с. 16]. Многовариантность исследуемого материала возникает из-за того, что в предмет «ономографирования» попадают близкие по смыслу, но все же отличающиеся какой-то внешней незначительной деталью паремии и идиомы.

Однако эта деталь – языковая (фонетическая, лексическая, лексико-семантическая, грамматическая, морфологическая), а значит, в руках филолога она является немаловажной для собственно лингвокультурологического направления. Поэтому, благодаря «Словарю», у этой детали есть возможность стать предметом лингвокультурологического рассмотрения. Сравним, например, три варианта загадки, в которых упоминается имя Христа: «Родился – не крестился, а Христа на себе носил (осёл) Р 254; Родился – не крестился, умер – не спасся, а Христа возил (осёл) Р 77; Родился – не крестился, умер – не спасся, а Христа носил (осёл) Д 965, С 2309» [1, с. 80]. Мы видим, что варианты представлены как на основании разных источников (условное обозначение Д, С в пометах словарной статьи, в «зоне шифра» говорит о сборниках В. И. Даля и Д. Н. Садовникова), так и одного – сборника М. А. Рыбниковой (условное обозначение Р). Значит, в трех паремиях как бы сосредоточены две эпохи, с двумя различающимися объектами материальной культуры. Поэтому сопоставление вариантов приведет к необходимости объяснения, почему для века XIX характерен один вариант у двух авторов со словом носил, а в примерах века XX, когда появляется автомобиль, и носил, и возил, а также может ли это быть связано с идеей отношения к Богу и к «вождю» нового времени. Кроме того, известно, что в качестве составителя сборника Рыбникова придерживалась определенной установки – «важно вести записи на окраине и среди малых народностей Союза» [5, с. 7], что обуславливало и особую компоновку собранного материала в ее сборнике. Рыбникова признавалась: «Отличается наш сборник и расположением материала: по местностям» [5, с. 7]. Значит, два примера из сборника XX века могут быть рассмотрены и в рамках специфики культуры разных местностей, например, при опоре на другие материалы исследователь может объяснить, почему из одной загадки с теонимом Христос «уходит» ключевое для верующих слово спасся. Толчком к размышлению могут стать варианты загадки с одним именем Христос из одной словарной статьи.

Все приведенные выше примеры означают, что представленный в «Словаре» Ковшовой материал открывает широкие возможности для дальнейшего его изучения с точки зрения

диахронии / синхронии, диалектологии и т.п., соединяющих названный возможный ракурс с лингвокультурологическим «акцентом». Именно на это, по нашему мнению, рассчитывает автор. «Словарь» позволяет любому исследователю, обратившемуся к нему, «обнаружить в загадках, пословицах, поговорках и идиомах большое количество совпадающих буквально или сходных образов», значит, он позволяет определить, как «культура кодирует исходные смыслы» [1, с. 13].

Обратим внимание и на само название «Словаря», которое, по нашему мнению, изначально определяет нацеленность на воспроизведение лексикографического материала в рамках единого поля культуры – русской культуры, несмотря на то что текстовый уровень употребления имени собственного весьма различен.

О едином поле культуры также говорит «перекличка» имен собственных, представленных в разных разделах словаря, их «повторяемость» в разных разделах книги, посвященных разножанровым фольклорным текстам и языку узуса. Например, обратившись к уже привлечшему наше внимание теониму *Иисус Христос*, мы находим словарные статьи, включающие это имя:

1) в разделе «Собственное имя в загадках», где оно входит в заголовочную зону *ИИСУС ХРИСТОС – Иисус Христос, Иисус, Христос* [1, с. 80];

2) в разделе «Собственное имя в пословицах и поговорках», где используется в качестве заголовочного слова в ряду «*Иисус, Иисус Сирахов, Иисусова (ИИСУС)*» [1, с. 156] и «*Христос, Христов, Христова, Христовы (ХРИСТОС)*» [1, с. 196];

3) в разделе «Собственное имя в идиомах» как заголовочное имя «*ИИСУС*» [1, с. 258–259] и «*ХРИСТОС*» [1, с. 334–341].

Данный пример говорит о том, что материал статей в названных разделах представляет единое культурное поле и дает культурную информацию о востребованности теонима в разных сферах языка и речи.

Таким образом, весьма разноплановый материал источников, методологический принцип сплошной выборки и структура книги доказывают, что составитель «Словаря» видит его основное назначение не столько в фиксации факта употребления ономастической единицы и не столько в возможности

составить статистическую картину ее использования, сколько в возможности изучить «культурно-языковую функцию собственных имен», потому что все антропонимы, используемые в паремиях и идиомах, способны «быть проводником в пространстве культуры, являться носителем ценностно значимого культурологического содержания, когнитивно релевантного сознанию современного носителя языка» [1, с. 13].

Список литературы

1. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. – М.: Ленанд, 2019. – 352 с.
2. Ковшова М. Л. Теория языка и лексикография: словарь антропонимов русских паремиях и фразеологизмах // Славянская фразеология и паремология: традиционные и новаторские решения проблем: К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – С. 130–136.
3. Линь Л., Су С. О национально-культурной семантике антропонимии // Вопросы гуманитарных наук. – 2013. – № 6 (69). – С. 39–42.
4. Рогозинникова Н. Г. Антропонимическая формула и ее стилистические функции в СМИ // Иностранные языки в Узбекистане. – 2019. – № 6 (29). – С. 63–77.
5. Рыбникова М. А. Загадки. – М.-Л.: Academia, 1932. – 488 с.
6. Nicknamen international: zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen. P. Schlobinski, T. Siever (eds.). – Berlin: Peter Lang GmbH, 2018. – 398 s.

Olga A. Meshcheryakova

"A Man in the Language": about the Dictionary of Proper Names by M. L. Kovshova

Book review: Kovshova, M. L. (2019) Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Sayings and Idioms. Moscow: Lenand.

This article presents a review of the "Dictionary of proper names in Russian riddles, proverbs, sayings and idioms" by M. L. Kovshova. The experience of lexicographic anthroponymy is analyzed from the standpoint of linguoculturology.

Key words: anthroponym, proverb, idiom, lexicographic anthroponymy, linguoculturology.

For citation: Meshcheryakova, O. A. (2023) «Chelovek v yazyke»: o slovare sobstvennyh imen M. L. Kovshovoj [“A Man in the Language”: about the Dictionary of Proper Names by M. L. Kovshova]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 167–175. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_167

References

1. Kovshova, M. L. (2019) *Slovar' sobstvennyh imen v russkikh zagadkah, poslovicah, pogovorkah i idiomah* [Dictionary of proper names in Russian riddles, proverbs, sayings and idioms]. Moscow: Lenand Publ. (In Russian).
2. Kovshova, M. L. (2020) *Teoriya yazyka i leksikografiya: slovar' antroponimov russkikh paremiyah i frazeologizmah* [Theory of language and lexicography: a dictionary of anthroponyms in Russian paremias and phraseological units] *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya: tradicionnye i novatorskie resheniya problem: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. M. Mokienco* [Slavic phraseology and paremiology: traditional and innovative solutions to problems: On the 80th anniversary of the birth of Professor V. M. Mokienco]. Gomel': GGU im. F. Skoriny. Pp. 130–136. (In Russian).
3. Lin', L., Su, S. (2013) O nacional'no-kul'turnoj semantike antroponimiki [On the national-cultural semantics of anthroponymy] *Voprosy gumanitarnykh nauk – Questions of the Humanities*. № 6 (69). Pp. 39–42. (In Russian).
4. Rogozinnikova, N. G. (2019) Antroponimicheskaya formula i ee stilisticheskie funkicii v SMI [Anthroponymic formula and its stylistic functions in the media] *Mostrannyye yazyki v Uzbekistane – Foreign languages in Uzbekistan*. № 6 (29). Pp. 63–77. (In Russian).
5. Rybnikova, M. A. (1932) *Zagadki* [Puzzles]. Moscow; Leningrad: Academia Publ. (In Russian).
6. Schlobinsk, P., Siever, T. (2018) (eds) *Nicknamen international: zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen*. Berlin: Peter Lang GmbH Publ. (In Deutsch).

дата получения: 10.11.2022
дата принятия: 02.12.2022
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 10 November 2022
date of acceptance: 02 December 2022
date of publication: 30 March 2023

Сведения об авторах

Абакумова Ольга Борисовна, профессор Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, Орел);
e-mail: abakumova-ob@mail.ru

Большев Александр Олегович, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: olegovich1955@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0974-2145

Гродецкая Анна Глебовна, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: grodetkaiaag@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1198-2877

Данилова Наталья Кузьминична, научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

Кацюба Лариса Борисовна, доцент Российского университета дружбы народов, кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Москва);
e-mail: larrakatz@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7427-642X

Коновалов Сергей Михайлович, доцент Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, Минск);
e-mail: sm_konovalov@mail.ru

Мещерякова Ольга Александровна, главный научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: lameo56@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7950-5874

Моради Марзие, магистр русской литературы Тегеранского университета (Исламская Республика Иран, Тегеран);
e-mail: moradi.marzieh@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-5522-4552

Ничипоров Илья Борисович, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, Москва);
e-mail: il-boris@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6338-9947

Оверина Ксения Сергеевна, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: k.overina@spbu.ru; ORCID ID: 0000-0002-2958-7664

Орлова Ольга Сергеевна, младший научный сотрудник Института языкознания РАН, кандидат филологических наук (Российская Федерация, Москва);
e-mail: OrlovaOlgaS@list.ru; ORCID ID: 0000-0002-4998-1503

Цуканов Евгений Александрович, доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, кандидат филологических наук (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Чевтаев Аркадий Александрович, доцент Государственной полярной академии, кандидат филологических наук (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: achevtaev@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-6844-8560

About Authors

Abakumova Olga B., Professor, Doctor of Philology, Orel State University named after Turgenev (Russian Federation, Orel);
e-mail: abakumova-ob@mail.ru

Bolshev Aleksandr O., Professor, Doctor of Philology, Saint-Petersburg State University (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: olegovich1955@mali.ru; ORCID ID: 0000-0002-0974-2145

Grodetskaya Anna G., Leading Researcher, Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) RAS (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: grodetskaiaag@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1198-2877

Danilova Natalya K., Researcher, PhD of Philology, Pushkin Leningrad State University (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

Katsyuba Larisa B., Associate Professor, PhD of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation, Moscow);
e-mail: larrakatz@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7427-642X

Konovalov Sergey M., Associate Professor, PhD of Philology, Minsk State Linguistic University (Republic of Belarus, Minsk);
e-mail: sm_konovalov@mail.ru

Meshcheryakova Olga A., Chief Researcher, Doctor of Philology, Pushkin Leningrad State University (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: lameo56@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7950-5874

Moradi Marzieh, M.A. in Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran);
e-mail: moradi.marzieh@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-5522-4552

Nichiporov Ilya B., Professor, Doctor of Philological Science, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow);
e-mail: il-boris@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6338-9947

Orlova Olga S., Junior Researcher, PhD of Philology, Institute of Linguistics RAS (Russian Federation, Moscow);
e-mail: OrlovaOlgaS@list.ru; ORCID ID: 0000-0002-4998-1503

Overina Ksenia S., Associate Professor, PhD of Philology, Saint-Petersburg State University (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: k.overina@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-2958-7664

Tsukanov Evgeny A., Associate Professor, PhD of Philology, Technologies of the Media, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Higher School of Printing and Media Technologies (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Chevtaev Arkady A., Associate Professor, PhD of Philology, State Polar Academy (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: chevtaev@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-6844-8560

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «Art Logos» («Искусство слова»)

К публикации в журнале «Art Logos» принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем современного научного знания в области филологии.

Материал должен быть представлен одним файлом в следующей последовательности:

1. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>), контактный телефон.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом не менее 1000 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

3. Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Суг, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 10 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи.

Русские источники необходимо транслитерировать, для автоматической транслитерации использовать программу <https://transliteration.pro/bsi>

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- *научная статья / Original article* – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- *обзорная статья / Review* – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- *краткое сообщение / Short Communication* – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

2. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

3. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

4. DOI присваивается редакцией после принятия статьи к публикации.

5. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок статьи** призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты.
- **Аннотация.** Рекомендуемый объем не менее 1000 знаков с пробелами. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».
- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые

оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.

• **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования. Заголовков «Введение» внутри статьи не указывается, ввиду особенностей технической верстки журнала.

• **Материалы и методы.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит описание методики исследования, ее объекта и последовательности.

• **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы).

• **Обсуждение и выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.

• **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать личный вклад в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
00/00

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ со статьей, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

Примеры оформления библиографического описания различных источников

Монография

- Гродецкая А. Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. – СПб.: ИРЛИ РАН; Полиграф, 2021. – 432 с.

Статья в журнале

- Савко И. Э. Система упражнений по обучению грамматическим нормам русского литературного языка // Русский язык и литература. – 2008. – No 6. – С. 22–31.

Статья в журнале с указанием DOI

- Николина Н. А., Петрова З. Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 4. – С. 93–101. DOI 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101.

Статья в сборнике трудов конференции

- Жуков А. В. О потенциальности фразеологических единиц // Пушкинские чтения-2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIII международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 371–379.

Статья в сборнике научных статей

- Мучник Х. «Раковый корпус»: Судьба и вина // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика 1974–2008: сб. науч. ст. – М.: Русский путь, 2010. – С. 558–574.

Монография на иностранном языке

- Durand R. Handbook to the poetry of Rudyard Kipling. – Garden City; New York: Doubleday, Page&Co., 1914. – 386 p.
- Jeffris L. Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning. – London: Continuum, 2010. – 150 p.

Статья в журнале на иностранном языке

- Ralph M. Balthasar and Speyr: First Steps in a Discernment of Spirits // Angelicum. – 2014. – Vol. 91. – No. 2 – Pp. 273–302.

Примеры описания постраничных сносок

Интернет-ресурсы

- Адамов А. Ветвь // Слово/Word. – 2013. – № 78. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2013/78/vetv.html?ysclid=l7n9k8iil1701490013> (дата обращения: 01.07.2022).
- Трубецкая Н. А. Вера Анатольевна Пушкина (Константинович): к неизвестным страницам биографий представителей рода Пушкиных // Музеумания. Электронный ресурс. Электронный ресурс. URL: https://muzeumania.ru/2022/06/06/trubeckaya-pushkina/?ysclid=l7nc2do7fp72375959#_ftn7 (дата обращения: 01.07.2022).

Интернет ресурсы на иностранном языке

- Clubfoot. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/clubfoot> (accessed 20 June 2022).

Нормативные правовые акты

- Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

Учебные издания

- Русский язык. 8 класс: учеб. / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, О. В. Загоровская, А. Г. Нарушевич. – М.: Просвещение, 2017. 223 с.
- Пасечник С. В. Логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

Диссертация и автореферат диссертации

- Мкртчян Т. Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиointerview (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. 181 с.

- Сотова И. А. Теория и практика самоконтроля в письменной речевой деятельности школьников на уроках русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2008. 47 с.

References

References должны быть представлены в латинице. Необходимо учитывать, что:

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке.
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например, <http://translit-online.ru/> используя две основные формулы:

Для научных статей

Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya zagolovka stat'i* [Translation of the headline of the article]. *Trasliteraciya nazvaniya istochnika – Translation of the headline of the source*. Vol. 0. No. 0. Pp. 0–0. (In Russian).

Для книг

Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya nazvaniya knigi* [Translation of the headline of the book]. Place: Izdatel'stvo. (In Russian).

Примеры оформления References

Монография

- Grodeckaya, A. G. (2021) *Goncharov v literaturnom dome Majkovykh. 1830–1840-e gody* [Goncharov in the Maikov literary house. 1830–1840s / rev. Ed. A. Yu. Balakin]. St. Petersburg: Institute of Russian Literature RAS; Poligraf. (In Russian).

Статья в журнале

- Savko, I. E. (2008) *Sistema uprazhnenij po obucheniyu grammaticheskim normam russkogo literaturnogo yazyka* [The system of exercises for teaching the grammatical norms of the Russian literary language]. *Russkij yazyk i literature – Russian language and literature*. No. 6. Pp. 22–31. (In Russian).

Статья в сборнике трудов конференции

- Zhukov, A. V. (2018) *O potencial'nosti frazeologicheskikh edinic* [On the potentiality of phraseological units] *Pushkinskie chteniya–2018. Hudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst*. [Pushkin Readings–2018. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Proceedings of the XXIII international scientific conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 371–379. (In Russian).

Статья в сборнике научных статей

- Muchnik, KH. (2010) «Rakovyy korpus»: Sud'ba i vina [“Cancer Ward”: Fate and Guilt]. *Solzhenitsyn: myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaya kritika 1974–2008* [Solzhenitsyn: thinker, historian, artist. Western Criticism 1974–2008]. Moscow: Russkij put' Publ. Pp. 558–574. (In Russian).

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе "Авторам" на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/art-logos/avtoram-5>

Материалы, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо направить на e-mail главного редактора art.logos@lengu.ru

научный журнал

Art Logos

(искусство слова)

№ 1 (22)
2023

Редактор **Т. В. Мальцева**
Технический редактор **Н. П. Никитина**
Верстальщик **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.03.2023. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Jost, Loga. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ № 1851

Адрес учредителя, издателя
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-91-76 <http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru